
МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 4 (октябрь - декабрь) 2023 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс

научного цитирования (РИНЦ) и

зарегистрирован в Научной электронной

библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: Издательство “ЮРКОМПАНИ”

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано

в Национальном центре ISSN

(Свидетельство о регистрации

ISSN 2782-3849 от 13 декабря 2021 г.)

Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

сетевой научно-правовой журнал

Ежеквартальный аналитический научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:

Людмила Грудцына

Первый заместитель главного редактора:

Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:

Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Марина Горячева**

Дизайн: **Роман Ерцев**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис А 802.2. Этаж 8.

Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, кв. 57.

Home page: www.r.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

WhatsApp: +7-903-672-55-88

Многоканальный: +8-800-700-45-88

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Российский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Грудцына Людмила Юрьевна**,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права
и гражданского процесса Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), эксперт Центра научной и экспертной
аналитики Международного центра компетенций Российской государственной академии
интеллектуальной собственности, эксперт РАН,
Почетный адвокат России

Первый заместитель главного редактора: **Шайхуллин Марат Селирович**,
доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых
исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

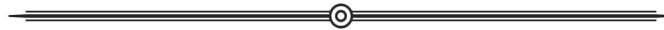
Заместитель главного редактора: **Рыжов Валерий Борисович**,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного
и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета

- **Е.В. Алферова** – кандидат юридических наук, заведующая отделом правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН
- **Е.Г. Багреева** — доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **А.В. Барков** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.
- **Н.И. Беседкина** – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
- **Е.В. Богданов** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова.
- **О.Н. Булаков** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета
- **Е.В. Воевода** — доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России
- **А.В. Гаврилин** — доктор педагогических наук, профессор, действительный член АПСН, заведующий кафедрой теории и методики воспитания Владимирского института развития образования им. Л.И. Новиковой
- **М.А. Газимагомедов** – кандидат юридических наук, и.о. профессора кафедры уголовного права и криминологии Института финансов и права, член Ассоциации юристов России, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Почетный профессор права Института адвокатуры, нотариата и международных отношений
- **М.А. Гончаров** — доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

- **С.А. Гримальская** — кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **И.В. Дойников** – доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы
- **А.А. Дорская** — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
- **С.О. Елишев** – доктор социологических наук, доцент, ученый секретарь, профессор кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- **В.Б. Израелян** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
- **А.С. Кагосян** — доктор педагогических наук, профессор, директор Академического колледжа Международного инновационного университета (г. Сочи), Почетный работник среднего профессионального образования РФ
- **Р.А. Каламкарян** — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов
- **В.П. Камышанский** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
- **И.А. Конюхова** – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия
- **Н.Н. Косаренко** – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета
- **Н.В. Кроткова** – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право»
- **З.И. Курцева** — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института философии Московского педагогического государственного университета
- **А.Н. Левушкин** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.
- **В.Э. Меламуд** – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы
- **В.С. Меськов** — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

- **А.Х. Миндагулов** – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)
- **В.О. Миронов** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
- **Ю.В. Николаева** – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ
- **А.В. Рагулин** – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов
- **А.В. Рогова** — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
- **Н.В. Семенова** — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
- **А.Б. Синельников** — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- **Д.С. Сомов** – доктор педагогических наук, директор гимназии № 710 Российской академии образования
- **А.А. Спектор** – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
- **Р.Ф. Степаненко** — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
- **Д.П. Стригунова** — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
- **В.Н. Ткачев** — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова
- **Н.Е. Толстая** – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института
- **А.Г. Тюриков** — доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **М.С. Халиков** — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
- **Н.П. Ходакова** — доктор педагогических наук, доцент, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

- **Г.Г. Черемных** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты
- **Х.С. Шагбанова** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член-корреспондент РАЕН
- **Г.Г. Шинкарецкая** — доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Editorial Board:

Editor-in-chief: **Grudtsina Ludmila Yurievna**, doctor of law, professor, professor of the Department of civil law and civil process of the Northwestern Institute (branch) of the O.E. Kutafin University (Moscow State University), expert of the Center for scientific and expert analytics of the International competence center of the Russian State Academy of Intellectual Property, expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

First Deputy Editor-in-Chief: **Shaikhullin Marat Selyovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Deputy Editor-in-Chief: **Ryzhov Valery Borisovich**, Ph.D., associate professor, associate professor, Department of state and municipal administration, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

- **E.V. Alferova** — Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Law of the Institute of Scientific Information in the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
- **E.G. Bagreeva** — Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities of FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»
- **A.V. Barkov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.
- **N.I. Besedkina** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation
- **E.V. Bogdanov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov
- **O.N. Bulakov** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Human
- **E.V. Voevoda** — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Professor of the Department of English No. 2 of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs
- **A.V. Gavrilin** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Full Member of the APSN, Head of the Department of Theory and Methods of Education of the Vladimir Institute for the Development of Education named after L.I. Novikova
- **M.A. Gazimagomedov** — candidate of legal sciences, acting professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Institute of Finance and Law, member of the Association of Lawyers of Russia, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Professor of Law of the Institute of Law, Notary and International Relations
- **M.A. Goncharov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute «Higher School of Education,» Professor of the Department of Pedagogy of the Institute «Higher School of Education» of Moscow Pedagogical State University
- **S.A. Grimalskaya** — candidate of legal sciences, associate professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»

- **I.V. Doinikov** — Doctor of Law, Professor, Professor, Moscow City University of Management of the Moscow Government
- **A.A. Dorskaya** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen
- **V.B. Israelyan** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Jurisprudence, Moscow City University of Management of the Moscow Government, Leading Research Fellow at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
- **A.S. Kagosyan** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Academic College of the International Innovation University (Sochi), Honorary Worker of Secondary Professional Education of the Russian Federation
- **R.A. Kalamkaryan** — Doctor of Law, Professor, Leading Researcher in the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Russian University of Peoples' Friendship
- **V.P. Kamyshansky** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law, FSBOU VPO «Kuban State Agrarian University,» Head of the Department of Civil Law and Process, Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Rossinsky, Honorary Worker
- **I.A. Konyukhova** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor of the Department of Constitutional Law of the Russian Academy of Justice
- **N.N. Kosarenko** — candidate of philosophical sciences, candidate of legal sciences, associate professor of the Department of State Legal Disciplines of Moscow Humanities University
- **N.V. Krotkova** — candidate of legal sciences, leading researcher in the sector of constitutional law and constitutional justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief of the journal «State and Law»
- **Z.I. Kurtseva** — a doctor of pedagogical sciences, the associate professor, professor of department of rhetoric and the standard of speech of Institute of philosophy of the Moscow pedagogical state university
- **A.N. Levushkin** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice
- **V.E Melamud** — Doctor of Pedagogical Sciences, Corresponding Member of the International Academy of Management, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation, Director of the Izmailovsky Gymnasium No. 1508 of Moscow
- **V.S. Meskov** — Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of Pedagogy, Institute «Higher School of Education» of Moscow Pedagogical State University
- **A.Kh. Mindagulov** — Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan)
- **V.O. Mironov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Customs Management of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
- **Yu.V. Nikolaeva** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation
- **A.V. Ragulin** — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on the Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers of the Russian Bar Guild

- **A.V. Rogova** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy of the Psychological and Pedagogical Faculty of Transbaikal State University, member of the Scientific Council on the Problems of the History of Education and Pedagogical Science at the Institute of Theory and History of Pedagogy RAO, Honored Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education
- **N.V. Semenova** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor, Department of Pedagogy, Pedagogical Institute of Pacific State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
- **A.B. Sinelnikov** — doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of sociology of the family and demography, sociological faculty, Lomonosov Moscow State University
- **D.S. Somov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Director of Gymnasium No. 710 of the Russian Academy of Education
- **A.A. Spector** — Doctor of Law, Professor of the Department of Entrepreneurial Law of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin
- **R.F. Stepanenko** — Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Kazan (Volga) Federal University
- **D.P. Strigunova** — Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of International and Integration Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
- **V.N. Tkachev** — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov
- **N.E. Tolstaya** — Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Rector of the Sergiev Posad Humanitarian Institute
- **A.G. Tyurikov** — doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of sociology, FSO-BU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»
- **M.S. Khalikov** — doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of personnel management, Institute of public service and management, Russian Academy of national economy and public service
- **N.P. Khodakova** — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Teaching Methods, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University
- **G.G. Cheremnykh** — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Notary of Moscow, Member of the Board of the Moscow City Notary Chamber
- **H.S. Shagbanova** — doctor of philology, associate professor, professor of the Department of philosophy, foreign languages and humanitarian training of employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of advanced training of employees of the Ministry of internal affairs of Russia, corresponding member of the Russian Academy of natural sciences
- **G.G. Shinkaretskaya** — Doctor of Law, Chief Researcher, International Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

- ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
- КРИМИНОЛОГИЯ
- ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
- КРИМИНАЛИСТИКА
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Специальность: 5.1.5. – Международно-правовые науки (юридические науки)

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ
- МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
- МЕЖДУНАРОДНО ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО
- МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

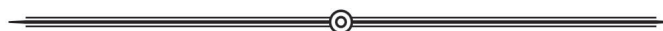
JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.4. – Criminal Law Sciences (Law Sciences)

- THEORY OF CRIMINAL LAW
- CRIMINAL LAW AND PROCESS
- CRIMINOLOGY
- CRIME AND PUNISHMENT
- FORENSICS
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Specialty: 5.1.5. - International legal sciences (legal sciences)

- HUMAN RIGHTS IN THE WORLD
- INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS
- INTERNATIONAL LAW MAKING
- PUBLIC INTERNATIONAL LAW
- INTERNATIONAL ECONOMIC LAW
- INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Международный научный вестник»

1. Рецензируемое научное издание – научно-правовой журнал «Международный научный вестник» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, докторами или кандидатами юридических наук, и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой научной статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции рецензируемого научного издания в течение пяти лет.

2. Редакция научно-правового журнала «Международный научный вестник» направляет авторам представленных материалов копии рецензий и/или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию научно-правового журнала «Международный научный вестник» соответствующего запроса.

3. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

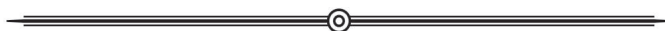
а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

СОДЕРЖАНИЕ:**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**

Грудцына Л.Ю. * Развитие государства и общества в аспекте частного и публичного права 15

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Михаленко Н.А. * Современные аспекты правового обеспечения суверенитета России 21

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Каллагов Т.Э. * Теоретико-правовые основы и природа муниципально-служебных отношений в современном мире 26

Янишевская Я.А. * К вопросу о возникновении валютных союзов в современном мире: теоретико-правовой аспект 33

Иванова С.А., Грудцына Л.Ю. * Международные основы формирования и развития институтов гражданского общества: теоретико-правовой аспект 41

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Черноокая В.В. * Правовая природа имущественных отношений супругов 50

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Молчанов С.В., Грудцына Л.Ю. * Субъект в образовательном процессе: понятие, содержание, правовая природа 54

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Воробьева К.В. * Некоторые детерминирующие факторы женской рецидивной преступности 63

Газимагомедов М.А. * Теория статистики судебных решений в уголовном праве и процессе 66

Шокотько М.А. * Методика выступления адвоката в суде 71

CONTENTS:**HUMAN RIGHTS**

Grudtsina L.Yu. * Development of the state and society in the aspect of private and public law 15

POLICY AND LAW

Mikhaleiko N.A. * Modern aspects of legal support for the sovereignty of Russia 21

PUBLIC LAW

Callagov T.E. * Theoretical and legal foundations and nature of municipal-service relations in the modern world 26

Yanishevskaya Ya. A. * On the question of the emergence of currency unions in the modern world: the theoretical and legal aspect 33

Ivanova S.A., Grudtsina L.Yu. * International Foundations for the Formation and Development of Institutions of grazhdanskogo Society: Legal and Theoretical Aspect 41

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Chernokaya V.V. * Legal nature of property relations of spouses 50

MODERNIZATION OF EDUCATION

Molchanov S.V., Grudtsyna L.Yu. * Subject in the educational process: concept, content, legal nature . . . 54

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Vorobyova K.V. * Some determinants of female recurrent crime 63

Gazimagomedov M.A. * Theory of statistics of court decisions in criminal law and process 66

Shokotko M.A. * Methodology of the lawyer's speech in court 71

= ПРАВА ЧЕЛОВЕКА =

ГРУДЦИНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
эксперт Центра научной и экспертной аналитики
Международного центра компетенций
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности,
Почетный адвокат России,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В АСПЕКТЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

◇ **Аннотация.** В статье авторы делают вывод о том, что частноправовые и публично-правовые начала реализуются в тесной взаимосвязи с социально-экономическими и культурными отношениями в конкретный исторический отрезок времени, не могут быть оторванными от них, а потому во многом логика их развития зависит от экономической ситуации, которая диктует, в частности, направление развития права и законодательства, а также судебного правоприменения и толкования законов. Существование и развитие гражданского общества немислимо вне сложной системы общественных отношений и без участия (прямого или опосредованного) государства, в частности, посредством издания и применения норм частного и публичного права. Влияние на гражданское общество оказывает и политическая система государства, от качества которой в конкретный момент времени зависят модели развития общества.

◇ **Ключевые слова:** государственное управление, гражданское общество, частное право, публичное право, государство, права человека, бизнес, экономика, закон.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
doctor of legal Sciences, Professor,
Professor of the Department of legal regulation of economic activities
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation, full member of RAEN,
The honourable lawyer of Russia

DEVELOPMENT OF THE STATE AND SOCIETY IN THE ASPECT OF PRIVATE AND PUBLIC LAW

◇ **Annotation.** In the article, the authors conclude that private law and public law principles are implemented in close relationship with socio-economic and cultural relations at a specific historical period of time, cannot be disconnected from them, and therefore the logic of their development largely depends on the economic situation, which dictates, in particular, the direction of development of law and legislation, as well as judicial enforcement and interpretation of laws. Existence and development of civil society is impossible out of difficult system of the public relations and without involvement (direct or mediated) the states, in particular, by means of issuing and application of norms of private and public law. Impact on civil society is exerted also by political system of the state on which quality in a specific timepoint models of development of society depend.

◇ **Key words:** public administration, civil society, private law, public law, state, human rights, business, economy, law.

Важной задачей, стоящей одновременно перед государством и обществом конкретной страны, является устранение «треугольника недоверия»: у государства – к обществу и

бизнесу, у бизнеса – к государству и обществу, у общества – к государству и бизнесу [6, с. 25]. На первый взгляд, развитие общества происходит исключительно в рамках частных интересов, но

участие публичной власти и распространение публичных норм на частноправовую сферу (пусть и опосредованным образом) нельзя подвергать сомнению. Как верно отметил Н.М. Коршунов, «частные и публичные интересы очень часто совпадают, и это делает их использование в качестве надежного критерия разграничения частного и публичного права весьма затруднительным» [9, с. 24].

С одной стороны, многие публично-правовые нормы, да и функции публичного права в целом, в значительной мере направлены на защиту частных интересов [13, с. 37; 14, с. 255]. С другой стороны, любая правовая норма, устанавливающая частноправовые основы каких-либо общественных отношений, по сути и природе своей является публичной, хотя бы потому, что, во-первых, санкционируется государством и становится частью национального законодательства, во-вторых, не может противоречить и угрожать самой государственной системе и природе государственного управления. Более того, частноправовые и публично-правовые начала реализуются в тесной взаимосвязи с социально-экономическими и культурными отношениями в конкретный исторический отрезок времени, не могут быть оторванными от них, а потому во многом логика их развития зависит от экономической ситуации, которая диктует, в частности, направление развития права и законодательства, а также судебного правоприменения и толкования законов.

В понимании факторов, оказывающих влияние на развитие гражданского общества, следует учитывать не только конкретную историческую эпоху, но и предшествовавшее ей историческое развитие государства и общества. Кроме того, как верно указывал П.И. Новгородцев, необходимо помнить о различии практики и теории при сближении их друг с другом. Не всегда бывает возможно охарактеризовать практические отношения на основании теоретических идеалов, как невозможно и сводить все содержание этих идеалов к ближайшим практическим нуждам [11, с. 27].

Экономические и культурные отношения, регулируемые правом, не принадлежат ни к одной из его областей и составляют общий предмет как публичного, так и частного права. Несостоятельно и разграничение права на частное и публичное при помощи интереса или характера общественных отношений, которые не составляют ни элементов правовой нормы, ни содержания субъективного права [5, с. 9].

По мнению Н.М. Коршунова, «следует говорить о... формах сочетания публично-правового

и частноправового регулирования общественных отношений, о конкретных границах публичного и частного права». Но как определить эти «конкретные» границы? И так ли необходимо их точное определение?

Ведь государство – многогранное явление, охватывающее не только сферу публичных интересов, но и проникающее во все пласты общественной жизни индивида. Например, жизнь гражданина в России отличается от жизни местного населения в Германии, и разница не только в этнопсихологии, но и в сущности и модели существующей в странах политической и правовой систем. Например, С.С. Алексеев пишет о том, что развитие правовых систем идет в основном в одном направлении: происходит взаимное обогащение права и в конечном счете своеобразная интеграция в праве, при которой правовые системы соединяются в целостные правовые образования, юридические конструкции [1, с. 114]. Такая конвергенция, отражающая закономерность развития национальных правовых систем, не ведет к нивелированию методов правового регулирования, поскольку никакого растворения частного права в публичном праве и наоборот не происходит.

Вспомним Гегеля, у которого государство – многоплановое явление, охватывающее различные сферы человеческой жизни, а не только аппаратно-управленческую и политическую. Обретение индивидом человеческого (нравственного) облика и объективация его как гражданина (в частности, законодательное наделение правами) возможны только в государстве [2, с. 35, 36]. Следовательно, на наш взгляд, само наделение государством – с помощью принятия соответствующих законов – индивида правами, свободами и обязанностями является актом проявления публично-правовых начал, что в то же время не исключает частноправового характера прав и свобод, которыми индивид наделяется.

Гегель, разделяя государство и гражданское общество как сферу всеобщих и сферу частных интересов, настаивает на их органическом единстве и взаимопроникновении: «По отношению к сферам частного права и частного блага, семьи и гражданского общества, государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и их высшая власть, природе которой подчинены и от которой зависят их законы и их интересы; но, с другой стороны, оно есть их имманентная цель, и его сила в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов, в том, что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами».

А. Грамши по-новому взглянул на государство, под которым понимал политическую общность (диктатуру или аппарат принуждения, призванный сформировать народную массу в соответствии со способом производства и экономикой данного момента), а не равновесие политической общности и общности гражданской, или гегемонию одной социальной группы над всей национальной общностью [4, с. 542], осуществляемую через проводники – институты гражданского общества (церковь, профсоюзы, образование и т.п.).

Кстати, интеллигенция часто действует именно в пределах гражданской общности. Например, А. Грамши писал, что подобная концепция роли интеллигенции освещает причины или одну из причин падения средневековых коммун, т.е. правления экономического класса, который не смог создать собственной интеллигенции и, следовательно, осуществлять какую-либо гегемонию помимо диктатуры [4, с. 543]. Это очень важный постулат.

Для общества индивидов (*точнее, граждан, о роли гражданства будет сказано ниже*), государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и высшая (координирующая) власть, с другой стороны, оно есть их имманентная цель, и его сила в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов, а именно в том, что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами.

Но здесь же содержится указание на важный признак гражданского общества: наделение индивидов правами по отношению к государству, которое берет на себя соответствующие этим законным правам обязанности по их выполнению, гарантирует этот процесс.

В связи с этим, по мнению Н.В. Андрианова, «индивидуальные права, обеспечивающие как защиту от необоснованного административного вмешательства, так и возможность влиять на административный аппарат, следует рассматривать в качестве важного элемента структуры гражданского общества» [2, с. 35, 36].

По мнению Д.Л. Козна и Э. Арато, Гегель к основным достижениям гражданского общества (современного ему немецкого буржуазного общества) относил «абстрактные права юридического лица и принцип субъективной свободы морального субъекта, намерения и воля которого должны быть приняты во внимание в любом суждении о действии» [3, с. 380]. Гегель рассматривает государство как единый организм, целостную систему, не сводимую только к власти и, тем более, к управленческому аппарату. Вот что он прямо говорит по этому поводу: «Государ-

ство есть организм, т.е. развитие идеи в свои различия. Эти различные стороны образуют различные власти, их функции и сферы деятельности, посредством которых всеобщее беспрестанно необходимым образом порождает себя, а поскольку оно именно в своем порождении предпослано, то и сохраняет себя. Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство, в свою очередь, сохраняется благодаря ему; если оба они расходятся, если различные стороны становятся свободными, то единство, которое их порождает, больше уже не положено. К ним применима басня о желудке и других частях тела. Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все» [3, с. 287].

Стоит отметить, что Гегель разделял три власти (не совпадающие с теорией разделения властей Монтескье): законодательную, правительственную (куда включал исполнительную и судебную власти в их современном понимании) и власть государя (верховную). Очевидно, что понятие государства для Гегеля шире понятий политической власти и государственного аппарата (политический строй). Из этого следует важный методологический вывод: при исследовании вопроса о соотношении категории «государство» с иными научными категориями, в том числе с категорией «гражданское общество», желательно, во избежание двусмысленностей, в каждом конкретном случае расшифровывать понимание термина «государство». Приведенные положения гегелевской теории гражданского общества сохраняют важное методологическое значение и еще будут использованы в настоящей статье.

Но вернемся к гражданскому обществу. Прежде всего, любая интерпретация понятия «гражданское общество» предполагает соотношение с понятием «государство», поскольку первое и исторически, и в теоретическом анализе возникает лишь при наличии второго. При этом категория «государство» всегда требует от исследователя расшифровки: или под ним понимается система власти, или административный аппарат, или институционально организованное геополитическое пространство, или институционально организованное население, или все это вместе, объединенное «развитием идеи в ее различии». В противном случае приходится строить догадки по поводу сентенций в духе: «Гражданское общество призвано следить за государством» (блестящий анализ гегелевской концепции гражданского общества содержится в работе классика отече-

ственной теории государства и права П.И. Новгородцева [12, с. 330–351]). Кроме того, необходимо учитывать нетождественность понятий «общество» и «гражданское общество».

Итак, для целей нашего исследования представляет непосредственное значение, во-первых, взгляд Гегеля на гражданское общество как сферу **частных, единичных интересов**, которая в определенных условиях приобретает **самостоятельное значение** по отношению к сфере **публичных (всеобщих) интересов** [5, с. 11].

Во-вторых, вывод о том, что дифференциацию гражданского общества от государства (как сферы политической власти и управленческого аппарата) обеспечивают индивидуальные права граждан, ограждающие их от произвольного административного вмешательства и предоставляющие возможность воздействия на властные институты (поэтому индивидуальные права следует рассматривать как важный элемент структуры гражданского общества).

В-третьих, указание на возможность достижения индивидуальной цели только «при соотношении с другими», то есть при наличии отношений солидарности, выступающей в качестве неотъемлемого элемента гражданского общества. Таким образом, согласно гегелевской концепции, сфера индивидуальных интересов, право и солидарность являются категориями, необходимыми для описания гражданского общества.

Целью поддерживаемого государством гражданского мира является защита государством отдельного гражданина. Гражданин – это «естественная» единица или атом (хотя даже в условиях гражданства имеется определенный «конвенциональный» элемент). С другой стороны, членами или единицами (атомами) нашего международного порядка являются государства. Однако государство в принципе не может быть таким же «естественным» элементом, как гражданин, ведь не существует естественных границ государства, они меняются и могут быть определены только посредством применения международного принципа *status quo*, а поскольку этот принцип всегда указывает на некоторую произвольно выбранную дату, то определение границ государства – конвенциональная процедура.

Отдельного рассмотрения требует учение Т. Парсонса о «социальной системе», под которой понимается общество, находящееся в «равновесии». Возможны небольшие колебания, но обычно общество пребывает в состоянии покоя. Все его части гармонично сочетаются друг с другом. Принадлежащие обществу индивиды обычно ориентируются на одни и те же нормы благодаря одинаковой для всех социализации. Они интегриро-

ваны в систему, следуют единым ценностям, без труда исполняют предписанные им роли. В нормальном состоянии конфликты между ними отсутствуют; изменения системы подобны помехам в работе отлаженного механизма.

Короче говоря, образ общества, получивший свое теоретическое выражение в понятии социальной системы, по мнению Н. Элиаса, при ближайшем рассмотрении оказывается идеальным образом нации [16, с. 38].

Как пишет Г. Клаус, «мы хотим не только понимать общественные системы, но и владеть ими. Владеть, однако, не значит знать все причинные связи системы. При известных обстоятельствах достаточно уже знать закономерности ее поведения» [8, с. 128]. Возьмем эту мысль на вооружение.

В.А. Энгельгардт полагал, что можно говорить о трех моментах, характеризующих взаимоотношения целого и части. Во-первых, это – возникновение взаимодействующей системы связей между частями целого. Во-вторых, утрата некоторых свойств части при вхождении в состав целого. В-третьих, появление у возникающей новой целостности новых свойств, обусловленных как свойствами основных частей, так и возникновением новых систем связей между частями. К этому нужно добавить упорядоченность частей, обусловленность их пространственного и функционального взаимоотношения [17, с. 108].

По мере возрастания целостности увеличивается и относительная независимость организма от среды, что связано с возникновением механизмов, позволяющих восстанавливать нарушение функций, вызванное изменениями в среде, сохранять в пределах нормы определенные, присущие организму параметры [3, с. 158].

Люди находятся в сети взаимозависимостей, которые прочно привязывают их друг к другу. Эта сеть может быть обозначена нами как фигурация – определенная форма связи ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей. Поскольку люди – сначала от природы, а затем и через обучение, воспитание, социализацию, социально пробуждаемые потребности – более или менее зависят друг от друга, постольку они всегда выступают во множественном числе, или, если можно так выразиться, существуют как «плюральности». Они всегда предстают в тех или иных фигурациях (сообществах). Вот почему не слишком плодотворно понимание человека как одиночки. Куда более уместно исходить из картины множества взаимозависимых людей, образующих фигурации, группы или разного рода сообщества. Тем самым исчезает характерное

для прежнего образа человека разделение на индивида (словно есть индивиды без общества) и общество (словно существует общество без людей). Понятие фигурации вводится нами именно потому, что своей ясностью оно превосходит понятийный инструментарий нынешней социологии.

Есть и другая теория. Как утверждает Б.В. Марков, государство «необходимости и рас-судка» имеет своей предпосылкой существование эгоистичных автономных индивидов, не имеющих традиций и находящихся в злобно недоверчивых отношениях друг к другу. Но даже в США формирование политической воли достигалось, скорее, на основе морального признания, чем рационального договора [10].

Ю. Хабермас видит следующий выход в интересубъективном понимании процедуры народного суверенитета: место частноправовой модели договора между субъектами рынка занимает совещательная практика участников коммуникативного процесса. Формирование общественного мнения и политической воли осуществляется не только в форме компромиссов, но и по модели публичных дискурсов, нацеленных на рациональную приемлемость правил в свете общих интересов и ценностных ориентаций.

Субъекты права – это не собственники самих себя и не солидарные частицы целого – народа, а индивиды, достигающие в процессе коммуникации нравственного признания друг друга, что и обеспечивает социальную интеграцию автономных индивидов [10].

Однако там, где государство говорит своим гражданам, что отдает на их усмотрение и решение те или иные области общественных отношений, мы наблюдаем господство отношений частных. Это отношения политической самостоятельности партий и иных объединений, морали, свободы мысли, значительная часть экономических отношений, образования, науки, культуры, спорта и т.д. [7, с. 51]

Ходом исторического развития современной России и, в силу складывающихся обстоятельств внутри частных отношений, наметились появления так называемых *пограничных отношений*, еще недавно позиционируемых в качестве публичных. Таковы, например, финансовые, земельные, медицинские, образовательные, природоресурсные, неимущественные (в границах гражданского права) отношения в области оказания услуг и прав человека. Эти примеры можно умножить, но их достаточно, чтобы констатировать наличие сложной общественной проблемы [7, с. 51].

По мнению Н. Элиаса, «наиболее полная интеграция всех граждан со своим государством

в условиях европейской многопартийности осуществилась только лишь в XX веке» [15, с. 289]. Осознанное отождествление граждан себя даже с государством является фактом относительно недавнего времени [2, с. 48].

Список литературы:

- [1] Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2006.
- [2] Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- [3] Афанасьев В.Г. Мир живого. Системность, эволюция и управление. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- [4] Грамши А. Искусство и политика. Письма Т. 1. М.: Искусство, 1991.
- [5] Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и частное право // Образование и право. 2012. № 1 (29).
- [6] Грудцына Л.Ю. Свобода и гражданское общество // Образование и право. 2011. № 1 (17).
- [7] Иванов В.И. Частные отношения: постановка вопроса // Образование и право. № 5 (21).
- [8] Клаус Г. Кибернетика и общество / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1967.
- [9] Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Инфра-М, 2011.
- [10] Марков Б.В. Предисловие к книге Юргена Хабермаса «Вовлечение другого. Очерки политической теории» / Пер. с нем. Ю.С. Медведева. СПб.: Наука, 2001.
- [11] Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901.
- [12] Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.
- [13] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001.
- [14] Тихомиров Ю.А. Публичное и частное право // Общая теория государства и права. Академический курс. М., 2009.
- [15] Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.
- [16] Элиас Н. О процессе цивилизации. В 2-х томах. Том 1. М., 2008.
- [17] Энгельгардт В.А. Интегратизм – путь от простого к сложному в познании явлений жизни // Вопросы философии. 1970. № 11.

Spisok literatury:

- [1] Alekseev S.S. Liniya prava. M.: Statut, 2006.
- [2] Andrianov N.V. Grazhdanskoe obshhество как sreda institucionalizacii advokatury'. M.: LIBROKOM, 2011.

[3] Afanas'ev V.G. Mir zhivogo. Sistemnost', e'volyuciya i upravlenie. Izd. 2-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010.

[4] Gramshi A. Iskusstvo i politika. Pis'ma T. 1. M.: Iskusstvo, 1991.

[5] Grudtsina L.Yu. Grazhdanskoe obshhestvo i chastnoe pravo // Obrazovanie i pravo. 2012. № 1 (29).

[6] Grudtsina L.Yu. Svoboda i grazhdanskoe obshhestvo // Obrazovanie i pravo. 2011. № 1 (17).

[7] Ivanov V.I. Chastny'e otnosheniya: postanovka voprosa // Obrazovanie i pravo. № 5 (21).

[8] Klaus G. Kibernetika i obshhestvo / Per. s nem. M.: Progress, 1967.

[9] Korshunov N.M. Konvergenciya chastnogo i publichnogo prava: problemy' teorii i praktiki. M.: Infra-M, 2011.

[10] Markov B.V. Predislovie k knige Yurgena Habermasa «Vovlechenie drugogo. Ocherki politich-

eskoj teorii» / Per. s nem. Yu.S. Medvedeva. SPb.: Nauka, 2001.

[11] Novgorodcev P.I. Kant i Gegel' v ix ucheniyax o prave i gosudarstve. Dva tipicheskix postroeniya v oblasti filosofii prava. M., 1901.

[12] Novgorodcev P.I. Kant i Gegel' v ix ucheniyax o prave i gosudarstve. SPb., 2000.

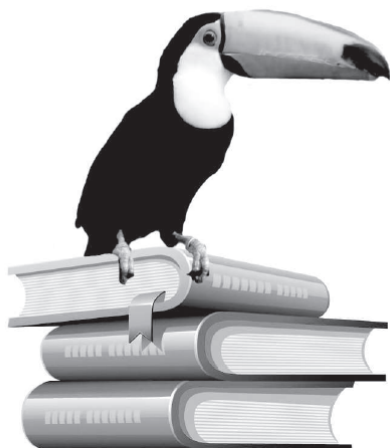
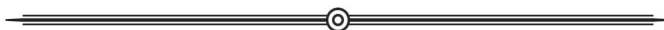
[13] Pokrovskij I.A. Osnovny'e problemy' grazhdanskogo prava. M., 2001.

[14] Tixomirov Yu.A. Publichnoe i chastnoe pravo // Obshhaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs. M., 2009.

[15] E'lias N. Obshhestvo individov. M., 2001.

[16] E'lias N. O processe civilizacii. V 2-x tomakh. Tom 1. M., 2008.

[17] E'ngel'gardt V.A. Integratizm – put' ot prostogo k slozhnomu v poznanii yavlenij zhizni // Voprosy' filosofii. 1970. № 11.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

= ПОЛИТИКА И ПРАВО =

УДК 34

МИХАЛЕНКО Никита Алексеевич,
аспирант кафедры теории права
и публично - правовых дисциплин,
ФГАОУ ВО « Самарский государственный
экономический университет»,
г. Самара,
e-mail: bote2018@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

◇◇◇◇◇ **Аннотация.** В статье анализируется воздействие прогресса цифровых технологий на работу государственных органов в Российской Федерации и изменение общественных отношений. Основное внимание уделяется цифровому суверенитету, его правовым аспектам и важности обеспечения информационной безопасности. Автор приходит к выводу, что на данный момент существует несколько различных подходов и отсутствует единое его определение в контексте государственного суверенитета. Роль государства в осуществлении суверенных полномочий необходимо рассматривать в соответствии с высшими ценностями прав и свобод гражданина, также требуется учитывать многообразие субъектов и участие негосударственных элементов при условии демократического правового государства.

◇◇◇◇◇ **Ключевые слова:** цифровые технологии, государственные органы, Цифровой суверенитет, информационная безопасность, конституционно-правовые характеристики, децентрализация.

MIKHALENKO Nikita Alekseevich,
Graduate Student, Samara State University of Economics,
Samara

MODERN ASPECTS OF LEGAL SUPPORT FOR THE SOVEREIGNTY OF RUSSIA

◇◇◇◇◇ **Annotation.** The article analyzes the impact of the progress of digital technologies on the work of government agencies in the Russian Federation and changes in public relations. The main focus is on digital sovereignty, its legal aspects and the importance of ensuring information security. The author concludes that at the moment there are several different approaches and there is no single definition of it in the context of state sovereignty. The role of the State in the exercise of sovereign powers must be considered in accordance with the highest values of the rights and freedoms of a citizen, it is also necessary to take into account the diversity of subjects and the participation of non-state elements, provided a democratic rule of law.

◇◇◇◇◇ **Key words:** digital technologies, government agencies, Digital sovereignty, information security, constitutional and legal characteristics, decentralization.

Прогресс цифровых технологий напрямую влияет на функционирование государственных органов в России, способствующий трансформации традиционных общественных взаимодействий в этой сфере [5, с. 33].

В условиях цифровизации публичного управления государственный суверенитет принимает новые формы. Один из аспектов этого процесса - Цифровой суверенитет, который дает государству возможность влиять на информационно-коммуникационные отношения. Развитие цифрового суверенитета требует принятия соот-

ветствующих мер для обеспечения информационной безопасности и гарантирования государственного суверенитета в данном контексте.

Эксперты подчеркивают, что в юридической литературе пока не существует общепринятого определения цифрового суверенитета. Поэтому необходимо разработать комплексный подход, который учитывал бы особенности правовых отношений в информационно-коммуникационной сфере, связанные с осуществлением государственных полномочий. Однако, имеющийся теоретический и нормативный материал позволяет

выделить конституционно-правовые характеристики цифрового суверенитета, что поможет определить механизмы его реализации и защиты [6, с. 28-29].

Цифровой суверенитет, входящий в государственный суверенитет, представляет собой контроль государства в информационном пространстве. Однако особенности цифровой сферы определяют его особенности с точки зрения конституционно-правовых характеристик, включая проблему территориальной ограниченности в условиях экстерриториального информационного пространства. Это требует разработки новых подходов к пониманию территориальности как характеристики цифрового суверенитета.

Существуют различные точки зрения на информационно-цифровой суверенитет, такие как цифровой, технологический и Цифровой суверенитет. Некоторые ученые считают, что нет нужды различать эти понятия и предлагают применять понятие государственного суверенитета ко всем аспектам его проявления, включая информацию и технологии. Тем не менее, с развитием информационно-цифровой сферы возникает потребность проанализировать изменения в суверенитете и обеспечить его эффективную реализацию.

Цифровой суверенитет представляет собой способность государства самостоятельно управлять информационными отношениями, разрабатывать и использовать информационные технологии, обеспечивать информационную безопасность и регулировать общественные отношения в этой области. В контексте исследования цифровой суверенитет рассматривается как более общее понятие по сравнению с технологическим и цифровым суверенитетом. Однако, возможно, существуют различия между цифровым и цифровым суверенитетом, но они рассматриваются как синонимичные понятия в контексте данной статьи [7, с. 281].

Высокоценные компоненты информационного суверенитета включают поисковую систему, социальные сети, операционную систему и программное обеспечение, микроэлектронику, сетевое оборудование, национальный сегмент сети Интернет, платежную систему, средства защиты, криптографические алгоритмы и протоколы, навигационную систему. Кроме того, к информационному суверенитету относится разработка и использование собственных IT-решений, способность автономно функционировать в цифровом пространстве и навыки работы с цифровыми технологиями у граждан и профессиональных IT-специалистов.

При анализе цифрового суверенитета предлагается взглянуть не только на государства как субъектов, но также на физических лиц, обще-

ственные организации и других участников. Их взаимодействие определяет реализацию цифрового суверенитета.

Преобразование суверенитета в условиях развития цифровых технологий влияет на его составляющие. Цифровизация приводит к появлению новых участников в осуществлении цифрового суверенитета из-за децентрализации. Это показывает, что традиционное понимание суверенитета как элемента власти изменяется в свете развития цифровых технологий [8, с. 5].

Важно отметить, что признание не только государства, но и других участников информационных отношений в связи с цифровым суверенитетом не означает, что роль публичной власти в обеспечении соответствующих нормативных аспектов и гарантий уменьшается. Цифровой суверенитет означает высшую власть в осуществлении информационной политики, поддержании порядка в информационной сфере и обеспечении правового равенства и независимости государства от внешнего контроля при использовании информации.

Цифровой суверенитет государства охватывает все аспекты информационной сферы, включая обеспечение безопасности информации, контроль над потоками данных, возможность формирования информационной политики и независимость в международном пространстве Интернета. Для обеспечения цифрового суверенитета необходимо постоянно обновлять технические возможности и разрабатывать собственные технологии. Важными факторами являются организационные и технические аспекты, однако также необходимо учитывать нормативно-правовое регулирование, особенно в рамках конституционных основ, которые обеспечивают реализацию цифрового суверенитета в Российской Федерации.

Регулирование в сфере нормативно-правовых норм играет важную роль при осуществлении суверенитета, особенно в контексте информационно-цифрового аспекта. Особое значение приобретает конституционное регулирование этого вопроса, учитывая поправки к Конституции, внесенные в 2020 году и направленные на укрепление национального суверенитета.

Были внесены следующие изменения в Конституцию Российской Федерации: введено требование обеспечения защиты суверенитета Российской Федерации (часть 2.1 статьи 67). Это положение подчеркивает стремление государства обеспечить свой суверенитет во всех сферах. Также были отредактированы полномочия публичной власти в связи с цифровизацией государства. Информация, информационные технологии и связь теперь отнесены к исключительной компетенции Российской Федерации (пункт «и»

статьи 71). Это означает, что на федеральном уровне установлена регулятивная компетенция публичной власти для определения принципов и порядка реализации прав государства и других субъектов, включая Цифровой суверенитет [1].

Предлагаемые изменения укрепляют конституционные основы механизма обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве. Однако для успешной реализации этих изменений необходимо разработать и установить соответствующие законодательные нормы. Основной тенденцией нормативного регулирования цифрового суверенитета является включение его элементов в подзаконные акты, направленные на достижение стратегических целей.

Например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что развитие безопасного информационного пространства является важным национальным интересом и стратегическим приоритетом. В предыдущей Стратегии информационной безопасности государств-участников Содружества Независимых Государств также подчеркивалась важность достижения и поддержания цифрового суверенитета государства [2-4].

Цифровой суверенитет представляет собой право государства определить и осуществить свои национальные интересы в информационной сфере в рамках национальных законов и международного права. Оно также включает право государства на формирование внутренней и внешней информационной политики, управление информационными ресурсами и создание инфраструктуры для национального информационного пространства. Важным аспектом обеспечения цифрового суверенитета является разработка политики, основанной на интересах национальной безопасности России. Национальная безопасность тесно связана с цифровым суверенитетом и становится неотъемлемой частью обязанностей государства. Кроме того, цифровой суверенитет также предполагает обеспечение безопасности отдельных граждан, а не только национальной безопасности [9, с. 20].

Вопрос о соотношении безопасности и цифрового суверенитета рассматривается в решении Совета глав правительств СНГ «Стратегия обеспечения информационной безопасности государств-участников Содружества Независимых Государств». Данный документ подчеркивает необходимость защиты цифрового суверенитета государств-участников СНГ в рамках обеспечения информационной безопасности. Он также подчеркивает право этих государств на независимое владение, использование и управление информационными ресурсами. В документе также указывается, что информационные воз-

действия, которые причиняют ущерб национальным интересам, представляют угрозу информационной безопасности [4].

В Евразийском экономическом союзе особое внимание уделяется защите информации путем развития цифрового пространства и достижения цифрового суверенитета. В стратегических направлениях развития цифрового пространства до 2025 года особое значение придается роли человека в качестве потребителя и активного участника цифровой среды. Одним из важных аспектов является создание безопасной среды обслуживания и надежной цифровой среды, а также формирование цифрового суверенитета для граждан и предприятий.

Защита информационной безопасности на уровне государства и общества играет важную роль, и в этом контексте особое значение имеет цифровой суверенитет. Механизмы, используемые для защиты цифрового суверенитета и обеспечения информационной безопасности, изложены в законодательных актах Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического союза.

Важно заметить, что Приказ №1869 Минпромторга России, выданный 29 мая 2019 года, одобрил концепцию развития российского сегмента евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации. В данном документе особое внимание уделяется необходимости гарантировать цифровой суверенитет и защищать информацию согласно требованиям российского законодательства.

Тем не менее, защита информации не является единственным аспектом, важным для обеспечения цифрового суверенитета. Чтобы иметь полноценную нормативную базу для обеспечения цифрового суверенитета, необходимо закрепить все его элементы. Следовательно, важно рассмотреть законодательное закрепление всех аспектов цифрового суверенитета в комплексе.

В президентском указе РФ от 2 июля 2021 года отмечается важность технологического суверенитета для обеспечения независимости страны в области искусственного интеллекта. Большое значение придается использованию отечественных технологий искусственного интеллекта и связанных разработок [2].

В стратегии развития информационного общества в Российской Федерации до 2030 года подчеркивается необходимость обеспечения суверенного права государства на формирование информационной, технологической и экономической политики в рамках национального сегмента Интернета. Это позволяет стране независимо управлять информационными процессами и защищать свои интересы в сфере информационных технологий.

Также отмечается важность в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации преодоления рисков и угроз в сфере информации, что способствует укреплению суверенитета страны и обеспечению долгосрочного роста благополучия общества.

Отсутствие системного подхода к разбирательству цифрового суверенитета на уровне научных концепций ведет к фрагментации нормативного регулирования этой области. В настоящее время регулирование ограничивается изучением отдельных аспектов, связанных с осуществлением суверенных полномочий в информационно-цифровой среде. В Российской Федерации нет конституционных основ для осуществления цифрового суверенитета, поэтому необходимо пересмотреть текущие подходы государственной политики в этой сфере.

Попытки использовать правовые механизмы для регулирования информационных и технологических ресурсов, компаний и технологий не решают эту проблему. Такие меры лишь в некоторой степени способны ограничить цифровой суверенитет, но не могут обеспечить полную гарантию его достижения на уровне государства, общества и индивидуума.

На данный момент процесс формирования цифрового суверенитета находится в начальной стадии, и существует несколько различных подходов к его толкованию. Отсутствует единое определение цифрового суверенитета, особенно в контексте государственного суверенитета. В Российской Федерации разработка нормативно-правовых мер для обеспечения цифрового суверенитета также находится на ранней стадии. Большинство законодательства сосредоточено в программных и стратегических документах [11, с. 206].

В условиях информационно-цифровой сферы требуется учитывать уникальные аспекты, связанные с реализацией суверенитета, такие как многообразие субъектов и ограниченная привязанность к определенной территории.

В данном контексте следует приступить к разработке концептуальных основ, определяющих понимание суверенитета в информационно-цифровой среде. В этой среде участники информационных отношений возрастают не только на уровне государства, поскольку взаимодействующие стороны выходят за его рамки. Несмотря на это, государство играет значимую роль в регулировании и управлении информацией и информационными технологиями в соответствии со своими правами и обязанностями.

В заключении исследования можно сделать вывод о важности развития цифрового суверенитета, основанного на принципах взаимодействия различных участников, контролируемости госу-

дарством и независимости от территориальных ограничений информационного пространства. Однако следует подчеркнуть, что роль государства в осуществлении суверенных полномочий необходимо рассматривать в соответствии с высшими ценностями прав и свобод человека и гражданина, а также с участием негосударственных элементов в сфере суверенитета при условии демократического правового государства. Важно предотвращать использование информационно-цифрового пространства для ограничения прав и свобод индивида и общества, а стимулировать его использование как инструмента развития государственности в информационном обществе.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. - N 237
- [2] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://base.garant.ru/401425792/> (Дата обращения: 23.12.2023)
- [3] Указ Президента РФ от 1 июля 1996 г. № 1008 «Об утверждении Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/135339/> (Дата обращения: 23.12.2023)
- [4] Решение Совета глав правительств СНГ от 25 октября 2019 г. «О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств-участников Содружества Независимых Государств» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/73391721/> (Дата обращения: 23.12.2023)
- [5] Виноградова Е.В. О месте цифрового суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 33.
- [6] Жаркова А.К. Обеспечение цифрового суверенитета Российской Федерации // Юрист. 2021. № 11. С. 28-33.
- [7] Лионтьева Л.С., Кудина М.В., Воронов А.С., Сергеев С.С. Формирование национального цифрового суверенитета в условиях дифференциации пространственного развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 277 - 299.
- [8] Расолов И.М. Киберпространство и позитивное право // Политика и общество. 2009. № 2 (50). С. 33-37; Володенков С.В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансфор-

маций: содержание и особенности // Журнал политических исследований. 2020. № 4. С. 3-11.

[9] Россосанский А.В. Цифровой суверенитет и свобода слова в контексте политической модернизации в современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. № 1 (8). С. 19-26.

[10] Талапина Э.В. Права человека и цифровой суверенитет // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 10-15.

[11] Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) / В.А. Никонов, А.С. Воронов, В.А. Сажина [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206-216.

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta ot 25 dekabrya 1993 g. - N 237

[2] Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa <https://base.garant.ru/401425792/> (Data obrashcheniya: 23.12.2023)

[3] Ukaz Prezidenta RF ot 1 iyulya 1996 g. № 1008 «Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya rynka cennyh bumag v Rossijskoj Federacii» // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/135339/> (Data obrashcheniya: 23.12.2023)

[4] Reshenie Soveta glav pravitel'stv SNG ot 25 oktyabrya 2019 g. «O Strategii obespecheniya informacionnoj bezopasnosti gosudarstv-uchastnikov

Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv» // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/73391721/> (Data obrashcheniya: 23.12.2023)

[5] Vinogradova E.V. O meste cifrovogo suvereniteta v konstitucionno-pravovom prostranstve sovremennoj Rossii // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. № 1 (63). С. 33.

[6] ZHarkova A.K. Obespechenie cifrovogo suvereniteta Rossijskoj Federacii // YUrist. 2021. № 11. С. 28-33.

[7] Lioht'eva L.S., Kudina M.V., Voronov A.S., Sergeev S.S. Formirovanie nacional'nogo cifrovogo suvereniteta v usloviyah differenciacii prostranstvennogo razvitiya // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2021. № 84. С. 277 - 299.

[8] Rasolov I.M. Kiberprostranstvo i pozitivnoe pravo // Politika i obshchestvo. 2009. № 2 (50). С. 33-37; Volodenkov S.V. Fenomen cifrovogo suvereniteta sovremenno goсударства v usloviyah global'nyh tekhnologicheskikh transformacij: soderzhanie i osobennosti // ZHurnal politicheskikh issledovaniy. 2020. № 4. С. 3-11.

[9] Rossoshanskij A.V. Cifrovoy suverenitet i svoboda slova v kontekste politicheskoy modernizacii v sovremennoj Rossii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. № 1 (8). С. 19-26.

[10] Talapina E.V. Prava cheloveka i cifrovoy suverenitet // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2020. № 6. С. 10-15.

[11] Cifrovoy suverenitet sovremenno goсударства: soderzhanie i strukturnye komponenty (po materialam ekspertnogo issledovaniya) / V.A. Nikonov, A.S. Voronov, V.A. Sazhina [i dr.] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filo-sofiya. Sociologiya. Politologiya. 2021. № 60. С. 206-216.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

= ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО =

КАЛЛАГОВ Теймураз Эльбрусович,
кандидат юридических наук, доцент,
декан юридического факультета ФГБОУ ВПО ГГАУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРИРОДА МУНИЦИПАЛЬНО-СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

◇ **Аннотация.** Государство, как часть общества, представляет собой особую организацию публичной политической власти, которая располагает аппаратом управления и принуждения и, представляя общество, осуществляет руководство им. Механизмом государственного управления является государственная служба, призванная обеспечить функционирование органов государственного управления, жизнедеятельность человека и общества. С этой целью используется государственный аппарат, который не совпадает с обществом, как бы отделен от него, хотя и является его частью. Именно здесь, в органах государственной власти, выполняют свои функциональные задачи в интересах российского народа граждане, называемые государственными служащими. Правда, изучение мнения госслужащих показывает, что не все чиновники считают, что служат народу.

◇ **Ключевые слова:** государственная служба, муниципальное право, служебные отношения, закон, государственный гражданский служащий, права человека.

KALLAGOV Teymuraz Elbrusovich,
candidate of legal Sciences, associate Professor,
Dean of the law faculty of FGBOU VPO GHAU

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS AND NATURE OF MUNICIPAL-SERVICE RELATIONS IN THE MODERN WORLD

◇ **Annotation.** The state, as part of society is a special organization of public political power, which has the apparatus of coercion and control and representing the society manages them. The mechanism of state management is a public service designed to ensure the functioning of state administration bodies, human life and society. For this purpose the state apparatus, which is not the same as society, as if separated from it, although it is part of it. It was here, in the bodies of state power perform their functional tasks in the interests of the Russian people citizens are called public servants. However, the study of the views of civil servants shows that not all officials believe that they serve the people.

◇ **Key words:** public service, municipal law, office relations, law, civil servant, human rights.

В свое время российский император Николай I сказал: «Не я правлю Россией, а тридцать пять тысяч чиновников». За прошедшее с середины XIX в. время число чиновников увеличилось в десятки раз. Ныне только гражданских госслужащих более 1 млн. человек. Добавим к этому не меньшее число правоохранительных служащих и военнослужащих, которые, согласно Федеральному закону от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ст. 2, 6, 7),¹ также относятся к государственным служащим.

В свое время русский мыслитель И.А. Ильин (1883–1954) в статье «Основная задача грядущей России» писал: «Всякое государство организуется и строится своим ведущим слоем, живым отбором своих правящих сил,.. судьбы государства определяются качеством ведущего слоя: успехи государства суть его успехи; политические неудачи и беды государства свидетельствуют о его неудовлетворительности или прямо о его несостоятельности: Принадлежность к ведущему слою – начиная от министра и кончая мировым судьей, начиная от епископа и кончая

¹ Определение военной службы как вида федеральной государственной службы, содержащееся в ст. 6 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», применяется со дня

вступления в силу Федерального закона о внесении соответствующих изменений и дополнений в федеральные законы, регулирующие вопросы прохождения военной службы.

офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем, – есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности» [1, с. 249–255].

Согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации, носителем суверенитета и единственным источником власти в нашей стране является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно (через референдумы и свободные выборы), а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Государство от имени народа руководит обществом, осуществляет политическую власть в масштабах всей страны. Будучи политически организованной силой, оно проводит в жизнь властные предписания, оказывает управляющее воздействие на общественно значимые дела и преобразования.

Граждане Российской Федерации – народ, которому принадлежит власть в стране, – не только доверяют, поручают, дают полномочия определенной части населения на участие в государственных делах, управлении обществом, государственной службе, на деятельность в госорганах по реализации интересов и ценностей всех граждан. Они вправе требовать отчета за выполнение этих полномочий. Кроме того, согласно ст. 32 Конституции Российской Федерации, граждане нашей страны «имеют равный доступ к государственной службе», они «имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей».

Однако организация и эффективность работы органов государственной власти российского общества не удовлетворяет, что является одной из причин продолжающегося реформирования системы государственного управления и системы государственной службы. России необходимо эффективное государство, стоящее на страже интересов граждан, в котором «законопослушный гражданин вправе требовать для себя надежных правовых гарантий и государственной защиты», которому «нужны такие правоохранительные органы, работой которых добропорядочный гражданин будет гордиться, а не переходить на другую сторону улицы при виде человека в погонах» [3]. Не зря, видимо, гласит старинная русская пословица: «Порой не так страшен закон, как его слуги».

Российское общество начала XXI столетия пребывает в состоянии системных, стратегических реформ, не просто охватывающих все сферы жизнедеятельности по-прежнему огромной страны, но и имеющих фундаментальный характер с точки зрения перспектив и направления социально-экономического развития. Ситуация требует основательного совершенствования системы государственного управления и карди-

нального повышения эффективности и ответственности деятельности государственных служащих. В этом видится залог как удачного и поступательно верного развития российского общества, так и качества разрешения многочисленных проблем и трудностей.

В целях обеспечения исполнения полномочий государственного органа или органа управления субъекта РФ либо лиц, замещающих государственные должности, учреждаются должности гражданской службы:

1) должности федеральной государственной гражданской службы (учреждаются федеральным законом или указом Президента РФ);

2) должности государственной гражданской службы субъектов РФ (учреждаются законами или иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации с учетом положений Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации»).

Классификация должностей гражданской службы включает 4 категории должностей и 5 групп должностей. К категориям должностей относятся следующие:

1) руководители – должности руководителей и заместителей руководителей государственных органов и их структурных подразделений, должности руководителей и заместителей руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и их структурных подразделений, должности руководителей и заместителей руководителей представительств государственных органов и их структурных подразделений. Должности руководителей замещаются на определенный срок полномочий или без ограничения срока полномочий;

2) помощники (советники) – должности, учреждаемые для содействия лицам, замещающим государственные должности, руководителям государственных органов, руководителям территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и руководителям представительств государственных органов в реализации их полномочий. Должности помощников (советников) замещаются на определенный срок, ограниченный сроком полномочий указанных лиц или руководителей;

3) специалисты – должности, учреждаемые для профессионального обеспечения выполнения государственными органами установленных задач и функций. Должности специалистов замещаются без ограничения срока полномочий;

4) обеспечивающие специалисты – должности, учреждаемые для организационного, информационного, документационного, финансово-экономического, хозяйственного и иного обеспечения деятельности государственных органов.

Должности обеспечивающих специалистов замещаются без ограничения срока полномочий.

Группы должностей гражданской службы включают:

1) высшие должности гражданской службы. К этой группе относятся определенные Реестром должностей государственной гражданской службы РФ должности категорий «руководители», «помощники (советники)» и «специалисты»;

2) главные должности гражданской службы. К ним относятся определенные Реестром должности категорий «руководители», «помощники (советники)», «специалисты» и «обеспечивающие специалисты»;

3) ведущие должности гражданской службы. К ним также относятся определенные Реестром должности всех четырех категорий;

4) старшие должности гражданской службы. К ним относятся определенные Реестром должности категорий «специалисты» и «обеспечивающие специалисты»;

5) младшие должности гражданской службы. К ним относятся определенные Реестром должности категории «обеспечивающие специалисты».

Все должности государственной гражданской службы включены в соответствующие перечни (реестры). Таких реестров три:

1) Реестр должностей федеральной государственной гражданской службы, в котором должности классифицируются по государственным органам, категориям и группам. Федеральный реестр утверждается указом Президента РФ;

2) Реестр должностей государственной гражданской службы субъекта РФ. Реестр составляется с учетом структуры госорганов, наименований, категорий и групп должностей, установленных федеральным реестром. Утверждается законом или иным нормативным правовым актом субъекта РФ с учетом положений Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации»;

3) Сводный реестр должностей государственной гражданской службы РФ, включающий первые два реестра. Порядок его ведения утверждается указом Президента РФ.

В соответствии с замещаемой должностью государственным гражданским служащим присваиваются классные чины. Порядок их присвоения определен Указом Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим».

Законодательством установлены следующие классные чины, соответствующие группам должностей гражданской службы:

а) секретарь государственной гражданской службы Российской Федерации 1, 2 и 3-го класса – присваивается гражданским служащим, замещающим должности младшей группы;

б) референт государственной гражданской службы Российской Федерации 1, 2 и 3-го класса – присваивается гражданским служащим, замещающим должности старшей группы;

в) советник государственной гражданской службы Российской Федерации 1, 2 и 3-го класса – присваивается гражданским служащим, замещающим должности ведущей группы;

г) государственный советник Российской Федерации 1, 2 и 3-го класса – присваивается гражданским служащим, замещающим должности главной группы;

д) действительный государственный советник Российской Федерации 1, 2 и 3-го класса – присваивается гражданским служащим, замещающим должности высшей группы.

Классные чины присваиваются в соответствии с замещаемой должностью в пределах группы должностей гражданской службы, а также с учетом профессионального уровня, продолжительности службы в предыдущем классном чине и в замещаемой должности.

Классные чины присваиваются по результатам квалификационного экзамена (относится к гражданским служащим, замещающим должности без ограничения срока полномочий категорий «специалисты» и «обеспечивающие специалисты», а также должности категории «руководители», относящиеся к главной и ведущей группам должностей).

Классный чин может быть первым или очередным. Первый классный чин присваивается по истечении испытательного срока, а если испытание не устанавливалось, то не ранее чем через три месяца после назначения на должность. Первыми классными чинами, в зависимости от группы должностей, замещаемой гражданским служащим, являются:

для младшей группы должностей – секретарь государственной гражданской службы Российской Федерации 3-го класса;

для старшей группы должностей – референт государственной гражданской службы Российской Федерации 3-го класса;

для ведущей группы должностей – советник государственной гражданской службы Российской Федерации 3-го класса;

для главной группы должностей – государственный советник Российской Федерации 3-го класса;

для высшей группы должностей – действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса.

Очередной классный чин присваивается гражданскому служащему по истечении срока службы в предыдущем классном чине, а также при условии, что для его должности предусмотрен данный или более высокий чин. Сроки для прохождения службы в классном чине устанавливаются следующие:

- в классных чинах секретаря государственной гражданской службы Российской Федерации 3 и 2-го классов, референта государственной гражданской службы Российской Федерации 3 и 2-го классов – не менее 1 года;

- в классных чинах советника государственной гражданской службы Российской Федерации 3 и 2-го классов, государственного советника Российской Федерации 3 и 2-го классов – не менее 2 лет;

- в классных чинах действительного государственного советника Российской Федерации 3 и 2-го классов – не менее 1 года.

Сроки не устанавливаются для прохождения в классных чинах секретаря государственной гражданской службы РФ 1-го класса, референта государственной гражданской службы РФ 1-го класса, советника государственной гражданской службы РФ 1-го класса и государственного советника РФ 1-го класса. При назначении гражданского служащего на должность, относящуюся к более высокой группе должностей, ему может быть присвоен классный чин (первый для этой группы должностей) без учета срока службы в предыдущем классном чине.

В форме поощрения классный чин может быть присвоен досрочно – до истечения срока прохождения службы в предыдущем чине, но не ранее чем через шесть месяцев и не выше классного чина, соответствующего должности; а также по истечении указанного срока – на одну ступень выше классного чина, соответствующего замещаемой должности в пределах группы должностей. Новым законодательством о государственной службе Российской Федерации устанавливается соотношение классных чинов, дипломатических рангов, воинских и специальных званий. Общими условиями присвоения, сохранения классных чинов, дипломатических рангов, воинских и специальных званий являются (согласно ст. 13 Закона «О системе государственной службы Российской Федерации»):

а) последовательное присвоение классного чина, дипломатического ранга, воинского и специального звания по прошествии установленного времени пребывания в определенном классном чине, дипломатическом ранге, воинском и специальном звании после их присвоения впервые;

б) присвоение классного чина, дипломатического ранга, воинского и специального звания

государственному служащему в соответствии с замещаемой должностью;

в) досрочное присвоение в качестве меры поощрения классного чина либо на одну ступень выше классного чина, предусмотренного для замещаемой должности;

г) сохранение присвоенного классного чина при освобождении от замещаемой должности или увольнении с государственной службы.

При переводе госслужащего с госслужбы одного вида на госслужбу другого вида ранее присвоенный классный чин, дипломатический ранг, воинское и специальное звание, а также период пребывания в соответствующем классном чине, дипломатическом ранге, воинском и специальном звании учитываются при присвоении классного чина, дипломатического ранга, воинского и специального звания по новому виду государственной службы. При поступлении на гражданскую службу присвоение классного чина осуществляется в соответствии с замещаемой должностью в пределах группы должностей. При присвоении классного чина гражданской службы учитывается продолжительность пребывания в классном чине иного вида госслужбы, дипломатическом ранге, воинском или специальном звании.

Присвоенный гражданскому служащему классный чин сохраняется за ним при освобождении от должности и увольнении с гражданской службы (в том числе на пенсию), а также при поступлении на службу вновь. Гражданин Российской Федерации может быть лишен классного чина только судом (при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления).

Призвание государственного служащего – нести с честью присвоенный ему классный чин, означающий возведение его в высокий социальный и государственный ранг. Примечательно формулирование И.А. Ильиным в работе «Идея ранга» понятия «ранг» чиновника, в котором он выделял две стороны: «Во-первых, имеется в виду присущее человеку качество – это его действительный ранг, во-вторых, имеются в виду его полномочия, права и обязанности, которые признаются за ним со стороны общества или государства, – это его социальный ранг» [1, с. 73].

Естественно, действительный и социальный ранги не одно и то же, более того, в одном человеке сочетаются не всегда, хотя таковое и желательно. Действительный ранг, «ранг духовного превосходства (праведность, гений, талант, познания, храбрость, сила характера, умение-понимание, политическая дальновзоркость) и ранг человеческого полномочия (сан, чин, власть, авторитет) могут не соответствовать друг другу. Ибо, с одной стороны, люди при выделении лучших подслеповаты, беспечны и безответственны,

подкупны и коварны; с другой стороны, честолюбцы, властолюбцы и стяжатели энергичны, напористы и часто готовы пользоваться любыми средствами. Но истинный социальный авторитет возникает из соединения обоих рангов. Тогда ранг духовного качества и ранг человеческого признания совпадают, и национальная культура цветет: Государство с неудачным ранговым отбором – слабо, неустойчиво, может быть прямо обречено» [1, с. 73, 74]. «Ранг в жизни необходим и неизбежен, – заключает философ, – он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость к себе у того, кто выше, и беззавистная почтительность у того, кто ниже. Только этим верным чувством ранга воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!» [1, с. 256]

Госслужащие осуществляют свою служебную деятельность в административных организациях – органах государственной власти и государственных учреждениях, то есть занимаются администрированием – подготовкой и реализацией решений, обеспечивающих реализацию прав и интересов граждан, исполнение Конституции РФ, законов и политических решений. Социализируясь в административной среде, госслужащий осваивает различные виды культуры – политическую, организационную (корпоративную), управленческую, правовую, федералистскую, кадровую (руководители), коммуникативную (прежде всего, культуру речи) и другие, так как в административной среде осуществляется взаимодействие разных культур. Поведение госслужащего в административной среде (министерстве, ведомстве) определяется организационной культурой, включающей доминирующие нормы и ценности, принятый кодекс поведения, профессиональный язык, устоявшиеся ритуалы, определенную социальную память [2, с. 325]. Существуют различные трактовки термина «организационная (корпоративная) культура»:

а) неявное, невидимое и неформальное сознание организации, которое управляет поведением людей и, в свою очередь, само формируется под воздействием их поведения;

б) набор наиболее важных предположений, принимаемых членами организации и получающих выражение в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения. Эти ценностные ориентации передаются индивидам через символические средства духовного и материального внутриорганизационного окружения;

в) комплекс базовых предположений, избранный, обнаруженный или разработанный группой для того, чтобы научиться справляться с

проблемами внешней адаптации (адаптация и выживание в агрессивной внешней среде) и внутренней интеграции.

Этот комплекс функционирует, как правило, довольно долго и передается новым членам организации как «правильный» образ мышления и чувств в отношении упомянутых проблем. Организационная культура включает следующие компоненты: 1) убеждения – представление работника о том, что является правильным в организации; 2) ценности, доминирующие в организации, определяют, что нужно считать важным в организации. Сферы, в которых могут выражаться ценности, включают заботу о людях и уважение к ним, инициативу и предприимчивость, справедливость при обращении со служащими и др.; 3) нормы – это неписаные правила поведения, подсказывающие людям, как им себя вести и что от них ожидается. Они никогда не выражаются в письменной форме и передаются либо устно, либо отношением окружающих к поведению. Нормы поведения отражают такие моменты в деятельности организации, как: отношения «руководитель – подчиненный», честность и соблюдение законодательства, поведение при конфликтах интересов, получение и использование информации о других организациях, деятельность внутри организации, использование ресурсов организации и т.д.; 4) поведение – ежедневные действия, которые люди совершают в процессе работы и в связи со своей работой при взаимодействии с другими (ритуалы и церемонии, а также язык, используемый при общении); 5) психологический климат – это устойчивая система внутренних связей группы, проявляющаяся в эмоциональном настрое, общественном мнении и результатах деятельности. Климат в организации – это то, как люди воспринимают культуру, существующую в их организации или подразделении, что они думают и чувствуют. Таким образом, организационная культура – это совокупность ценностей, убеждений, отношений, общих для всех сотрудников данной организации, предопределяющих нормы их поведения. Они могут быть нечетко выражены, но при отсутствии прямых инструкций определяют способ действия и взаимодействия людей и в значительной мере влияют на ход выполнения работы и на характер жизнедеятельности организации. Это – основной компонент в достижении организационных целей, повышении эффективности организации и управлении инновациями.

Главная цель корпоративной культуры – обеспечение внешней адаптации и внутренней интеграции организации за счет совершенствования управления персоналом. Корпоративная культура может как помогать организации, созда-

вая обстановку, способствующую повышению производительности и внедрению нового, так и работать против организации, создавая барьеры, препятствующие выработке и реализации корпоративной стратегии. Эти барьеры включают сопротивление новому и неэффективные коммуникации.

Культура человека, этикет его взаимоотношений с окружающими, а тем более стиль управленческой деятельности – неотъемлемая часть его духовной культуры. Не в последнюю очередь это касается работников органов государственной и местной власти. Духовность, культура и интеллигентность – неотъемлемые составляющие профессионализма современного госслужащего, залог его высокого авторитета и достойного имиджа. Ведь в представлении людей государственный служащий – это не просто специалист, не просто работник. Это человек, олицетворяющий власть, выступающий от имени власти. Это человек, стоящий на страже интересов государства и народа. Это выразитель и защитник интересов каждого человека.

В современной России далеко не каждый чиновник способен соответствовать предъявляемым к нему требованиям. Поэтому для многих граждан государственный служащий лишь функционер, пишущий бумаги и выдающий справки, столоначальник, принимающий по личным вопросам или обеспечивающий, скажем, правопорядок. Но даже в рамках такого представления особое значение приобретают внешние характеристики его поведения, проявляющиеся во внимательном или невнимательном, доброжелательном или безразличном, участливом или формальном отношении к посетителям и сослуживцам. Поведение чиновника, его отношение к людям и делу, его речь и внешний облик во многом определяют не только личный авторитет, но и авторитет власти, с которой он ассоциируется у населения.

Проблемы нравственности, культуры поведения и административного этикета – необходимое, хотя недостаточное условие успешной профессиональной деятельности не только в административной или политической, но и в экономической, социальной, культурной и других сферах. Сегодня наличие профессиональных знаний, умений, навыков и способностей – обязательное, но не единственное требование, предъявляемое к должностному лицу любого ранга или уровня. Не менее важны и нравственные качества, внешне проявляющиеся в культуре поведения, речи, манерах, одежде. Понятие «духовная культура» многозначно. Духовная культура – это процесс творческой активности личности, направленной на создание, распространение и усвоение духовных богатств, исторически обусловленная совокупность жизненных стандартов, ценностей,

идей, знаний, достижений в духовной жизни общества.

К основным элементам духовной культуры можно отнести:

- нравственную культуру (здесь мораль выступает регулятором жизнедеятельности);
- правовую культуру (регулятором жизнедеятельности выступает право);
- культуру образа жизни и быта, культурные формы общения;
- идеологию как политическую культуру;
- воспитание как духовное воздействие на человека с целью его совершенствования;
- науку как сумму знаний о законах развития природы и общества и как производительную силу;
- просвещение и образование как систему распространения научных знаний;
- художественную культуру (производство художественных ценностей);
- язык и речь как средство общения между людьми, т.е. коммуникативную культуру;
- нормы поведения.

В каждом обществе существуют общие установки и нормы, но их конкретная реализация всегда осуществляется людьми через индивидуальную деятельность, поступки и поведение, поэтому облик государственного служащего во многом определяют духовная структура его личности и творческие профессиональные качества. Духовная культура государственного служащего обусловлена состоянием общей культуры общества и, в частности, его духовной культуры, а также сферой деятельности человека. В то же время общественная духовная культура укрепляет духовный потенциал людей, занятых в сфере и материальной, и интеллектуальной деятельности. В образующейся сложной взаимосвязи культуры личности и культуры социума заключен механизм развития общества. Каждому периоду истории, типу управления соответствует свой образ государственного служащего.

Духовная культура человека не является его генетическим достоянием или особенностью, и ее формирование происходит в течение всей жизни не только под влиянием тех или иных положительных обстоятельств, но подчас и благодаря интеллектуально-волевым свойствам личности. Элементом духовной культуры является коммуникативная культура. Государственный служащий – лицо публичное. По роду службы ему приходится не только руководствоваться законами и инструкциями, но и разъяснять, убеждать, доказывать. И, хотя следует воздерживаться от публичных оценок, суждений и высказываний, нужно уметь работать со СМИ, широкой гражданской аудиторией. Поэтому госслужащий относится к сфере повышенной речевой ответствен-

ности. Здесь важно иметь коммуникативную культуру, и прежде всего культуру речи. Культура речи – владение нормами литературного языка в его устной и письменной форме, умение осуществить выбор и организацию языковых средств, позволяющих в определенной ситуации общения и при соблюдении этики общения обеспечить необходимый эффект в достижении поставленных задач коммуникации [4, с. 204].

Ожидания в обществе по отношению к органам государственной власти и к гражданам, служащим обществу, по-прежнему высоки – ожидания здравомыслящей, рациональной политики, разумных действий, справедливости, борьбы с мздоимцами, расхитителями и проч. Российскому обществу нужна такая отечественная служба, которая позволит природно и ресурсно богатую, но реально бедную Россию превратить в процветающее, социально гармоничное государство. Этим объясняется высокая значимость результатов проводимых в стране реформ. Отсюда надежда на качественное (в профессиональном и нравственном отношениях) улучшение кадрового состава госслужащих, способных государственно мыслить и руководить, принимать взвешенные решения и нести за них ответственность, всемерно способствовать возрождению и процветанию российского общества. Эти функции и обязанности поручены государству обществом. Государственный служащий может и должен помочь стране восстановить чувство национальной гордости и национального достоинства. Он должен восстановить и укрепить свое доброе имя. Рос-

сийское общество, по нашему мнению, уже второе десятилетие ожидает нового, разумного слова в организации вопросов управления государством и деятельности отечественной государственной службы.

Список литературы:

[1] Ильин И.А. О грядущей России: избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993.

[2] Культура государственного служащего // Государственная служба. М. – Ростов-на-Дону: Изд. центр «МарТ».

[3] Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Текст выступления Президента Владимира Путина перед депутатами Федерального Собрания в Кремле 25 апреля 2005 г. // Российская газета. 2005. 26 апр.

[4] Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.

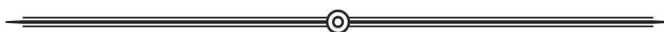
Spisok literatury:

[1] Il'in I.A. O gryadushhej Rossii: izbranny'e stat'i / Pod red. N.P. Poltorackogo. M.: Voenizdat, 1993.

[2] Kul'tura gosudarstvennogo sluzhashhego // Gosudarstvennaya sluzhba. M. – Rostov-na-Donu: Izd. centr «MarT».

[3] Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii. Tekst vy'stupleniya Prezidenta Vladimira Putina pered deputatami Federal'nogo Sobraniya v Kremle 25 aprelya 2005 g. // Rossijskaya gazeta. 2005. 26 apr.

[4] Russkijazyk: E'nciklopediya. M., 1997.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ЯНИШЕВСКАЯ Яна Андреевна,
соискатель
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности,
адвокат, помощник Председателя
Международной
коллегии адвокатов г. Москвы
«Закон и право»,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ВАЛЮТНЫХ СОЮЗОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

◇ **Аннотация.** *С точки зрения экономики основные причины введения единой валюты – стремление снизить транзакционные издержки в сфере валютного обращения, потребность в стимулировании экономического роста, необходимость нейтрализовать негативные эффекты глобализации мирового валютного рынка, реализация интересов отдельных экономических субъектов.*

◇ **Ключевые слова:** *единая валюта, валютные интеграции, либерализация движения капиталов, бюджетная политика стран Европейского союза, европейская расчетная единица.*

YANISHEVSKAYA Yana Andreevna,
applicant of the Russian State
Academy of Intellectual Property,
lawyer, Assistant to the Chairman of the International
Bar Association of Moscow
“Law and Law”

ON THE QUESTION OF THE EMERGENCE OF CURRENCY UNIONS IN THE MODERN WORLD: THE THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

◇ **Annotation.** *From the point of view of Economics the main reasons for the introduction of the single currency – the desire to reduce transaction costs in the field of currency circulation, the need to stimulate economic growth, the need to neutralize the negative effects of globalization the global currency market, the implementation of the interests of individual economic actors.*

◇ **Key words:** *common currency, monetary integration, liberalisation of capital flows, fiscal policy European Union countries, European currency unit.*

Основными преимуществами введения единой валюты можно считать снижение транзакционных издержек и неопределенности относительно обменного курса в зоне действия валюты, а также возможность проведения единой денежной политики, которая, по мнению многих экономистов, гораздо более эффективна, чем скоординированная политика. Это подтверждается эмпирическими данными, которые показывают, что транзакционные издержки и неопределенности в системе плавающих курсов в значительной мере повышаются под давлением либерализованных финансовых рынков, в случаях же фиксации курса на некоторый период неопределенность и связанные издержки сокращаются.

Под единой валютой (single currency) принято понимать валюту, используемую двумя или

большим числом государств. Это может быть новая наднациональная единица (коллективная валюта, например евро) или валюта другой страны, которую все партнеры принимают в качестве официального денежного знака на своей территории. При введении единой валюты путем перехода на существующую денежную единицу выбирается наиболее устойчивая и сильная валюта одной из стран-участниц, происходит валютное замещение, также называемое официальной долларизацией [1, с. 10]. С политической точки зрения введение в оборот коллективной валюты более предпочтительно, так как механизмы функционирования данной валюты разрабатываются всеми участниками интеграции совместно, и каждая страна получает возможность оказывать влияние на принимаемые решения, чтобы ее интересы были учтены. Однако

независимо от пути принятия единая валюта должна свободно использоваться и в равной степени выполнять все функции денег на территории нескольких взаимосвязанных государств [12, с. 49, 50].

Причины введения единой валюты могут быть как сугубо экономическими, так и политическими. С точки зрения экономики основными факторами являются: стремление снизить трансакционные издержки в сфере валютного обращения, потребность в стимулировании экономического роста (в частности, за счет увеличения торговли между странами-партнерами), необходимость нейтрализовать негативные эффекты глобализации мирового валютного рынка (группа небольших, зависящих от внешних факторов стран, обретает определенный запас прочности при объединении в союз), реализация интересов отдельных экономических субъектов [10, с. 73].

Зону общей валюты определяют как географический регион, охватывающий несколько стран, в которых в качестве средства обращения используется общая валюта. Под этим термином можно понимать и «относительно устойчивый ареал хождения определенных валют или территорию, в пределах которой проводится единая валютная политика» [4, с. 37]. Таким образом, определения разнятся, но важно понимать существующее различие в валютной зоне и валютном союзе. Различают горизонтальную и вертикальную валютные интеграции: вертикальная подразумевает группировку метрополий со своими колониями, протекторатами, сателлитами, горизонтальная является группировкой взаимозависимых стран, чаще всего расположенных по соседству [1, с. 10].

На современном этапе можно выделить три формы валютного союза. Первая форма – это группа стран, согласовавших пределы взаимных колебаний курсов национальных валют относительно друг друга. Вторая форма – группа стран, необратимо зафиксировавших курсы своих национальных валют по отношению друг к другу. Третья форма валютного союза представляет собой группу стран, перешедших на единую валюту во внешних и внутренних расчетах. Каждой из обозначенных форм можно противопоставить определенный этап развития интеграции [14, с. 106].

Однако, несмотря на общемировую тенденцию к формированию подобных союзов, экспертная оценка эффективности региональной интеграции носит противоречивый характер, в первую очередь в силу значительного ограничения государственного регулирования торговли, которое пока необходимо для многих членов мирового сообщества, а также из-за возможной дискриминации стран, оставшихся за пределами

группировки, при введении тарифных и нетарифных барьеров защиты регионального рынка [6, с. 35].

Теория оптимальных валютных зон (A Theory of Optimal Currency Area, 1961 г.), разработанная Р.-А. Манделлом, развивалась в контексте дебатов об относительных преимуществах и недостатках фиксированных и плавающих валютных курсов. Основная задача данной теории – определить, существует ли выгода от введения единой валюты или такой шаг повлечет за собой больше негативных последствий, чем потенциальных преимуществ. В теории оптимальных валютных зон делается попытка определить набор критериев, соответствие которым позволит странам с минимальными издержками объединиться в экономически единое целое для введения общей валюты. Теория оптимальных валютных зон утверждает, что если степень интеграции той или иной страны в мировую систему движения факторов производства, товарных и финансовых потоков довольно велика, то фиксированный валютный курс, а впоследствии и введение единой валюты, является более эффективным средством достижения внутреннего и внешнего баланса по сравнению с гибким курсом. Оптимальная валютная зона в контексте этой теории – это группа стран, для которых оптимальным является принятие общей валюты и формирование валютного союза, то есть для этой группы стран преимущества превосходят потенциальные потери.

Теория Манделла базировалась на предположении, что в режиме свободной торговли и либерализации движения капиталов в экономике уже нет возможности проводить независимую денежную политику, если существует совершенная или хотя бы квазисовершенная мобильность капиталов [11, с. 10]. Формированию теории предшествовал многосторонний анализ механизмов распространения циклических колебаний объемов производства от одной страны к другой, изучение изменений интенсивности торговых связей между странами в зависимости от колебаний курса, а также анализ механизмов абсорбции экономической системой внешних шоков. Данные исследования позволили сформулировать вывод, что обосновано создание валютных союзов стран, которые обладают сходной структурой экономики и подвержены однотипным шокам, воздействующим на объем совокупного выпуска [5, с. 1].

В соответствии с теорией Манделла основными требованиями к оптимальным валютным зонам являются: существование полной мобильности факторов производства (труда и капитала) между странами-участницами, значительная доля внешнеторговой продукции в валовом про-

изводстве; открытость экономик стран-участниц, сходство темпов инфляции, диверсификация экономики и диверсификация производства, экономическая интеграция, высокий уровень финансовой интеграции, политическая интеграция (особенно ее институциональные аспекты), соответствие асимметричных шоков, гибкость внутренних цен и заработной платы. Тем не менее глубокий анализ данных предпосылок показывает, что они являются довольно абстрактными и далеко не всегда соответствуют действительности. Также важно отметить, что основанные на отдельных критериях выводы об оптимальности валютной интеграции зачастую противоречат результатам, полученным по другим критериям [10, с. 73].

Теория оптимальных валютных зон получила широкое распространение, на ее положениях формировалось теоретическое обоснование различных интеграционных группировок, в том числе и еврозоны. Однако, как показывает практика, оптимальность в валютных группировках недостижима и является утопией, так как любой процесс сопряжен с теми или иными издержками и выигрыш одних участников зачастую существенно ограничивает возможности других, более слабых членов интеграции, делая их зависимыми от лидеров объединения. Таким образом, наличие издержек при валютной интеграции неизбежно и теоретическое обоснование валютного союза должно строиться не через ответ на вопрос, является ли валютная зона оптимальной или нет, а путем проведения анализа того, насколько валютная зона близка к оптимальной, то есть, по сути, насколько для всего объединения выгоды от вступления в интеграцию превышают соответствующие потери.

Бюджет Европейского союза представляет собой централизованный фонд денежных средств для покрытия расходов Евросоюза и по экономическим и правовым основам отличается от национальных бюджетов. Бюджет ЕС ограничен в размере: в 2010 г. бюджет Союза составил 1,04% от валового национального дохода стран – членов Европейского союза. В соответствии с правом ЕС бюджет Союза ограничен в размере и по основным характеристикам не сопоставим с бюджетами европейских государств. Регулирование бюджетной политики стран Европейского союза не закреплено учредительными договорами. Это приводит к тому, что на уровне национальных государств – членов ЕС бюджетная политика обладает значительной автономией. Бюджетные ограничения по уровню государственного долга и бюджетного дефицита, применяемые для установления бюджетной дисциплины стран – членов Европейского союза, явля-

ются единственным инструментом регулирования бюджетной политики на уровне Евросоюза.

Анализ европейского опыта формирования и использования общего бюджета приобретает актуальность для интеграционного развития стран Содружества независимых государств. Несмотря на то что в настоящее время интеграционные объединения в рамках СНГ не имеют общего бюджета, по мере эволюции экономического сотрудничества, проведения совместной политики во многих отраслях общественной жизни, социального сплочения народов стран – членов Содружества использование опыта Европейского союза в развитии и использовании общего бюджета может быть полезным. Исследование вопроса также актуально с точки зрения расширения сотрудничества между Российской Федерацией и Европейским союзом. Сегодня из бюджета ЕС финансируется ряд совместных программ и проектов в области межкультурного, межнационального, экологического взаимодействия, безопасности и т.д. В перспективе политическое и экономическое сближение России и Евросоюза в контексте общеевропейского процесса может привести к появлению новых статей финансирования в общем бюджете Европейского союза.

Вопрос соотношения выгод и издержек от создания валютного союза исследовался на протяжении всего изучения экономической интеграции. Так, участие в валютном союзе влечет за собой утрату каждой страной возможности самостоятельно проводить денежно-кредитную политику и, как следствие, невозможность осуществления макроэкономических корректировок через изменение процентных ставок. При этом утрату самостоятельности в проведении денежно-кредитной политики, а также невозможность корректировки обменного курса для стран – участниц валютного союза в некоторых случаях может нивелировать мобильность капитала, повышающаяся при введении единой валюты.

Высокая степень интеграции экономики является одним из факторов, увеличивающих выгоды использования единой валюты. Чем выше степень интеграции в торговле, тем больше выгода от использования единой валюты за счет снижения транзакционных издержек. От объема торговли внутри союза также напрямую зависит ценность еще одного преимущества валютного союза – устранения волатильности обменного курса. Это объясняется тем, что при использовании единой валюты стороны имеют четкое понимание размера доходов, которые они получают при реализации своих товаров и услуг в других странах союза.

Как уже было отмечено, в истории есть много примеров образования зон общих валют. Одной из первых попыток интеграции в денежной сфере был Латинский монетарный союз (LMU), созданный в 1865 г. Францией, Бельгией, Швейцарией и Италией, к которым впоследствии присоединились Испания, Греция, Румыния, Австро-Венгрия, Болгария, Венесуэла, Сербия и Сан-Марино. Поскольку союз носил преимущественно технический характер (унификация чеканки монет и взаимное признание монет друг друга), последствия его для экономики были очень ограниченными. В 1927 г. союз распался, но, несмотря на завершение своего существования, LMU стал прообразом Скандинавского монетарного союза, созданного в 1873 г. Данией и Швецией, в который позже вошла Норвегия. Скандинавский валютный союз имел схожие с LMU задачи, проблемы и также не оставил значительного следа в экономике, формально прекратив свое существование в 1924 г.

Необходимо упомянуть валютные союзы, образованные на базе бывших колоний, которые являются, по сути, валютными правлениями, эмитирующими денежные знаки, обеспеченные резервами с номиналом в валюте страны-метрополии. Большинство подобных союзов были упразднены в 1950–1960-х гг., однако в некоторых случаях вертикальная валютная интеграция сохранилась до сих пор. В частности, Восточно-Карибская валютная зона оставила у себя валютное правление, а Восточно-Африканская валютная зона завершила свое существование лишь в 1977 г. Немного в другой форме, в виде официальной долларизации, подобные валютные союзы существовали и в Аргентине (до 2002 г.), Эстонии, Литве, Болгарии и Боснии в 1990-е гг.

В 1945 г. бывшие французские колонии в Центральной и Западной Африке приняли решение о привязке своих валют к французскому франку и ввели новую денежную единицу для региона – Западно-Африканский франк (XOF). В 1994 г. Валютный союз Западной Африки был реформирован в два валютных союза с идентичными режимами, но с разными денежными властями. В Западно-Африканский экономический и валютный союз (UEMOA) вошли восемь государств: Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д’Ивуар, Гвинея-Бисау, Мали, Нигер, Сенегал, Того, использующие единую валюту – франк КФА BCEAO. Второй образованный союз – Экономическое сообщество

стран Центральной Африки (ECCAS) – объединяет Анголу, Бурунди, Камерун, Центральноафриканскую Республику, Республику Конго, Демократическую Республику Конго, Габон, Экваториальную Гвинею, Сан-Томе и Принсипи, Чад. Но

общая валюта в данном союзе (франк КФА BEAC) используется только некоторыми странами-участницами.

Отдельно следует выделить образованную в 1983 г. Восточно-Карибскую валютную зону, представляющую собой международное валютное объединение с общими денежными властями для островов Ангилья, Антигуа и Барбуда, Доминика, Гренада, Монтсеррат, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия и Сент-Винсент, Гренадины. Центральный банк союза эмитирует единую валюту (восточно-карибский доллар, XCD), свободно обращающуюся на территории участников союза, управляет общим пулом золотовалютных резервов и проводит единую денежно-кредитную политику. Еще одной формой валютного союза является интеграция в единую денежную систему крупного государства и маленькой страны, тесно с ним связанной, как, например, Андорра и Монако – Франция, Ватикан и Сан-Марино – Италия и Лихтенштейн – Швейцария. Полномочия по регулированию денежно-валютной сферы в таком случае передаются доминирующей стране.

Однако наиболее известен в мировой экономике Европейский валютный союз, с 1 января 1999 г. перешедший на единую валюту и являющийся основным объектом исследования данной работы.

В XX в. после двух мировых войн Франция и Германия стремились сделать невозможными взаимные войны, используя при этом инструмент глубокой экономической интеграции, которая должна была привести к высокому уровню общественной и политической гармонии.

Первой интеграционной организацией стало Европейское сообщество угля и стали (ЕОУС), созданное в 1952 г. и объединившее шесть стран – Германию, Францию, Италию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург. Основным последствием создания ЕОУС стала отмена пошлин на торговлю сталью, углем и рудой между странами-участницами, а также введение единых тарифов на перевозку этих товаров, что позволило защитить металлургическую и горнодобывающую промышленность участников Сообщества от конкуренции с менее пострадавшими от войны странами.

Продолжая процесс объединения и стремясь перенести успех ЕОУС на другие отрасли, те же шесть стран в 1957 г. образовали еще две организации – Европейское сообщество по атомной энергетике (Евроатом) и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), учреждение которого было закреплено 25 марта 1957 г. Римским договором. В 1967 г. руководящие органы двух организаций были объединены, и новая структура была названа Европейским сообществом, которое позднее было преобразовано в Европейский союз (ЕС) [7, с. 12].

С 1971 г. европейская интеграция начала приобретать валютно-финансовое измерение: была принята программа поэтапного создания экономического и валютного союза – «план Вернера» [13]. Данный план предусматривал постепенное сужение пределов колебаний валютных курсов («европейская валютная змея», «змея в туннеле») до $\pm 2,25\%$, введение полной взаимной обратимости валют, согласование экономической, финансовой и денежно-кредитной политики, формирование наднациональных органов и структур, введение европейской расчетной единицы ECU (European unit of account), послужившей прообразом единой валюты (с 1979 г. – ЭКЮ, European Currency Unit, ECU) [2, с. 47]. «План Вернера» потерпел крах, однако произвел некоторые сдвиги в интеграционном процессе, когда в апреле 1989 г. была принята программа создания политического, экономического и валютного союза – «план Делора».

К декабрю 1991 г. был выработан Маастрихтский договор, основанный на «плане Делора». Интеграция в соответствии с этим планом предусматривала сближение показателей экономического развития, передачу на наднациональный уровень фундаментальных вопросов бюджетной политики, устранение всех ограничений на свободное движение капиталов внутри Европейского союза и между Европейским союзом и другими странами. Второй этап предполагал подготовку стран-участниц к введению единой валюты, был учрежден Европейский валютный институт (предшественник ЕЦБ). К концу второго этапа произошло заметное сближение основных макроэкономических показателей, были достигнуты успехи в обеспечении стабильности цен, оздоровлении государственных финансов, снижении долгосрочных процентных ставок, стабилизации обменных курсов национальных валют.

2 мая 1998 г. Европейский совет утвердил список из 11 стран, допущенных к переходу на евро с 1 января 1999 г.: Австрия, Бельгия, Германия, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия и Франция. Отбор основывался на степени выполнения критериев конвергенции, также называемых Маастрихтскими критериями, которые включали в себя следующие требования:

- соотношение государственного долга и ВВП на уровне менее 60%;
- дефицит государственного бюджета на уровне не более 3% от ВВП;
- уровень процентных ставок должен быть близким к средним по ЕС;
- допустимый уровень инфляции не должен превышать более чем на 1,5% средний уро-

вень инфляции трех государств ЕС, где наблюдается ее наименьший уровень [2, с. 48].

Вначале всем критериям удовлетворяли только четыре страны: Германия, Франция, Финляндия и Люксембург [1, с. 11]. Остальные участники провели необходимые изменения, чтобы быть допущенными к переходу на единую валюту, но в последующие годы многие страны Евросоюза неоднократно отклонялись от допустимого дефицита бюджета. На протяжении всех лет указанным параметрам соответствовали только Эстония, Финляндия и Люксембург, Греция же не удовлетворяла ни одному из критериев ни в один год, а Португалия, Италия, Германия, Бельгия и Австрия ни разу не смогли соответствовать двум критериям одновременно [3, с. 3].

Введение евро как отказ ряда стран от своей национальной денежной единицы в пользу единой коллективной валюты – событие беспрецедентное. Доля евро в мировых валютных резервах намного больше, чем сумма долей валют, которые он заменил [9, с. 70]: на современном этапе евро в мировой финансовой системе составляет более 25%, в связи с чем проблемы, испытываемые европейской валютой, влекут за собой самые серьезные последствия для мировой экономики.

Однако еврозона и ЕС в целом не характеризуются стабильностью: интеграционные процессы не завершены, между участниками союза существуют значительные экономические и политические противоречия. Особенно заметно франко-германское противостояние, основанное на кардинальных различиях стран даже на уровне менталитета. Конкуренция проявляется и соперничестве финансовых центров Европы – Великобритании (ЛИФФЕ), Германии (ДТБ), Франции (МАТИФ), объединенных в Федерацию европейских бирж, но использующих разные практики и технологии, что усложняет продолжающуюся финансовую интеграцию.

Бюджетная система Европейского союза – совокупность всех бюджетов Евросоюза, включая экономические отношения институтов ЕС и стран-членов по координации основных направлений бюджетной политики.

Бюджетная система Евросоюза является двухуровневой. Первый уровень – это общий бюджет Европейского союза. Бюджет Союза как экономическая категория представляет собой централизованный фонд денежных средств для покрытия расходов ЕС, а как общественная категория – совокупность экономических отношений, которые возникают в связи с образованием, распределением и использованием централизован-

ных денежных фондов для решения общих задач и выполнения функций соответствующих органов власти.

Бюджет Евросоюза в соответствии с регламентом Совета от 25 июня 2002 г. № 1605/2002 строится на таких принципах, как:

- принцип единства и точности бюджета, означающий, что доходы и расходы Союза должны быть объединены в единый бюджетный документ;
- принцип ежегодности – бюджет Европейского союза разрабатывается на один финансовый год, с 1 января по 31 декабря;
- принцип равновесия, подразумевающий сбалансированность доходов и расходов общего бюджета Союза, при этом для покрытия бюджетного дефицита запрещены заимствования;
- принцип расчетной единицы, означающий, что евро является расчетной единицей для составления и исполнения бюджета Союза;
- принцип универсальности, согласно которому все поступающие средства образуют общий фонд ЕС, из которого происходит финансирование конкретных бюджетных мероприятий;
- принцип спецификации, в соответствии с которым расходы ЕС распределяются по конкретным разделам, главам, статьям и пунктам, в связи с чем каждое ассигнование направлено на конкретный пункт расходов;
- принцип эффективного финансового управления, подразумевающий, что бюджет ЕС будет реализовываться в соответствии с принципами экономии, эффективности и результативности;
- принцип прозрачности – бюджет и все поправки к нему публикуются в официальных изданиях Евросоюза не позднее чем через два месяца после принятия документов.

Второй уровень бюджетной системы ЕС – бюджеты национальных государств, которые представляют собой фонд денежных средств для решения общенациональных задач.

Бюджеты государств – членов Евросоюза строятся на тех же принципах, что и бюджет Союза, за исключением принципа равновесия. Государственные бюджеты государств – членов ЕС могут быть несбалансированными (возможен бюджетный дефицит или профицит), для покрытия бюджетного дефицита возможны заимствования, в то время как в бюджете Евросоюза заимствования не предусмотрены.

В соответствии с принципами устройства бюджетной системы Евросоюза бюджетная политика ЕС также является двухуровневой.

Бюджетная политика на уровне Европейского союза – это комплекс мер институтов ЕС по формированию и исполнению бюджета Союза, а также регулированию бюджетной стратегии государств – членов Евросоюза. Бюджетная политика Европейского союза представляет собой процесс многостороннего взаимодействия, который основан на бюджетных правилах, разработанных для того, чтобы обеспечить взаимосвязь бюджетной политики стран – членов зоны евро с бюджетной политикой Союза.

При проведении бюджетной политики Евросоюз не выполняет всех функций, которые заложены в основах государственного устройства. На уровне Европейского союза не предусмотрено проведение общей фискальной политики, она остается в руках государств – членов интеграционного объединения. На уровне Евросоюза решаются лишь некоторые задачи бюджетирования путем установления бюджетных ограничений.

Политическая разобщенность отрицательно сказывается на функционировании зоны евро, образование которой произошло без формирования единого бюджета, в то время как страны с момента введения евро лишились возможности проведения девальвации, которая ничем не была заменена. Для зоны единой валюты немаловажную роль играет бюджетно-налоговая политика, но в настоящее время каждый член Евросоюза проводит самостоятельную фискальную политику, бюджеты стран разделены. В то же время еврозоне необходимо введение бюджетно-налогового федерализма [8, с. 21]. Сейчас общий бюджет еврозоны составляет лишь 1,24% от ВВП европейских стран и используется исключительно для обеспечения деятельности органов управления. В совокупности со строгим лимитированием оказания субсидий созданные условия крайне негативно сказываются на способности еврозоны противостоять кризисным явлениям [11, с. 10, 11].

В статье 126 Договора о функционировании Европейского союза, подписанного в Риме 25 марта 1957 г., определено, что государства – члены ЕС должны избегать чрезмерного бюджетного дефицита. Комиссия ЕС проверяет соблюдение бюджетной дисциплины, то есть наблюдает за развитием бюджетной ситуации и размером публичного долга в государствах-членах с целью выявления явных ошибок. Для проверки соблюдения бюджетной дисциплины применяются два критерия:

- превышает ли соотношение между планируемым или реальным бюджетным дефицитом и валовым внутренним продуктом контрольную величину. Бюджетный дефицит стран ЕС, согласно ст. 1 Протокола о процедуре, в отношении чрезмерных дефицитов не должен превышать 3%;
- превышает ли соотношение между публичным долгом и валовым внутренним продуктом контрольную величину. Доля публичного долга в соответствии со ст. 1 Протокола о процедуре в отношении чрезмерных дефицитов не может превышать 60%.

Однако странам ЕС не удается следовать заявленным критериям бюджетного дефицита. Согласно статистике, период до Маастрихтского договора был более благоприятным по показателям бюджетной политики по сравнению с серединой 1990-х гг. В 1977 г. средний показатель уровня государственного долга в двенадцати государствах ЕС был равен 31% от ВВП, а в 1997 г. – 75,4% от ВВП, в том числе: в Германии произошло увеличение с 28,6% до 61%, во Франции – с 20,1% до 59,3%, в Италии – с 56,4% до 120,2% соответственно.

В первые годы существования ЭВС отдельным странам благодаря сокращению государственных расходов удалось стабилизировать ситуацию, однако три крупнейших государства – Германия, Франция и Италия – столкнулись с бюджетным дефицитом.

В связи с этим в научном сообществе началась дискуссия относительно актуальности положений Пакта стабильности и экономического роста. Критики Пакта утверждали, что «нумерология» Пакта не имеет никакого обоснования и смысла, в связи с чем разрабатывали собственные принципы построения бюджетных ограничений.

Существенные различия в уровнях экономического развития стран – участниц зоны единой валюты, например значительная степень дифференциации по уровню ВВП, особенности внутреннего устройства и управления интеграцией и допущенные ошибки проявились во время кризиса 2007–2009 гг., когда не исключался даже распад зоны евро или выход из нее наиболее слабых участников. Однако финансовый кризис явился лишь импульсом, показавшим существовавшие и ранее проблемы, которые с учетом масштабов использования евро и общемировой тенденции к региональным интеграциям вплоть до перехода на единую валюту требуют детального изучения, анализа причин кризиса еврозоны и современного экономического состояния стран-участниц в целях формирования выводов и

рекомендаций, которые могут быть использованы при поиске возможных направлений совершенствования региональных интеграционных проектов.

Список литературы:

- [1] Акельев Е.С., Ермушко Ж.А. Формирование валютных союзов: плюсы и минусы // Вестник ТГПУ. 2011. № 12 (114).
- [2] Бабурина Н.А. Валютная интеграция в Европе: уроки прошлого и тенденции будущего // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 11.
- [3] Бебрис А.О., Хмелев И.Б., Орехов С.А. Проблемы макроэкономической стабильности стран зоны евро // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 4 (23).
- [4] Валиуллин Х. Ретроспективный анализ генезиса валютных зон // Вопросы экономики. 2010. № 11.
- [5] Горячкина Ю.В., Гришко А.К., Кониин М.П. Практическое развитие теории оптимальных валютных зон и бюджетной политики на примере европейской валютной интеграции // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2010. Том 2.
- [6] Гурова И.П., Ефремова М.В. Конкурирующие теории региональной экономической интеграции: сравнительный анализ // Власть. 2013. № 8.
- [7] Егоров А.В. Европейский долговой кризис: причины и последствия // Банковский бизнес. 2012. № 3.
- [8] Егоров А.В. Европейский союз на распутье // Банковское дело. 2012. № 8.
- [9] Кондратов Д.И. Международный рынок евро: проблемы и перспективы развития (часть 2) // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 6. Том 2013.
- [10] Мискин А.С. Современные тенденции развития единых валют // Известия Томского политехнического университета. 2008. № 6. Том 312.
- [11] Сапир Ж. Кризис еврозоны и перспективы евро // Проблемы прогнозирования. 2011. № 3.
- [12] Сибирская А.В. Методологические основы валютной интеграции // Институт экономики НАН Беларуси, серия «Экономические науки». 2012.
- [13] Тимченко М.Н. История введения единой европейской валюты и его последствия // Финансовый менеджмент. 2001. № 1.
- [14] Фрайндт И.Е. Формы валютной интеграции // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2005. № 1.

Spisok literatury:

[1] Akelyev E.S., Ermushko Zh.A. Formirovanie valyutny'x soyuzov: plyusy' i minusy' // Vestnik TGPU. 2011. № 12 (114).

[2] Baburina N.A. Valyutnaya integraciya v Evrope: uroki proshlogo i tendencii budushhego // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 11.

[3] Bebris A.O., Xmelev I.B., Orexov S.A. Problemy' makroe'konomicheskoy stabil'nosti stran zony' evro // Internet-zhurnal «Naukovedenie». 2014. № 4 (23).

[4] Valiullin X. Retrospektivny'j analiz genezisa valyutny'x zon // Voprosy' e'konomiki. 2010. № 11.

[5] Goryachkina Yu.V., Grishko A.K., Koninin M.P. Prakticheskoe razvitie teorii optimal'ny'x valyutny'x zon i byudzhetnoj politiki na primere evropejskoj valyutnoj integracii // Trudy' Mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo». 2010. Tom 2.

[6] Gurova I.P., Efremova M.V. Konkurirovushhie teorii regional'noj e'konomicheskoy integracii: sravnitel'ny'j analiz // Vlast'. 2013. № 8.

[7] Egorov A.V. Evropejskij dolgovoj krizis: prichiny' i posledstviya // Bankovskij biznes. 2012. № 3.

[8] Egorov A.V. Evropejskij soyuz na rasput'e // Bankovskoe delo. 2012. № 8.

[9] Kondratov D.I. Mezhdunarodny'j ry'nok evro: problemy' i perspektivy' razvitiya (chast' 2) // Rossijskij vneshnee'konomicheskij vestnik. 2013. № 6. Tom 2013.

[10] Miskin A.S. Sovremennye tendencii razvitiya ediny'x valyut // Izvestiya Tomskogo politexnicheskogo universiteta. 2008. № 6. Tom 312.

[11] Sapir Zh. Krizis evrozony' i perspektivy' evro // Problemy' prognozirovaniya. 2011. № 3.

[12] Sibirskaya A.V. Metodologicheskie osnovy' valyutnoj integracii // Institut e'konomiki NAN Belarusi, seriya «E'konomicheskie nauki». 2012.

[13] Timchenko M.N. Istoriya vvedeniya edinoj evropejskoj valyuty' i ego posledstviya // Finansovy'j menedzhment. 2001. № 1.

[14] Frajndt I.E. Formy' valyutnoj integracii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «E'konomika». 2005. № 1.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор Департамента правового
регулирующего экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, эксперт РАН,
e-mail: ivanovasa1@yandex.ru

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
эксперт Центра научной и экспертной аналитики
Международного центра компетенций
ФГБОУ ВО «Российская государственная
академия интеллектуальной собственности»,
эксперт РАН, Почетный адвокат России,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

◇ **Аннотация.** *В гражданском обществе не должны существовать, по меньшей мере, две крайности: приоритет государства в лице государственных органов и хаос (анархия), диспропорции в управлении общественными делами, нигилизм по отношению к праву. Создание такого равновесия (баланса) в гражданском обществе является одним из основных условий его существования и совершенствования.*

◇ **Ключевые слова:** *субстанциальные основы гражданского общества, цивилизованная власть, нормы общественного поведения, верховенство права и закона, институты гражданского общества.*

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
doctor of jurisprudence, professor,
professor of Department of legal regulation
of economic activity of Financial University under the Government
of the Russian Federation, expert of RAS

GRUDTSINA Ludmila Yurevna,
doctor of jurisprudence, professor,
expert of the Center for Scientific and Expert Analytics
of the International Competence Center of FSBOU VO
“Russian State Academy of Intellectual Property”,
expert of RAS, Honourable lawyer of Russia

INTERNATIONAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS OF GRAZHDAN-SKOGO SOCIETY: LEGAL AND THEORETICAL ASPECT

◇ **Annotation.** *In civil society there shan't be, at least, two extremes: a priority of the state represented by government bodies and chaos (anarchy), disproportions in control of public affairs, nihilism in relation to the right. Creation of such equilibrium (balance) in civil society is one of the main conditions of its existence and enhancement.*

◇ **Key words:** *substantive bases of civil society, civilized power, norms of public behavior, rule of law and law, institutes of civil society.*

В России гражданское общество формируется и развивается в самобытных социокультурных условиях. Прежде всего, следует отметить доминирующую роль государства в жизни общества в его историческом развитии, что определялось природно-географическими, ментально-правовыми, геополитическими условиями [8, с. 35]. Государство вынуждено было брать на себя решение основных задач. Но одновременно это сопровождалось и подавлением инициативы «снизу». Самостоятельность низов ограничивалась. Общество вынуждено было отдавать не только прибавочный продукт, но и часть необходимого, что приводило к слабому развитию предпринимательства, торговли и городов, к незащищенности прав, свобод человека, частной собственности [14, с. 13].

Участников дискуссии можно условно подразделить на два лагеря – пессимистов, считающих, что гражданского общества в России нет, как нет и условий для его формирования, и оптимистов, полагающих, что процесс становления в России гражданского общества необратим и уже привел к положительным результатам. Отдельные наблюдения за этим процессом зачастую дают участникам дискуссии повод к широким, но малообоснованным обобщениям. Так, по мнению С. Кордонского, «в России нет государства в традиционном смысле этого понятия, нет и граждан, не говоря уже о гражданском обществе» [11, с. 78].

Подобные выводы делает и А. Хлопин: «...у нас создано общество неграждан – полная противоположность гражданскому обществу» [31, с. 127, 128]. Попытка верифицировать эту гипотезу привела данного автора к серьезному сомнению в том, что российские граждане обладают сколько-нибудь солидным опытом веры в присутствие некоторой имманентной разумности нынешнего российского социума, что ставит под сомнение тезис о его гражданственности [10, с. 314].

Политико-правовой анализ субстанциальных основ гражданского общества должен проводиться в двух плоскостях: 1) гражданское общество можно рассматривать как идею, доктрину, утопию (идеологический аспект); 2) гражданское общество можно представить как взаимосвязанную систему общественно-политических институтов (институциональный аспект). Именно такая дихотомическая модель исследования может помочь разорвать своеобразную содержательную «замкнутость» круга в определении гражданского общества, когда при его характеристике смешиваются воедино реально существующие и идеально предполагающиеся признаки и свойства.

Человек является членом гражданского общества именно как человек, а не как предста-

витель определенного этноса, не по национальному или расовому критерию [23, с. 285]. В этом смысле можно сказать, что гражданское общество – это неполитическое сообщество (форма отношений) частных лиц, а не ассоциация семей или этносов.

Представляется интересной точка зрения О.Г. Румянцева, рассматривающего гражданское общество в концепции конституционного строя России. По его мнению, существуют три начала гражданского общества – индивид, коллектив, цивилизованная власть. Само понятие «гражданское общество» он рассматривает как микромир конституционной модели, повторяющий указанное взаимодействие «на собственном этаже» [27, с. 75]. Так, О.Г. Румянцев полагает, что проблема гражданского общества сводится к предотвращению форм организации, в том числе государственных, при которых внутренние интересы членов общества подменяются внешними интересами аппарата [16, с. 35, 36].

Например, В.Д. Зорькин и В.А. Кикоть рассматривают гражданское общество как необходимый и рациональный способ социального существования людей, основанный на разуме, свободе, праве и демократии. В нем создается реальная возможность для самореализации личности и человеческих коллективов и тем самым устанавливается оптимальная мера вмешательства в экономический, социальный и духовный процесс [15, с. 4].

Следует заметить, что понятие «гражданское общество» не является чисто юридическим. Оно вызывает большой интерес у представителей многих общественных наук. Например, И.В. Бестужев-Лада представляет гражданское общество в виде некоего «общественного идеала» [4, с. 81]. Ф.А. Цанн-кай-си на основе анализа исторического развития различных учений о гражданском обществе приходит к выводу, что «основные кирпичи» фундамента гражданского общества составляют собственность (имущество), труд, семья [32, с. 13].

В отечественной юридической литературе отмечается, что гражданское общество – это комплексное явление, регламентированное нормами не только права, но и морали, обычаями, содержание которого определяется историческим опытом, национальными традициями и уровнем развития демократии [24, с. 1–25]. Нельзя не согласиться и с мнением О.Е. Кутафина, полагающего, что «в условиях традиционной неразвитости институтов гражданского общества в нашей стране необходимо конституционное закрепление основ их свободного саморазвития» [7, с. 78]. Гражданское общество, как отмечает Л. Карпов, «есть совокупность независимых от государства производителей, а также

саморегулирующихся организаций, вроде профсоюзов, политических партий, культурных организаций, научных ассоциаций, а также семьи и церкви» [17, с. 24].

Б.И. Славный пишет о гражданском обществе как «о некой совокупности гражданских институтов, отличающихся от институтов политического общества или государства своим невластным характером» [28, с. 45]. По мнению Ю.С. Красина и А.Н. Галкина, гражданское общество – устойчивая система горизонтальных социальных связей, общественно-политических ориентаций и норм общественного поведения. Оно «образует как бы прокладку между базисом и надстройкой, производственными отношениями и государством» [20, с. 73].

Соглашаясь в целом с Б.И. Славным, ученые Е.Н. Гуренко и О.И. Шкаратан говорят о гражданском обществе как о «системе общественных институтов», «особой сфере социального общения, сплавляющей людей в сообщество на основе добровольных связей, независимо от экономических отношений, и обладающей собственными функциями: выражать различные общественные интересы, опосредовать отношения между личностью и государством, ограничивать всемогущество последнего» [13, с. 154, 155].

Например, К.С. Гаджиев рассматривает гражданское общество как «систему обеспечения социокультурной, духовной сфер их воспроизводства и передачи от поколения поколению, систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных институтов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальные или коллективные» [6, с. 30].

В гражданском обществе не должны существовать, по меньшей мере, две крайности: приоритет государства в лице государственных органов и хаос (анархия), диспропорции в управлении общественными делами, нигилизм по отношению к праву. Создание такого равновесия (баланса) в гражданском обществе является одним из основных условий его существования и совершенствования [16, с. 39, 40].

Критерии гражданского общества:

1. Экономическая и социальная свобода членов общества, которая возможна только в обществе с рыночной экономикой, где личность не отчуждена от собственности, вправе выбрать любую ее форму, где существует свобода экономической деятельности.

2. Признание и реальная обеспеченность естественных, неотчуждаемых прав человека, возможность судебной защиты этих прав.

3. Самоуправляемость, самоорганизованность, инициативность его членов.

4. Открытость, что предполагает, во-первых, свободный доступ людей ко всем источникам информации, кроме государственной, коммерческой и семейной тайн, во-вторых, гласность общественно-политических мероприятий, в-третьих, свободу слова, убеждений, суждений, свободу критики, в-четвертых, свободу общения с международными и иностранными общественными организациями.

5. Режим законности, верховенство права и закона, эффективность надзора за исполнением законов.

6. Равенство всех перед законом и судом, стабильность конституционного строя, демократический политический режим. Этот принцип часто называют главным среди всех перечисленных и, более того, основой гражданского общества [21, с. 115].

7. Политический и идеологический плюрализм, свобода мнений, слова и печати, независимость средств массовой информации [22, с. 88].

В литературе выделяются характерные особенности гражданского общества: оно представляет собой совокупность социальных групп, каждая из которых является центром социальной власти; каждая ассоциация, входящая в гражданское общество, стремится к полной или частичной автономии от государства; говорить о существовании гражданского общества можно лишь в том случае, если политическая и социальная сферы общественной жизни отделены друг от друга. Государство преимущественно разрешает политические проблемы, а гражданское общество представляет собой среду, в которой протекает повседневная жизнь людей; гражданское общество формирует основные нравственные добродетели людей, способствует выработке цивилизованного поведения и социальной ответственности [9, с. 162].

Гражданское общество – тип общественного устройства, отличительным признаком которого является реальная многосубъектность общественной, экономической, социальной, культурной и политической жизни [36]. Как справедливо отмечают современные исследователи, «гражданское общество возникает там и тогда, где и когда институт государства уже не в состоянии оптимально выполнить функции регламента общественных отношений, где созрели предпосылки гражданского компромисса и мировоззренческого плюрализма, где складывается совокупность общественных институтов, имеющих собственный статус и способных к равноправному диалогу с институтом государства, способных противостоять политической экспансии государства, быть его противовесом; сдерживать

его стремление к монополии, превращению из системы обеспечения развития общества в систему самообеспечения» [9, с. 162].

Важнейшие предпосылки формирования гражданского общества – ликвидация сословных привилегий и возрастание значения человеческой личности, человека, который превращается из подданного в гражданина с равными со всеми другими гражданами юридическими правами. В этих условиях поведение человека определяется его собственными интересами и на него ложится ответственность за все действия. Такая личность превыше всего ставит собственную свободу, уважая и законные интересы других людей [29, с. 190].

В отношениях, составляющих гражданское общество, воплощаются идеи права как высшей справедливости, основанной на недопустимости произвола. Это те нормативные, общеобязательные требования, которые складываются и существуют в гражданском обществе независимо от их государственного признания и закрепления в законах. Но как верно указывает Б.А. Исаев, «следование им со стороны государства является залогом того, что закон в таком обществе и государстве приобретает правовой характер» [29, с. 191].

Словосочетание «гражданское общество», обозначающее общество (неполитическое сообщество людей) в его различии и соотношении с государством (политическим сообществом), явно не соответствует выражаемому им смыслу. Ведь гражданское общество – это не общество граждан (политических субъектов), а, напротив, сообщество частных (неполитических) лиц – носителей частных целей и интересов. Сообщество же граждан – это политическое сообщество, т.е. государство (политическое государство) в его отличии от общества (гражданского общества). Ведь и «гражданское право» (как отрасль права) – право не граждан, а частных лиц [23, с. 279].

Например, Л.М. Романенко предлагает выделять три элемента гражданского общества и соответственно три уровня анализа его институционализации: объективный (предполагающий изучение «фактического наличия институтов и структур гражданского общества во всех сферах жизни общества»), функциональный (представляющий собой анализ процессов функционирования, связей и взаимосвязей различных элементов и структур гражданского общества) и субъективный (когда предметом становятся сами агенты социального действия)¹. Научный подход, плодот-

ворность и объективность исследования предполагают анализ функционирования гражданского общества по нескольким четко определенным направлениям [10, с. 315].

Суть гражданского общества, по мнению П.П. Баранова, заключается в активном правовом поведении широких слоев населения и превращении института государства в инструмент достижения той цели, которую определяют организованные и неорганизованные народные массы. Такие политико-правовые институты, как демократические выборы, референдум (в том числе инициативный), участие партий в политике, право петиций, иные формы непосредственной демократии, право законодательной инициативы, не просто способствуют контролю общества над органами государственной власти, но и делают последние (в определенных пределах) зависимыми от политически активной общественности [3, с. 67].

Одним из итогов Гражданского форума 2001 г. стало ясное понимание и осознание того, что гражданское общество невозможно построить «сверху», т.е. волевыми усилиями самой государственной власти с помощью чиновничьего аппарата. Оно должно стать результатом социальной самодеятельности нации. Из этого следует, что гражданское общество – нечто принципиально иное, чем политическая и административная структура, имеющаяся в стране. Более того, по мнению С.А. Абакумова и А.И. Подберезкина, гражданское общество является базовой формой реализации общественных интересов, а государство со своей стороны обеспечивает и гарантирует его жизнедеятельность. Гражданское общество не может существовать без главного своего носителя – гражданина, человека, способного и умеющего самостоятельно определять и осуществлять свои цели и жизненные интересы [37]. Субъектами гражданского общества выступают индивиды и их объединения. В зависимости от того, в каком качестве выступают эти субъекты, можно выделить следующие: индивид, семья, школа, церковь, социальные группы (в частности, собственники и предприниматели), общественные объединения, оппозиционные политические партии и движения, средства массовой информации и др.²

Содержащиеся в Конституции РФ положения, характеризующие облик гражданского общества, заключенные в ней идеи и воззрения, базируются на гуманистических, демократических ценностях и составляют суть «новой» кон-

¹ Показательно, что в странах с развитой демократической системой чаще всего исследуются второй и третий уровни, а в странах новой демократии внимание исследователей в основном сосредоточено на первом.

² Специфика всех организаций, образующих гражданское общество, состоит в том, что они создаются не государством, а самими гражданами, предприятиями, существуют автономно от государств, но в рамках действующих законов.

ституционной идеологии, коренным образом отличающейся от прежней, основанной на идее подавления частных интересов государственными потребностями и интересами.

Государство принимает на себя обязательство создать минимум законов, который необходим с позиции общедозволительного принципа правового регулирования и является безусловной базой развития государственности; но в то же время государство признает за нормами группового права – корпоративного, церковного, обычного – юридическую силу с целью сохранения самобытности различных субъектов гражданского общества, социальных групп, общественных объединений, если не нарушаются права других сообществ и внутренний суверенитет государства [30, с. 98].

Правовое государство может быть построено лишь согласованными, дополняющими друг друга действиями государства и гражданского общества, что должно находить отражение в идеологии, лежащей в основе законодательства и, прежде всего, Конституции РФ.

Ключевым понятием гражданского общества выступает свобода как условие и способ человеческого самоосуществления, отягощенного мерой персональной ответственности. В рамках гражданского общества и его институтов свобода проявляется не так, как в границах государства, где человек заявляет о себе как существо пассивное, страдательное, ибо оно объект внимания и манипулирования, заботы и наказания.

В гражданском обществе человек заявляет о себе как существо автономное и свободное. Он равный среди равных, ибо люди по своей воле объединились в сообщество и логично предположить, что они сами вырабатывают ценностные ориентиры, нормы и правила, которым и намерены следовать. Мера свободы, а стало быть, и выбора в условиях гражданского общества несоизмеримо выше, чем в отношении «подданный – государство». Пока люди организуют свое сообщество на уровне процесса, они имеют возможность активно вмешиваться в свое творчество. Но, как только это творчество обретает опредмеченные формы, оно получает относительную самостоятельность, независимость от тех, кто его созидал, ибо в своем развитии оно подчиняется своим законам, а не воле своих творцов (созидателей) [6, с. 62].

В стране идет борьба и противостояние различных подходов к организации жизни человека, общества и государства. Главная задача сегодня – не допустить возврата в прошлое, обеспечить стратегию устойчивого политического, экономического, социального и культурного развития, ускоренное продвижение к правовому

государству. Как верно утверждает Б.С. Эбзеев, «права человека адекватны всякому демократически организованному обществу, и государство, претендующее на то, чтобы называться правовым, не вправе, а обязано в своем законодательстве предусмотреть и реально гарантировать юридическими и иными средствами эти права, которые в силу конституционного закрепления приобретают характер субъективных юридических прав» [35, с. 112].

По мнению Б.С. Эбзеева, в словосочетание «права человека» в Основном законе страны вкладывается следующий смысл: «...права человека – это, в отличие от отраслевых прав, есть конституционные права, которые определяют смысл и содержание отраслевых прав. Наконец, права человека – это такие права, которые принадлежат всякому человеку независимо от его гражданской принадлежности, т.е. гражданам, иностранцам, лицам без гражданства» [35, с. 109].

Однако с данной точкой зрения нельзя согласиться хотя бы потому, что права человека выходят далеко за рамки конституционных прав. При любом демократическом устройстве права и свободы граждан представляют собой важнейший политико-юридический и социальный институт, объективно выступающий мериллом достижения данного общества, его «визитной карточкой», показателем цивилизованности. Этот показатель служит средством доступа личности к духовным и материальным благам, механизмам власти, и в то же время это – непереносимое условие совершенствования индивида, упрочения его статуса и независимости.

В научной литературе выделяются три важнейших условия формирования и укрепления современного гражданского общества. Первое условие заключается во всестороннем развитии и саморазвитии личности, свободно выбирающей свой жизненный путь и отвечающей за него. Только такая личность обладает раскрепощенным сознанием, чувством собственного достоинства, верой в свои силы и возможности. Именно такой человек активен в разрешении не только личных, но и общественно-политических проблем, самостоятельно ставит и решает волнующие его жизненные вопросы. Чем больше таких личностей, тем благоприятнее перспективы развития России в XXI в.

Представить себе общественный прогресс без стремления к установлению начал равенства и свободы невозможно. Важно при этом заметить, что равенство и свобода человека предполагают ответственность не только перед другими людьми, но и, в первую очередь, перед собой.

Роль российской государственной власти в становлении такой личности состоит в том, чтобы

обеспечить ей внешние условия для осмысления окружающей действительности, совершенствования общественных отношений. Решить эту задачу государство может двумя путями: с одной стороны, обеспечивая свободу выбора личности посредством предоставления ей максимума допустимых прав и свобод, не нарушающих права и свободы других личностей; с другой стороны, устанавливая максимум ответственности личности за собственный выбор посредством соблюдения ею системы правовых норм, не нарушающих прав и свобод других граждан [3, с. 122].

Преобразования в России только тогда будут успешными, когда обеспечат условия для внутреннего саморазвития и самосовершенствования личностей, образующих гражданское общество. Таким образом, цель современных преобразований в России должна состоять в раскрытии созидательного потенциала личности. Чтобы решить эту задачу, государство и общество должны формировать демократические традиции и развивать экономические свободы.

Второе важнейшее условие формирования и укрепления современного российского гражданского общества состоит в создании эффективной системы экономических отношений, обеспечивающих экономическую свободу личности, зарождение развитого социального слоя коллективных и индивидуальных владельцев средств производства, развитие института частной собственности, экономической конкуренции, активности, самостоятельности и равноправия хозяйствующих субъектов [2, с. 37].

Третье важнейшее условие формирования и укрепления гражданского общества – опора в государственном и общественном строительстве на общепризнанные демократические правовые принципы (защита прав и свобод человека и гражданина, равноправие граждан, верховенство закона, разделение властей) и институты (независимая судебная система, развитое местное самоуправление, эффективная многопартийность, независимые, свободные СМИ, демократические и свободные выборы, гражданские инициативы) [3, с. 123, 124].

Представляется, что главная причина множества проблем во взаимоотношениях государства и личности в сфере обеспечения и защиты конституционных прав и свобод последней состоит в отсутствии условий подчинения государственных органов власти праву, включая правоохранительные органы, в том числе органы внутренних дел, эффективного механизма реализации конституционной ответственности государства перед обществом и обеспечения законности и правопорядка на всей территории России [25, с. 9–12].

Анализ признаков правового государства позволяет сформулировать принципы сотрудничества государства и гражданского общества в сферах частной собственности, равноправия, разделения властей, защиты прав человека, законности. Особенно выделяется контроль над законностью в качестве одного из важнейших элементов строительства правового государства. В связи с этим можно рассматривать общественный контроль как наблюдение различных общественных формирований за деятельностью государственных органов, причем его отличием от государственного является отсутствие права вмешиваться в оперативную деятельность контролируемого органа и привлекать его к юридической ответственности [30, с. 96, 97].

Эффективное разрешение проблем обеспечения прав и свобод граждан на территории России в нынешних условиях возможно лишь путем соблюдения и иных форм реализации принципов, закрепленных в источниках международного права, Конституции страны и федеральных законах. Для разрешения названных проблем целесообразно использовать различные конституционные и международные механизмы и процедуры, поддержку правозащитного движения, возможности местного самоуправления и разумную политику государства, направленные на постоянное повышение уровня правовой культуры государственных служащих всех уровней, должностных лиц, включая сотрудников органов внутренних дел [16, с. 295, 296]. Например, Ю.В. Колесников отмечает, что формирование гражданского общества и правового демократического государства будет происходить по ускоренному «сценарию» [19, с. 51, 52]. С данной точкой зрения авторы настоящего исследования не могут согласиться, поскольку самая сложная задача в становлении и развитии гражданского общества в России – ломка складывавшихся десятилетиями стереотипов всевластия государства по отношению к личности и обществу в целом [16, с. 205].

Более того, нельзя не учитывать слабого социально-экономического уровня страны на современном этапе ее развития, а также политическую нестабильность, низкий уровень правового сознания и правовой культуры большинства населения¹. Не менее важным условием формирования гражданского общества в России является повышение общественного сознания, духовно-культурного уровня россиян. Это, к сожалению, потребует довольно много времени [16, с. 295, 296]. Прав В.А. Четвернин, по мнению которого формирование и развитие гражданского

¹ Достижение экономического благополучия отнюдь не будет означать того, что в России гражданское общество уже сформировалось.

общества не завершено ни в нашей стране, ни в мировом масштабе: этот процесс рассчитан на несколько веков [33, с. 34; 18, с. 21].

В каком государстве возможно полноценное развитие гражданского общества, а институты гражданского общества составляют неотъемлемую и важную часть механизма реализации прав и свобод человека и гражданина?

Полицейское государство, в отличие от демократического правового, не может стать основой формирования гражданского общества хотя бы потому, что у них различны цели и задачи, принципы и функции, методы управления и взаимоотношения с личностью, правовые системы. Цель и задачи полицейского государства, в отличие от правового, не связаны с защитой прав человека и его интересов, обеспечением принципов народовластия и подчинением государства праву. Скорее, наоборот, как верно отмечает С.В. Калашников, «они направлены на установление (с использованием государственного механизма принуждения) жесткого режима, возможно военной диктатуры, для защиты интересов правящих кругов и борьбы с различного рода посягательствами на его устои, установление строгого контроля над общественными объединениями, трудовыми коллективами, прессой по соблюдению требований режима и установленных норм поведения» [16, с. 50].

Правовая система полицейского государства защищает существующий строй с присутствующими ему принципами и институтами, прямо противоположными демократической правовой системе, установленной в рамках правового демократического государства. Что же касается прав и свобод человека и гражданина, то в полицейских (авторитарно-тоталитарных) государствах они как бы «даруются» государством его гражданам, которым остается лишь выразить свое согласие с правящим режимом, во избежание конфликтов с государством [16, с. 50, 51]. Последнее ограничивает права и свободы личности законами, принятыми из соображений общего блага, экономической целесообразности, нравственности, социальной справедливости, борьбы с преступностью, охраны государственной безопасности [34, с. 77]. Реальные государства ближе либо к правовому (например, США), либо к полицейскому (например, Германия в XIX в., постсоветская Россия) [34, с. 78].

Гражданское общество – общество, где главным действующим лицом и субъектом происходящих в нем процессов и отношений выступает человек, со всей системой его потребностей, интересов и ценностей. Это понятие также обозначает совокупность существующих независимо от государства и его органов общественных отношений – политических, экономических, культурных, национальных, религиозных, семейных и

других, отображает многообразие частных интересов. Общество становится гражданским лишь на определенной стадии демократического развития и формируется по мере экономического, политического развития страны, роста благосостояния, культуры и самосознания народа.

Становление гражданского общества и развитие демократии находятся в тесной взаимосвязи: чем более развито гражданское общество, тем демократичнее государство. Предпосылками развития гражданского общества служит появление у граждан экономической самостоятельности при многообразии форм собственности и возрастание статуса человеческой личности. Политический фундамент гражданского общества – правовое государство и демократия, которые необходимы для обеспечения всех прав и свобод личности, развития общества в целях создания в нем обстановки стабильности, безопасности, справедливости и сотрудничества. Экономическую основу гражданского общества составляют многообразие форм собственности и суверенитет индивидуальных собственников, которым обеспечены законодательные гарантии равного признания и защиты.

На основании изложенного сделаем следующие выводы [12].

Во-первых, основания возникновения гражданского общества в России можно условно классифицировать на:

- исторические, связанные с возникновением и особенностями развития в России крестьянской общины и православной идеологии. Сторонники такого подхода требуют восстановления соборности, общинности и других присутствующих только славянам черт дооктябрьского прошлого;

- современные (конституционно-правовые), возникшие с принятием Конституции РФ 1993 г., провозгласившей права и свободы человека высшей ценностью (ст. 2). Сторонники этого подхода считают, что гражданского общества в пространствах Российской империи и СССР не существовало и его нужно создавать впервые, опираясь, отчасти, на положительный опыт Запада.

Во-вторых, под институтами гражданского общества следует понимать действующие независимо от государства или при поддержке последнего общественные структуры (объединившиеся по социальному, профессиональному и другим признакам), деятельность которых, во-первых, порождает правоотношения, направленные на реализацию и защиту индивидуальными своими прав и свобод, решение общих задач в сфере экономики, культуры и других областях общественной жизни, во-вторых, способна влиять на государственные институты и ограждать людей от необоснованного вмешательства данных институтов в общественную жизнь.

В-третьих, функции гражданского общества в России более многогранны, в частности, это: участие граждан в правотворческой (нормотворческой) деятельности; контроль институтов гражданского общества над государственной властью; участие в осуществлении государственной политической власти; участие в отправлении правосудия (заседатели, присяжные заседатели, арбитражные заседатели – специалисты); поддержка государственной власти или противодействие ей; оказание материальной помощи государственной политической власти; воспитательная и образовательная функция; здравоохранения и воспроизводства населения; охрана окружающей природной среды; взаимное сдерживание граждан и их объединений от правонарушений; правовая активность при реализации прав, свобод и законных интересов; формирование заинтересованности государственной политической власти в реализации своего правового статуса.

Список литературы:

- [1] Жарова А.К. Информация. Правовое регулирование обращения информации в интернет. Институт государства и права Российской академии наук. Москва, 2006.
- [2] Аринин А.Н. Права и свободы человека и эффективное развитие России // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1.
- [3] Баранов П.П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
- [4] Бестужев-Лада И.В. Сценарий будущего под иероглифом гражданского общества // *Будь лицом: ценности гражданского общества*. Томск, 1992.
- [5] Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // *Вопросы философии*. 1991. № 7.
- [6] Гаджиев К.С. Политическая наука. М.: *Международные отношения*, 1994.
- [7] Государственное право Российской Федерации / Под ред. О.Е. Кутафина. Т. 1. М., 1993.
- [8] *Гражданское общество в России: Структуры и сознание*. М., 1998.
- [9] *Гражданское общество: истоки и современность* / Науч. ред. проф. И.И. Кальной. СПб., 2000.
- [10] *Гражданское общество: мировой опыт и проблемы России*. М., 1998.
- [11] *Гражданское общество: первые шаги*. СПб., 1999.
- [12] Грудцына Л.Ю. Особенности конституционных гарантий реализации прав человека в России (на примере гражданского судопроизводства): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
- [13] Гуренко Е.Н., Шкаратан О.И. От этатизма к становлению гражданского общества // *Рабочий класс и современный мир*. 1990. № 3.
- [14] Демин Г.И. Особенности становления и развития гражданского общества в России. М., 2000.
- [15] Зорькин В.Д., Кикоть В.А. Новая Конституция – путь к свободе. М., 1995.
- [16] Калашников С.В. Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2001.
- [17] Карпов Л. Россия и правовое государство // *Свободная мысль*. 1992. № 9.
- [18] Киров В.Ц. Парадокс государственной власти в гражданском обществе. М., 1992.
- [19] Колесников Ю.В. Гражданское общество в структуре социума // В сб.: РАУ «Гражданское общество». М., 1993.
- [20] Красин Ю.С., Галкин А.Н. Гражданское общество: пути к стабильности // *Диалог*. 1992. № 3.
- [21] Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002.
- [22] Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // *Правоведение*. 1995. № 3.
- [23] Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов. М.: *Норма, Инфра-М*, 1999.
- [24] Новая Конституция России: два проекта // *Конституционный вестник*. 1993. № 16.
- [25] Опыт ECRE в работе с помогающими беженцам неправительственными организациями в Центральной Европе: Материалы первого семинара «Организация юридических консультаций для беженцев и вынужденных переселенцев в городах России. М.: *Звенья*, 1997.
- [26] Жарова А.К. О правовом регулировании технологического обеспечения информационного взаимодействия субъектов // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2012. № 3. С. 186-199.
- [27] Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России. М., 1994.
- [28] Славный Б.И. Проблема власти: новые измерения // *Полис*. 1991. № 5, 6.
- [29] *Теория политики: Учебное пособие* / Под ред. Б.А. Исаева. СПб.: *Питер*, 2008.
- [30] Федоренко Д.В. Политико-правовые механизмы взаимодействия институтов гражданского общества и государства в современной России: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
- [31] Хлопин А. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность // *Pro et Contra*. 2002. № 1.
- [32] Цанн-кай-си Ф.В. Гражданское общество: реальность и понятие // *Конституционный вестник*. 1990. № 4.

[33] Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993.

[34] Четвернин В.А. Понятие и термин «правовое государство» // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 8.

[35] Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007.

[36] Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Указ. соч.

[37] Подберезкин А.И., Абакумов С.А. –Указ. соч. С. 24.

Spisok literatury:

[1] Zharova A.K. Informaciya. Pravovoe regulirovanie obrashcheniya informacii v internet. Institut gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. Moskva, 2006.

[2] Arinin A.N. Prava i svobody' cheloveka i e'ffektivnoe razvitie Rossii // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. 2002. № 1.

[3] Baranov P.P. Instituty' grazhdanskogo obshhestva v pravovom prostranstve sovremennoj Rossii: Diss. ... kand. jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2003.

[4] Bestuzhev-Lada I.V. Scenarij budushhego pod ieroglifom grazhdanskogo obshhestva // Bud'licom: cennosti grazhdanskogo obshhestva. Tomsk, 1992.

[5] Gadzhiev K.S. Konceptsiya grazhdanskogo obshhestva: idejny'e istoki i osnovny'e veki formirovaniya // Voprosy' filosofii. 1991. № 7.

[6] Gadzhiev K.S. Politicheskaya nauka. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1994.

[7] Gosudarstvennoe pravo Rossijskoj Federacii / Pod red. O.E. Kutafina. T. 1. M., 1993.

[8] Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii: Struktury' i soznanie. M., 1998.

[9] Grazhdanskoe obshhestvo: istoki i sovremennost' / Nauch. red. prof. I.I. Kal'noj. SPb., 2000.

[10] Grazhdanskoe obshhestvo: mirovoj opyt' i problemy' Rossii. M., 1998.

[11] Grazhdanskoe obshhestvo: pervy'e shagi. SPb., 1999.

[12] Grudcy'na L.Yu. Osobennosti konstitucionny'x garantij realizacii prav cheloveka v Rossii (na primere grazhdanskogo sudoproizvodstva): Diss. ... kand. jurid. nauk. M., 2004.

[13] Gurenko E.N., Shkaratan O.I. Ot e'tatizma k stanovleniyu grazhdanskogo obshhestva // Rabochij klass i sovremenny'j mir. 1990. № 3.

[14] Demin G.I. Osobennosti stanovleniya i razvitiya grazhdanskogo obshhestva v Rossii. M., 2000.

[15] Zor'kin V.D., Kikot' V.A. Novaya Konstituciya – put' k svobode. M., 1995.

[16] Kalashnikov S.V. Konstitucionny'e osnovy' formirovaniya grazhdanskogo obshhestva v Rossijskoj Federacii: Diss. ... dokt. jurid. nauk. M., 2001.

[17] Karpov L. Rossiya i pravovoe gosudarstvo // Svobodnaya my'sl'. 1992. № 9.

[18] Kirov V.C. Paradoks gosudarstvennoj vlasti v grazhdanskom obshhestve. M., 1992.

[19] Kolesnikov Yu.V. Grazhdanskoe obshhestvo v strukture sociuma // V sb.: RAU «Grazhdanskoe obshhestvo». M., 1993.

[20] Krasin Yu.S., Galkin A.N. Grazhdanskoe obshhestvo: puti k stabil'nosti // Dialog. 1992. № 3.

[21] Lejst O.E'. Sushhnost' prava. Problemy' teorii i filosofii prava. M., 2002.

[22] Matuzov N.I. Grazhdanskoe obshhestvo: sushhnost' i osnovny'e principy' // Pravovedenie. 1995. № 3.

[23] Nersesyanc V.S. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik dlya vuzov. M.: Norma, Infra-M, 1999.

[24] Novaya Konstituciya Rossii: dva proekta // Konstitucionny'j vestnik. 1993. № 16.

[25] Opyt' ECRE v rabote s pomogayushhimi bezhencam nepravitel'stvenny'mi organizacijami v Central'noj Evrope: Materialy' pervogo seminarina «Organizaciya juridicheskix konsul'tacij dlya bezhencev i vy'nuzhdenny'x pereselencev v gorodax Rossii. M.: Zven'ya, 1997.

[26] Zharova A.K. O pravovom regulirovanii tekhnologicheskogo obespecheniya informacionnogo vzaimodejstviya sub'ektov // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2012. № 3. S. 186-199.

[27] Rumyancev O.G. Osnovy' konstitucionnogo stroya Rossii. M., 1994.

[28] Slavny'j B.I. Problema vlasti: novy'e izmereniya // Polis. 1991. № 5, 6.

[29] Teoriya politiki: Uchebnoe posobie / Pod red. B.A. Isaeva. SPb.: Piter, 2008.

[30] Fedorenko D.V. Politiko-pravovy'e mexanizmy' vzaimodejstviya institutov grazhdanskogo obshhestva i gosudarstva v sovremennoj Rossii: Diss. ... kand. jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2007.

[31] Xlopin A. Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii: ideologiya, utopiya, real'nost' // Pro et Contra. 2002. № 1.

[32] Cann-kaj-si F.V. Grazhdanskoe obshhestvo: real'nost' i ponyatie // Konstitucionny'j vestnik. 1990. № 4.

[33] Chetvernin V.A. Demokraticeskoe konstitucionnoe gosudarstvo: vvedenie v teoriyu. M., 1993.

[34] Chetvernin V.A. Ponyatie i termin «pravovoe gosudarstvo» // SShA: e'konomika, politika, ideologiya. 1996. № 8.

[35] E'bzeev B.S. Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitucionny'e obyazannosti. M.: Norma, 2007.

[36] Avdeenkova M.P., Dmitriev YU.A. Uказ. soch.

[37] Подберезкин А.И., Абакумов С.А. –Указ. соч. С. 24.

= ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА =

ЧЕРНООКАЯ Владлена Васильевна,
Магистрант 3 курса
Финансового университета
при Правительстве РФ,
Москва,
e-mail: aleri240319932008@mail.ru

Научный руководитель:
БЕСЕДКИНА Наталья Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент Департамента правового
регулирования экономической деятельности,
первый заместитель декана
Юридического факультета Финансового
университета при Правительстве РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

◇ **Аннотация.** В статье рассматривается правовая природа имущественных отношений супругов с точки зрения отраслевой принадлежности в рамках системы российского права, а также рассматривается порядок применения норм и принципов гражданского права к имущественным отношениям супругов, определено место презумпций гражданского и семейного права при совершении сделок с имуществом.

◇ **Ключевые слова:** Имущественные отношения супругов, режим совместной собственности, коллизионные нормы, предмет правового регулирования.

CHERNOKAYA Vladlena Vasilyevna,
3rd year undergraduate student
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow

Scientific supervisor:
BESEDKINA Natalia Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Legal Regulation of Economic Activity,
First Deputy Dean of the Faculty of Law of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

LEGAL NATURE OF PROPERTY RELATIONS OF SPOUSES

◇ **Annotation.** The article examines the legal nature of the property relations of spouses from the point of view of industry affiliation within the Russian legal system, and also examines the procedure for applying the norms and principles of civil law to the property relations of spouses, and determines the place of presumptions of civil and family law when making transactions with property.

◇ **Key word:** Property relations of spouses, joint property regime, conflict of laws rules, subject of legal regulation

Правовое регулирование имущественных отношений супругов является темой для многочисленных исследований, поскольку носит сложный характер, в том числе в результате того, что правовое регулирование имущественных отношений является как предметом ведения гражданского, так и семейного права.

Для определения отраслевой принадлежности предмета ведения имущественных отношений супругов стоит рассмотреть как предмет гражданского права как отрасли, так и предмет семейного права.

Предметом гражданского права как отрасли отечественного права является правовое регулирование имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, а исходя из основополагающих принципов гражданского права, субъекты таких правоотношений являются равными, то есть регулируемые нормами гражданского права отношения носят исключительно горизонтальный характер. Таким образом, исходя из принципа равенства супругов в брачно-семейных правоотношениях, их имущественные отношения входят в предмет ведения гражданского права как отрасли, что также подтверждается и содержанием действующих норм ГК РФ, в частности, норм о совместной собственности супругов [1].

Исходя из предмета ведения семейного права, обозначенного в ст.2 СК РФ [2], мы также видим, что имущественные правоотношения супругов входят в предмет ведения семейного права.

Поскольку гражданское и семейное право относится к отраслям частного права, то стоит определить, каким образом соотносятся их нормы с точки зрения коллизий права.

Исходя из предмета ведения, гражданское право является общей отраслью частного права, а семейное, по отношению к нему, специальной, то действие норм семейного права имеет приоритет перед гражданско-правовыми, если из самой нормы не следует иное. Таким образом, гражданское право призвано устанавливать общие правила регулирования, а также использоваться по аналогии закона, а принципы данной отрасли по аналогии права; тогда как нормы семейного права имеют первоочередную роль в регулировании рассматриваемых общественных отношений.

Отличительной особенностью норм семейного права об имущественных правоотношениях супругов, в отличие от норм гражданского права можно указать отсутствие их обязательного стоимостного характера. К примеру, С.П. Гришаев [1] относит к имущественным правоотношениям супругов их взаимные алиментные обязательства, и указывает, что «при определении размера алиментов отсутствует соизмерение взаимности

имущественных затрат, которые каждый из супругов произвел в пользу другого». Тогда как исходя из принципов гражданского права критерий стоимостной оценки взаимных обязательств является основополагающим при определении размера обязательства, при этом такой «стоимостной характер» надлежит использовать даже при компенсации личных неимущественных потерь, таких как, к примеру, возмещение вреда, причиненного посредством распространение сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию.

На основании изложенного можно сделать вывод, что несмотря на схожесть предмета правового регулирования гражданского и семейного права, все же последнее как отрасль отечественного права имеет свои специфические особенности, которые позволяют сделать вывод о специальном характере правового регулирования имущественных отношений супругов посредством норм семейного права.

Так же важной отличительной особенностью отраслевой принадлежности того или иного правоотношения являются принципы и презумпции, которые распространяются и подлежат применению в конкретной ситуации.

В силу того, что как нами уже было установлено, несмотря на специфику имущественных отношений супругов в части правового регулирования, а именно, того факта, что нормы, регулирующие данные правоотношения содержатся как в нормах ГК РФ, так и в СК РФ, в семейно-правовом регулировании имеются свои особенности, к таковым относится, к примеру, презумпция согласия при сделках с общим имуществом супругов.

Такая презумпция не характерна для иных отраслей российского частного права. К примеру, в гражданском праве, как отрасли права, существует презумпция несогласия, что означает, что молчание не является акцептом [3], тогда как в семейном праве такая презумпция не применяется.

Согласно п. 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], согласие физического лица на совершение сделки – это односторонняя сделка и к такому одностороннему волеизъявлению подлежат применению нормы о недействительности сделок и последствия их признания таковыми.

В связи с тем, что согласие физического лица признается односторонней сделкой, то возникает коллизия права, так как, как уже было озвучено ранее, в семейном и гражданском праве действуют противоположные подходы к трактованию молчания в качестве согласия/ не согласия

на совершение сделок. При этом, п. 2 ст. 35 СК РФ устанавливает критерии возможности оспаривания презюмированного согласия на совершение рассматриваемых сделок, так, согласно данной норме, «сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом супругов, может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки». Таким образом, мы можем видеть новый критерий, установленный законом для возможности признания отсутствия согласия на совершения сделки одним из супругов.

Именно данная норма устанавливает презумпцию согласия на совершение сделки вторым супругом при совершении сделок с общим имуществом.

На наш взгляд, установление данной презумпции характерно для семейного права по нескольким причинам. Во-первых, в связи с тем, что предполагается совместное ведение быта и хозяйства супругами, что подразумевает их общение и совместное проживание, а значит обсуждение всех вопросов, касающихся совместного имущества. Однако, открытым остается вопрос необходимо ли получение согласия на совершение сделки с движимым имуществом в том случае, если один из супругов длительно отсутствует (к примеру, ввиду рода деятельности). А также, в том случае, если супруг, имеющий намерение совершить сделку с движимым имуществом, направил уведомление (сообщения, письмо и иное) о своем намерении совершить такую сделку, то молчание второго супруга будет рассматриваться как отсутствие возражений или отсутствие согласия?

На наш взгляд, поскольку правовая природа имущественных отношений супругов вытекает из того, что супруги совместно принимают решение с учетом мнения всех членов семьи и в общих интересах семьи, то никакое дополнительное уведомление не требуется за исключением случаев, когда супруги в своем имущественном соглашении (брачном договоре или иным способом) указали о необходимости направления такого уведомления и (или) получения обязательного согласия на совершения сделки в том числе, в отношении отдельных видов движимого имущества (к примеру, превышающего определенную сумму стоимостями или конкретный вид имущества).

Таким образом, можно однозначно сделать вывод, что специфика осуществления имущественных правоотношений супругов – категория семейно-правовая, а гражданское право, как

отрасль лишь устанавливает общее правило о виде режима имущества и применение принципов и презумпций гражданского права к семейным правоотношениям возможно только в том случае, если они не противоречат нормам семейно-правового регулирования.

Еще одной выявленной проблемой правового регулирования имущественных отношений супругов является наличие двух понятий в нормативных правовых актах, которые необходимо соотносить. Речь идет о понятиях «совместная собственность супругов» и «имущество супругов».

Категория «имущество супругов» является более широкой и включает в себя категорию «совместная собственность супругов», поскольку правовое регулирование имущества как гражданско-правового объекта, исходя из смысла ст. 128 ГК РФ включает в себя не только вещи и права на них, но и обязательственные правоотношения, а также имущество, не имеющее натурального выражения (бездокументарные ценные бумаги, права требования и иное). На наш взгляд, само наименование ст. 34 СК РФ является не совсем в полной мере отражающим сущность законного режима имущества супругов, поскольку оно звучит как «совместная собственность супругов».

Для отображения всего объема содержания ст. 34 СК РФ целесообразным было внести изменения в название данной статьи и привести в следующей форме: «Статья 34. Общее имущество супругов».

Стоит отметить, что Моисеевой Т.М. уже предлагалось внести изменения в действующее законодательство и изложить наименование статьи в такой форме, в своих трудах автор отмечает, что такое понятие максимально точно «отображает сущность имущества, нажитого супругами в браке» [5].

На основании анализа правового регулирования имущественных правоотношений супругов можно сделать вывод, что категория «общая собственность супругов» является усеченной в понимании того объема имущества и имущественных прав и обязанностей, которые в действительности входят в указанную категорию, а детальный анализ норм главы 7 СК РФ также подтверждает данный вывод, поскольку в дальнейшем даже названия статей включают такое понятие как «имущество», а не «собственность», что является логичным с точки зрения того, что в действительности понимается под рассматриваемой категорией.

Таким образом, правовая природа имущественных отношений супругов представляет собой семейно-правовую категорию, применение к которой норм гражданско-правового регулиро-

вание должно осуществляться только в том случае, если это не противоречит семейно-правовым нормам и принципам, а также в том случае, если это не противоречит самому существованию правоотношения.

Список литературы:

[1] Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (2-е издание, переработанное и дополненное). - Специально для системы ГАРАНТ, 2018 г. [Электронный ресурс]. - <https://base.garant.ru/77603708/>

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.). - СЗ РФ. - 1994., ст. 256

[3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 26 октября 2023 г.). - СЗ РФ. - 1996., ст. 2

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.). - СЗ РФ. - 1994., п. 3 ст. 438

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс»

[6] Моисеева Т. М. Совместная собственность супругов и (или) общее имущество супругов: анализ современного семейного и гражданского права [Электронный ресурс]. - URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/sovместnaya-](https://cyberleninka.ru/article/n/sovместnaya-sobstvennost-suprugov-i-ili-obshchee-imushchestvo-suprugov-analiz-sovremennogo-semeynogo-i-grazhdanskogo-prava)

[sobstvennost-suprugov-i-ili-obshchee-imushchestvo-suprugov-analiz-sovremennogo-semeynogo-i-grazhdanskogo-prava](https://cyberleninka.ru/article/n/sovместnaya-sobstvennost-suprugov-i-ili-obshchee-imushchestvo-suprugov-analiz-sovremennogo-semeynogo-i-grazhdanskogo-prava). С. 132-133

Spisok literatury:

[1] Grishaev S.P. Postatejnyj kommentarij k Semejnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe). - Special'no dlya sistemy GARANT, 2018 g. [Elektronnyj resurs]. - <https://base.garant.ru/77603708/>

[2] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ (v red. ot 4 avgusta 2023 g.). - SZ RF. - 1994., st. 256

[3] Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrya 1995 g. № 223-FZ (v red. ot 26 oktyabrya 2023 g.). - SZ RF. - 1996., st. 2

[4] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ (v red. ot 4 avgusta 2023 g.). - SZ RF. - 1994., p. 3 st. 438

[5] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23 iyunya 2015 g. № 25 «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii»// SPS «Konsul'tantPlyus»

[6] Moiseeva T. M. Sovmestnaya sobstvennost' suprugov i (ili) obshchee imushchestvo suprugov: analiz sovremennogo semejnogo i grazhdanskogo prava [Elektronnyj resurs]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovместnaya-sobstvennost-suprugov-i-ili-obshchee-imushchestvo-suprugov-analiz-sovremennogo-semeynogo-i-grazhdanskogo-prava>. S. 132-133

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

= МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ =

13.00.02 – теория и методика обучения и
воспитания
УДК – 37
ББК – 74.04

МОЛЧАНОВ Сергей Валерьевич,
ученый секретарь
ФГБНУ «Институт управления образованием»
Российской академии образования,
кандидат юридических наук,
e-mail: msv.molchanov@gmail.com

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
эксперт РАН, главный научный сотрудник
отдела образовательного права и контроля
Центра образовательного права
ФГБНУ «Институт управления образованием»
Российской академии образования,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный адвокат России,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

СУБЪЕКТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

❖ **Аннотация.** Роль образования на современном этапе развития России определяется задачами ее перехода к демократическому и правовому государству, к рыночной экономике, необходимостью преодоления опасного отставания страны от мировых тенденций экономического и общественного развития. Право на образование объявлено одним из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан России. Это означает, что право на образование включено Законом в число естественных прав и свобод человека и гражданина, возникает с рождением, прекращается в момент смерти человека и может быть ограничено только в целях, установленных Конституцией страны.

❖ **Ключевые слова:** образовательный процесс, образовательное право, социальная роль образования, законодательство об образовании, педагогическая технология.

MOLCHANOV Sergey Valerevich,
Academic Secretary of the FGBU «Institute for Educational Management»
Russian Academy of Education, Candidate of Legal Sciences

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
expert of the Russian Academy of Sciences,
chief research officer of the Department of Educational Law and Control
of the Educational Law Center of the Russian Academy of Education,
Doctor of Law, Professor, Honorary lawyer of Russia

SUBJECT IN THE EDUCATIONAL PROCESS: CONCEPT, CONTENT, LEGAL NATURE

❖ **Annotation.** The education role at a sokvremenny stage of development of Russia is defined by problems of her transition to the democratic and constitutional state, to market economy, need of overcoming dangerous lag of the country from global trends in economic and social development. The right for education is announced by one of the basic and inalienable constitutional rights of citizens of Russia. It means that the right for education is included by the Law in number of the natural rights and freedoms of the person and citizen, arises with birth, stops at the time of the death of the person and can be limited only for, established by the Constitution of the country.

❖ **Key words:** educational process, educational right, social role of education, legislation on education, pedagogical technology.

Несмотря на 20-летнюю дискуссию и критику со стороны образовательного сообщества, Федеральный закон от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», вслед за своим предшественником, трактует образовательный процесс как комплекс образовательных услуг. На наш взгляд, такой подход противоречит смыслу Конституции России и логике юридических отношений. Если одна сторона, в данном случае - физическое лицо, имеет на что-то право, то другая сторона общественного отношения - государство обязано это право обеспечить. Обеспечение этого право никак не может выглядеть в форме услуги (услугающий - прислуживающий кому-либо лакей). [1] В Федеральном законе от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образовательный процесс представлен как процесс обучения, воспитания и развития человека, осуществляемый во всех перечисленных выше формах обучения в форме реализации образовательных программ, учебных курсов, предметов и дисциплин.

В рамках образовательного процесса осуществляется практика (учебная, производственная, преддипломная), направленная на развитие и закрепление практических навыков обучаемых, их профессиональная ориентация и профильное обучение. [2] Отдельно разъяснено понятие «трудоемкость обучения», как количественная (в часах и степени сложности) характеристика учебной нагрузки обучаемого. Завершается каждый цикл учебного процесса, а также весь его объем аттестацией обучающихся (выпускников), под которой понимается процедура оценки уровня освоения обучающимися части или всего объема учебного курса, предмета, дисциплины или программы. [3]

Важную роль в содержании образовательного процесса играет ст. 3, Федерального закона от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», устанавливающая основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования. Остановимся на некоторых из них. Прежде всего, закон запрещает дискриминацию в сфере образования. На наш взгляд, это означает, неукоснительное обеспечение конституционного права каждого на образование и ответственность родителей за получение образования их несовершеннолетними детьми. Механизм реализации этого принципа помимо настоящего Закона заложен ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ.

Несмотря на незначительный штраф, налагаемый этой нормой на виновное лицо [4], сам факт установления такой ответственности показателен.

Во исполнение ст. 2 Конституции РФ о приоритете прав и свобод человека и гражданина одним из принципов государственной политики в области образования объявлен гуманистический характер образования, приоритет защиты жизни и здоровья, прав и свобод человека. [5]

Учитывая поликультурный и многонациональный характер российского общества, Закон устанавливает принцип сочетания единства образовательного пространства с защитой и развитием национальных культур, культурных традиций и интеграцией России в мировое образовательное пространство. [6]

Одним из принципов демократического государства и общества является свобода в выборе убеждений и поведения его граждан. Применительно к сфере образования речь в Законе идет о свободе выбора обучаемыми форм получения образования и форм обучения в пределах, предоставляемых системой образования. Также важным принципом современного образования является его непрерывность. Закон гарантирует его получение на протяжении всей жизни, но с учетом индивидуальных способностей и потребностей человека. Одним из главных принципов деятельности учебных заведений Западной Европы, Северной Америки и других цивилизованных государств на протяжении столетий является так называемая «университетская автономия». В условиях глобализации и интеграции мирового образовательного пространства комментируемый Закон впервые гарантирует принцип автономии образовательных организаций в сочетании с академическими правами и свободами педагогических работников и обучающихся.

Одним из проявлений действия этого принципа выступают закреплённые ниже принципы демократического, государственно-общественного характера управления образованием, привлечения к управлению им обучающихся и их родителей (законных представителей); равенства прав и свобод участников отношений в сфере образования; а также принцип сочетания государственного и договорного регулирования отношений в этой сфере.

Отдельно Федеральный закон от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет цели и задачи законодательства об образовании. Наряду с тривиальными, не нуждающимися в комментарии задачами, в ней конкретизировано конституционное право каждого на образование в виде решения задачи по созданию условий для получения образования в Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также задачи разграничения полномочий в сфере образования между тремя уровнями публичной власти: федеральной, региональной и местной. [7]

Так, определяются типы нормативных правовых актов, регламентирующих общественные отношения в рассматриваемой сфере. В соответствии со сложившейся в последнее время нормотворческой практикой в этот перечень вошли абсолютно все акты, издаваемые в нашей стране, начиная с Конституции и заканчивая муниципальными правовыми актами. Таким образом, комментируемый Закон превратился в акт непрямого действия. При этом, по мысли его авторов, должен соблюдаться ряд необходимых условий, установленных комментируемой статьёй. Во-первых, федеральное законодательство обладает приоритетом перед всеми остальными нормативными правовыми актами, а субъекты Федерации вправе издавать свои акты по остаточному принципу: по вопросам, не урегулированным федеральными нормами. Также действуют органы муниципальной власти.

Во-вторых, субъекты Федерации и муниципальные органы власти вправе при реализации права граждан на образование устанавливать на своих территориях дополнительные социальные гарантии этого права, но только за счёт собственных средств соответствующих бюджетов. В-третьих, при таком подходе неизбежны коллизии и пробелы правового регулирования. В случае их возникновения действует правило приоритета федеральных норм над региональными и региональными над муниципальными. При возникновении неразрешимых коллизий вопрос решается судом. В-четвёртых, в соответствии со ст. 15 Конституции России о приоритете общепризнанных норм международного права и международных договоров Российской Федерации над национальным законодательством, правила, установленные международным договором РФ в сфере образования, имеют безусловный приоритет.

Ключевой в первой главе Федерального закона от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», безусловно, выступает ст. 6 о содержании и гарантиях реализации права на образование.

Право на образование объявлено одним из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан России. Это означает, что право на образование включено Законом в число естественных прав и свобод человека и гражданина, возникает с рождением, прекращается в момент смерти человека и может быть ограничено только в целях, установленных Конституцией страны. То есть, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, законности и правопорядка. [8]

В этой связи необходимо отметить законодательную новеллу, в соответствии с которой

принцип гарантии равного права на образование независимо от открытого перечня обстоятельств, отличающих людей друг от друга, уравновешен указанием на то, что предпочтения и преимущества, установленные при реализации рассматриваемого права для лиц, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите, не являются дискриминацией в правах иных обучаемых.

Основанием возникновения образовательных отношений является распорядительный акт организации, осуществляющей образовательную деятельность, о приеме лица на обучение в эту организацию или для прохождения промежуточной аттестации и (или) государственной итоговой аттестации, а в случае осуществления образовательной деятельности индивидуальным предпринимателем - договор об образовании.

В статье 7 Федерального закона от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» подробно описаны полномочия органов публичной власти различного уровня в сфере образования. Наряду со стандартными полномочиями, установленными ещё Законом 1992 г., появились новые, такие как реализация международных программ в сфере образования, установление федеральных требований минимальной оснащённости образовательного процесса, определён закрытый перечень полномочий, направленных на реализацию конституционной обязанности государства по лицензированию и государственной аккредитации образовательной деятельности. С учётом развития процесса информатизации, федеральные органы принимают на себя обязанности по формированию и ведению федеральных информационных систем, а в связи с введением ЕГЭ и тестирования - разработку и периодическое обновление контрольных измерительных материалов для итоговой аттестации обучаемых.

Впервые Федеральный закон от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» вводит как обязанность органов власти проведение обязательного мониторинга и изучения потребностей рынка труда. Отдельным пунктом Закон делегирует федеральным органам власти право устанавливать и присваивать почётные звания, государственные и ведомственные звания и награды.

Однако все эти полномочия перечёркивает последний пункт статьи 7 Федерального закона от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», позволяющий федеральным органам власти осуществлять «иные полномочия» в сфере образования. На наш взгляд, он позволяет федеральным органам власти не только внедряться в компетенцию иных органов власти в сфере образования, но и беско-

нечно изобретать новые бюрократические препоны, нарушающие автономию образовательных учреждений.

Федеральный закон от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет полномочия «переданные для осуществления» в сфере образования органам государственной власти субъектов РФ. Эти полномочия отличаются от установленных для исполнения этими органами ст. 9 тем, что осуществляются под жёстким контролем федеральных органов государственной власти и на средства федерального бюджета, полученные в виде субвенций, носящих целевой характер. Эти полномочия определены подробно, но не распространяются на федеральные образовательные учреждения, управление которыми относится в соответствии со ст. 7 Федерального закона от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» к компетенции вышестоящих органов государственной власти.

Следует отметить, что к немногочисленным достоинствам Федерального закона от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» необходимо отнести установление прямого запрета на введение региональными органами государственной власти «дополнительных требований и ограничений в части реализации прав и свобод граждан, прав и законных интересов организаций».

Собственные полномочия региональных органов государственной власти в сфере образования установлены ст. 9 Федерального закона от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». К ним отнесен широкий круг полномочий по управлению образовательными заведениями (кроме организаций высшего образования, которые традиционно остаются в федеральном подчинении). Что касается организационных форм, то к ним относятся муниципальные и аккредитованные частные образовательные учреждения. К сожалению, как и в случае с федеральными органами государственной власти, круг полномочий региональных органов государственной власти в рассматриваемой сфере установлен открытый.

Примечательно, что Закон 1992 г. допускал возможность создания высших учебных заведений регионального уровня. И некоторые субъекты Федерации воспользовались этим правом. Например, в г. Москве был создан Московский городской университет управления Правительства города Москвы. По отношению к таким учреждениям Федеральный закон от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» установил некую переходную норму.

Если эти организации были созданы до 31 декабря 2004 г. (момента отмены действия этой нормы), то они продолжают действовать на условиях подчинения их органам власти субъектов Федерации. Однако все управленческие действия по их организации и ликвидации осуществляются по согласованию с федеральными органами государственной власти в сфере образования.

Статья 10 Федерального закона от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет полномочия органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов в сфере образования. Это полномочия определены, что называется по «остаточному» принципу. Вместе с тем, в статье присутствует и норма иного типа: «на вырост». В городских округах могут создаваться образовательные организации высшего образования муниципального подчинения, отсутствующие в настоящее время.

Отдельными полномочиями наделены органы местного самоуправления внутригородских муниципальных образований городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга. Они наделены правом руководствоваться законами названных субъектов Федерации, действующими в сфере образования.

Но и здесь установлено ограничение по срокам. Органы местного самоуправления муниципальных районов осуществляют функции учредителя по отношению к образовательным организациям по состоянию на 31 декабря 2008 г. - срок, после которого названные органы публичной власти были лишены этого права.

Муниципальные органы сельских поселений какими-либо полномочиями в сфере образования не обладают, чем и объясняется лёгкость, с которой в нашей стране ликвидируются так называемые «малоконтактные» сельские школы.

По мнению ряда специалистов [9], основной причиной утраты отечественным образованием завоеванных ранее позиций является наблюдавшееся в 90-е годы прошлого века сокращение объемов финансирования, связанное с радикальными экономическими преобразованиями, пересмотром законодательной базы, сокращением финансовых возможностей государства. Трудно отрицать, что эти факторы сыграли определенную отрицательную роль. Вместе с тем, представляется очевидным, что в прежнем виде существовавшая в советские времена система высшего профессионального образования, несмотря на очевидные достоинства, не могла бы соответствовать стоящим перед ней в настоящее время задачам, как на национальном, внутрироссийском уровне, так и с учетом мировых тенденций.

Таким образом, перестройка системы ВПО, формирование эффективных механизмов ее функционирования так или иначе должны были состояться. Возможно, Россия в последние 15 лет прошла путь социально-экономических преобразований, далекий от оптимального, однако позитивные сдвиги налицо. В определенной мере это относится и к реформированию системы высшей школы.

Вместе с тем, сохраняется целый ряд проблем, без разрешения которых движение вперед практически неосуществимо. К их числу относится дальнейшее совершенствование и повышение эффективности финансирования высшего профессионального образования. При этом под финансированием мы будем понимать обеспечение необходимыми финансовыми ресурсами затрат на осуществление определенной деятельности. В нашем случае - на осуществление образовательного процесса, т.е. на реализацию одной или нескольких образовательных программ и/или содержание обучающихся.

Опыт зарубежных стран в области финансирования образования достаточно разнообразен. В странах с устойчиво сильной ролью государства в общественной жизни преобладает сеть государственных учебных заведений, финансируемых из центральных и местных бюджетов, а доля частных средств, привлекаемых для финансирования образования, относительно невелика (Германия, Франция, Швеция). Напротив, в странах, реализующих рыночно-ориентированную модель социально-экономического развития (США), высшее образование платное. В Великобритании, изначально создавшей систему бесплатного для резидентов высшего профессионального образования, в настоящее время приветствуется конкуренция между учреждениями высшего профессионального образования за привлечение финансовых средств из других источников, в том числе за финансирование бизнесом образовательных и исследовательских программ. В целом, можно говорить о мировой тенденции сближения государственных и негосударственных образовательных учреждений, о задействовании разнообразных источников финансовых средств для нормального функционирования указанных учреждений. [10]

В Законе РФ от 10.07.1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (в настоящее время утратил силу) были зафиксированы следующие положения, определяющие финансирование образовательных учреждений:

- *финансово-хозяйственная самостоятельность* образовательного учреждения в использовании бюджетных и внебюджетных средств, в том числе в определении направлений: реинвестирования доходов, полученных от оказания платных

услуг (ст. 42 п. 5, ст.43 пункты 1-3, ст. 44 п. 2, ст. 45, ст. 47 п. 1 и п. 2);

- *договорные отношения* между образовательным учреждением и его учредителем (ст. 41 п. 1, ст. 43 п. 5);

- *нормативная основа финансирования* (ст. 41 п. 2);

- *многоканальность финансирования*, в том числе право образовательных учреждений привлекать дополнительные финансовые ресурсы, оказывать платные услуги, соответствующие уставным целям, и вести предпринимательскую деятельность (ст.41 п. 8, ст.45 п. 1 и п. 2, ст.47 пункты 1-3);

- *«неухудшение» (стабильность) финансового положения*, т.е. сохранение нормативов и объемов бюджетного финансирования независимо от объема привлеченных дополнительных средств (ст. 41 п. 9) [11].

Так, в ст. 43 Закона РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» было определено, что образовательное учреждение самостоятельно осуществляет финансово-хозяйственную деятельность. Оно имеет самостоятельный баланс и расчетный счет, в том числе валютный, в банковских и иных кредитных организациях. Финансовые и материальные средства образовательного учреждения, закрепленные за ним учредителем или являющиеся собственностью данного образовательного учреждения, используются им по своему усмотрению в соответствии с уставом образовательного учреждения и изъятию не подлежат, если иное не предусмотрено законодательством РФ. Не использованные в текущем году (квартале, месяце) финансовые средства не могут быть изъяты у образовательного учреждения или зачтены учредителем в объем финансирования этого образовательного учреждения на следующий год (квартал, месяц) [12].

Указанные нормы (в момент их действия) полностью согласовались с провозглашенным принципом сочетания государственного регулирования и автономии учреждения высшего профессионального образования. Однако применительно к различным каналам финансирования государственных высших учебных заведений их соотношение существенно различается, что не может не сказываться на выборе модели управления. [13]

Наименьшими «свободами» учреждение ВПО обладает в отношении бюджетного финансирования. В Бюджетном кодексе РФ вводится понятие *бюджетное учреждение*, под которое фактически подпадают государственные и муниципальные образовательные учреждения, т.к. другого типа учреждений в Бюджетном кодексе не предусмотрено. Для бюджетных организаций фактически вводится новый порядок финанси-

вания по сравнению с порядком, регламентированным отраслевым законодательством, в частности Законом «Об образовании». [14] Статья 161 (п. 6 и п. 7) Бюджетного кодекса РФ определяет права бюджетного учреждения по использованию бюджетных и внебюджетных средств, а также порядок их учета:

Бюджетное учреждение использует бюджетные средства в соответствии с утвержденной сметой доходов и расходов. Федеральное казначейство РФ либо другой орган, исполняющий бюджет, совместно с главными распорядителями бюджетных средств определяет права бюджетного учреждения по перераспределению расходов по предметным статьям и видам расходов при исполнении сметы. Таким образом, право оперативного управления фактически предоставляет учреждению только право использовать денежные средства, выделенные по смете, в строгом соответствии с их целевым назначением.

Бюджетное учреждение при исполнении сметы доходов и расходов самостоятельно в расходовании средств, полученных за счет внебюджетных источников [15].

В Бюджетном кодексе Российской Федерации указывается, что при составлении и исполнении бюджета выделение средств конкретному главному распорядителю, распорядителю, бюджетному учреждению должно производиться с учетом нормативов финансовых затрат на единицу предоставляемых государственных или муниципальных услуг и заданий на предоставление этих услуг. Однако в настоящее время при финансировании учреждений высшего профессионального образования не используются нормативы финансовых затрат на предоставление государственных услуг в сфере высшего профессионального образования, а применяются только материальные нормы и общие для всех бюджетных учреждений финансовые нормативы [16].

Обращаясь к зарубежному опыту, можно выделить три основных подхода к бюджетному финансированию высшего образования.

В большинстве развивающихся стран финансирование производится на договорной основе. Особенностью договорного финансирования является то, что объем бюджетных ассигнований слабо связан с результатами деятельности учреждений высшего профессионального образования. Происходящие изменения, например, увеличение численности приема, не обязательно приводят к адекватному увеличению объемов бюджетного финансирования.

Финансирование «по результатам». В этом случае система выделения бюджетных средств ориентирована на достижение определенных целевых результатов. Бюджетные средства обычно выделяются учреждениями высшего про-

фессионального образования в зависимости от фактического выпуска студентов и аспирантов. Этот подход используют Дания, Финляндия, Израиль, Нидерланды и некоторые другие государства.

Основная причина заинтересованности государства в разработке модели *финансирования, ориентированного на результат* – высокие издержки на подготовку выпускника, зачастую неэффективная работа подобных учреждений, либо низкий уровень качества образования. Финансирование, ориентированное на результат, позволяет повысить эффективность и получить лучшие результаты на единицу затраченных ресурсов. Одной из основных проблем при таком типе финансирования является разработка стимулов, которые будут достаточными для достижения желаемых результатов, но не приведут к нарушению процесса функционирования учреждений высшего профессионального образования.

Финансирование этих учреждений может осуществляться в соответствии со стоимостью обучения – на основе *нормативного подушевого метода*. Нормативное подушевое финансирование предполагает расчет объемов финансирования учреждений высшего профессионального образования исходя из утвержденного норматива затрат на обучение одного студента и численности студентов либо иных числовых параметров, характеризующих валовые объемы деятельности высшего образовательного учреждений. При этом или правительство административно утверждает соответствующие нормативы стоимости обучения, или стоимость обучения определяется на основании конкуренции. Механизмы конкуренции требуют от учреждений высшего профессионального образования борьбы за бюджетные ассигнования. Побеждает тот, кто предложит наименьшую стоимость обучения при требуемом уровне качества. Этот подход используется во многих развитых (Канада, Великобритания, Франция, Япония, Швеция, Норвегия) и некоторых развивающихся государствах Азии и Африки [17].

Теоретические преимущества такого подхода заключаются в том, что он стимулирует учреждения высшего профессионального образования к эффективному использованию бюджетных средств и выбору наиболее эффективных моделей управления. Это приводит к тому, что бюджетные средства попадают в те высшие образовательные учреждения, которые в состоянии более эффективно проводить обучение (а значит, имеют более эффективную организационно-управленческую структуру). Таким образом, применение на практике нормативно-подушевого принципа бюджетного финансирования само

себе подтолкнуло бы российские учреждения высшего профессионального образования к совершенствованию модели управления своей деятельностью, поскольку позволило бы:

- создать для них стимулы повышения эффективности расходов на ведение образовательной деятельности, так как финансирование напрямую зависит от объема предоставленных бюджетных услуг, а не от способности обосновать затраты;

- за счет установления повышенных значений нормативов осуществлять поддержку отдельных направлений высшего профессионального образования;

- создать предпосылки для последующего перехода высшего образования Российской Федерации на принцип «деньги следуют за студентом», что даст импульс к возникновению конкуренции таких учреждений за «бюджетных» студентов и будет способствовать дальнейшему повышению эффективности расходования бюджетных средств [18].

Последнее особенно важно в связи с формальным характером практикующегося сейчас конкурсного порядка размещения государственного задания на подготовку специалистов.

В настоящее время большинство стран стремится использовать комбинированные подходы, пытаясь найти оптимальные варианты, позволяющие не только обеспечить для своих граждан доступ к высшему образованию, но и контролировать качество управления учреждениями высшего профессионального образования, его работы и результаты обучения студентов.

В России примером такого комбинирования является увеличение объемов целевого финансирования, в значительной мере связанное с реализацией приоритетного национального проекта «Образование». Так, 40 государственных высших учебных заведений в 2007-2008 годах получают целевое бюджетное финансирование в размере 20 млрд. долларов как победители конкурса инновационных учреждений высшего профессионального образования. Продолжается финансирование федеральных целевых программ, таких как Федеральная программа развития образования, Федеральная целевая программа «Интеграция науки и высшего образования России на 2002-2006 годы» и т.п. Важнейшими результатами целевого финансирования в указанных формах является стимулирование интенсификации научно-исследовательской деятельности и повышения качества образования, формирование конкурентной среды в сфере ВПО. Той же цели служит и идея построения рейтинга учреждений высшего профессионального образования, получившая поддержку В.В.Путина: «Чтобы не просто по

факту происхождения вуз считался великим, а отвечал требованиям сегодняшнего времени и давал результаты, которые могли бы быть объективно оценены» [19]. Широко обсуждается необходимость увязывания размеров нормативно-подушевого финансирования с позицией в рейтинге каждого конкретного учреждения высшего профессионального образования. Называются даже конкретные цифры - от \$2 тыс. до \$5 тыс. на каждого студента-бюджетника в зависимости от категории высшего образовательного учреждения [20].

В пункте 1 ст. 49 Федерального закона от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяются обязанности педагогических работников. При этом некоторые из перечисленных обязанностей имеют скорее моральный, чем правовой характер, например, обязанности соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики; уважать честь и достоинство обучающихся и других участников образовательного процесса; формировать гражданскую позицию, способность к труду и жизни в условиях современного мира; пропагандировать здоровый образ жизни и т.д. В то же время, статья устанавливает и ряд вполне конкретных обязанностей, к которым можно отнести следующие: систематически повышать свой профессиональный уровень; проходить аттестацию на соответствие занимаемой должности; проходить предварительные при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры.

Вопросам повышения квалификации и аттестации посвящены отдельные статьи комментируемого закона. Что касается периодических медицинских осмотров, то они были предусмотрены и прежним Законом «Об образовании» (утратил силу). Целесообразность данной нормы определяется тем, что педагогические работники имеют, как правило, дело с несовершеннолетними, с которыми постоянно общаются, и наличие у педагога заразного либо психического заболевания может привести к достаточно тяжелым последствиям.

В соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», работодатели обязаны обеспечивать условия для прохождения работниками медицинских осмотров и диспансеризации, а также беспрепятственно отпускать работников для их прохождения (п. 5 ст. 24). Пункт 2 ст. 49 Федерального закона от «29» декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» направлен на запрет действий и высказываний, разжигающих национальную, религиозную, социальную, расовую

ненависть, на запрет призывов к подрыву конституционного строя. Он логично вытекает из ст. 29 Конституции РФ, п.2 которой не допускает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Учитывая общественную значимость профессии педагога, степень влияния педагогов на обучаемых и воспитанников, подобный запрет необходим. В то же время, повторив фактически нормы Конституции, законодатель не учел, что не все из них могут быть истолкованы однозначно. В частности, не понятно, что в современных условиях имеется в виду под социальной рознью.

Список литературы:

- [1] Большой толковый словарь русского языка / Сост. С.А. Кузнецов. СПб, 1998. С. 1399.
- [2] Алпатов Ю.М., Молчанов С.В., Грудцына Л.Ю. Модели управления многоуровневыми системами образования // Человек и образование. 2017. № 3 (52). С. 172-180.
- [3] Селезнёв П.С. Инновационная политика в современной России и ведущих странах Запада / Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). Москва, 2009.
- [4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. N 19. Ст. 2715.
- [5] Шестак В.А. О некоторых современных вопросах практического применения судами положений кодекса административного судопроизводства РФ, определяющих правовое положение представителей, условия доказывания и реализацию ряда процессуальных мер // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 43-45.
- [6] Алпатов Ю.М., Молчанов С.В., Грудцына Л.Ю. Модели управления многоуровневыми системами образования // Человек и образование. 2017. № 3 (52). С. 172-180.
- [7] Алпатов Ю.М., Грудцына Л.Ю. Классические и современные концепции и взгляды на правовые системы современности // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 129-133.
- [8] Алпатов Ю.М., Молчанов С.В., Грудцына Л.Ю. Модели управления многоуровневыми системами образования // Человек и образование. 2017. № 3 (52). С. 172-180.
- [9] См., например, Гуртов В.А., Сигова С.В. Региональные диспропорции бюджетного финансирования высшего профессионального образования в Российской Федерации. Тезисы VII Международная научная конференция «Модернизация экономики и государство» 4-6 апреля 2006 г. Москва. Секция Е «Модернизация отраслей бюджетной сферы». Сессия Е-01 «Модернизация экономики высшего профессионального образования». Москва. 2006. С.7-13; С критикой этой позиции выступает, например, Грудзинский А.О. См.: Грудзинский А.О. Университет как предпринимательская организация // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 113-121.
- [10] Алпатов Ю.М., Молчанов С.В., Грудцына Л.Ю. Модели управления многоуровневыми системами образования // Человек и образование. 2017. № 3 (52). С. 172-180.
- [11] Закон РФ от 10.07.1992 г. № 3266-1 «Об образовании», ст. 42, 43 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 150.
- [12] Закон РФ от 10.07.1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 150.
- [13] Миронов В.О. О возможности построения Федерации Беларуси и России // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 1-2. С. 017-021.
- [14] Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
- [15] Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
- [16] Цит. по: Климов А.А. Нормативно-подушевое финансирование учреждений высшего профессионального образования. VII Международная научная конференция «Модернизация экономики и государство», 4-6 апреля 2006 г., Государственный университет «Высшая школа экономики» // Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства, http://www.nisse.ru/analitics.html?id=meg_klimov.
- [17] Климов А.А. Нормативно-подушевое финансирование учреждений высшего профессионального образования. VII Международная научная конференция «Модернизация экономики и государство», 4-6 апреля 2006 г., Государственный университет «Высшая школа экономики» // Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства, http://www.nisse.ru/analitics.html?id=meg_klimov.
- [18] Климов А.А. Нормативно-подушевое финансирование учреждений высшего профессионального образования. VII Международная научная конференция «Модернизация экономики и государство», 4-6 апреля 2006 г., Государственный университет «Высшая школа экономики» // Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства, http://www.nisse.ru/analitics.html?id=meg_klimov.
- [19] Цит. по: Бывших студентов оценят по рейтингу // Финансовые известия, <http://www.finiz.ru/news/article1044592>, 18.08.2006 г.
- [20] Лемуткина М. Образование приблизится к бизнесу // Интернет- газета «Газета.Ru», http://www.gazeta.ru/2006/03/29/oa_193992.shtml, 29.03.2006.

Spisok literatury:

- [1] Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Sost. S.A. Kuznecov. SPB, 1998. S. 1399.
- [2] Alpatov YU.M., Molchanov S.V., Grudcyna L.YU. Modeli upravleniya mnogourovnevnyimi sistemami obrazovaniya // *CHelovek i obrazovanie*. 2017. № 3 (52). S. 172-180.
- [3] Seleznyov P.S. Innovacionnaya politika v sovremennoj Rossii i vedushchih stranah Zapada / Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk / Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova (MGU). Moskva, 2009.
- [4] Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. N 19. St. 2715.
- [5] SHestak V.A. O nekotoryh sovremennyh voprosah prakticheskogo primeneniya sudami polozhenij kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva RF, opredelyayushchih pravovoe polozhenie predstavitelej, usloviya dokazyvaniya i realizaciyu ryada processual'nyh mer // *Rossijskaya yusticiya*. 2018. № 5. S. 43-45.
- [6] Alpatov YU.M., Molchanov S.V., Grudcyna L.YU. Modeli upravleniya mnogourovnevnyimi sistemami obrazovaniya // *CHelovek i obrazovanie*. 2017. № 3 (52). S. 172-180.
- [7] Alpatov YU.M., Grudcyna L.YU. Klassicheskie i sovremennye koncepcii i vzglyady na pravovye sistemy sovremennosti // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2017. № 1. S. 129-133.
- [8] Alpatov YU.M., Molchanov S.V., Grudcyna L.YU. Modeli upravleniya mnogourovnevnyimi sistemami obrazovaniya // *CHelovek i obrazovanie*. 2017. № 3 (52). S. 172-180.
- [9] Sm., naprimer, Gurtov V.A., Sigova S.V. Regional'nye disproporcii byudzhethnogo finansirovaniya vysshogo professional'nogo obrazovaniya v Rossijskoj Federacii. Tezisy VII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya "Modernizaciya ekonomiki i gosudarstvo" 4-6 aprelya 2006 g. Moskva. Sekciya E "Modernizaciya otraslej byudzhethnoj sfery". Sessiya E-01 "Modernizaciya ekonomiki vysshogo professional'nogo obrazovaniya". Moskva. 2006. S.7-13; S kritikoj etoj pozicii vystupaet, naprimer, Grudzinskij A.O. Sm.: Grudzinskij A.O. Universitet kak predprinimatel'skaya organizaciya // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2003. № 4. S. 113-121.
- [10] Alpatov YU.M., Molchanov S.V., Grudcyna L.YU. Modeli upravleniya mnogourovnevnyimi sistemami obrazovaniya // *CHelovek i obrazovanie*. 2017. № 3 (52). S. 172-180.
- [11] Zakon RF ot 10.07.1992 g. № 3266-1 "Ob obrazovanii", st. 42, 43 // *SZ RF*. 1996. № 3. St. 150.
- [12] Zakon RF ot 10.07.1992 g. № 3266-1 "Ob obrazovanii" // *SZ RF*. 1996. № 3. St. 150.
- [13] Mironov V.O. O vozmozhnosti postroeniya Federacii Belarusi i Rossii // *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki*. 2012. № 1-2. S. 017-021.
- [14] Byudzhethnyj kodeks RF ot 31.07.1998 g. № 145-FZ // *SZ RF*. 1998. № 31. St. 3823.
- [15] Byudzhethnyj kodeks RF ot 31.07.1998 g. № 145-FZ // *SZ RF*. 1998. № 31. St. 3823.
- [16] Cit. po: Klimov A.A. Normativno-podushevoe finansirovanie uchrezhdenij vysshogo professional'nogo obrazovaniya. VII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya "Modernizaciya ekonomiki i gosudarstvo", 4-6 aprelya 2006 g., Gosudarstvennyj universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" // *Nacional'nyj institut sistemnyh issledovanij problem predprinimatel'stva*, http://www.nisse.ru/analitics.html?id=meg_klimov.
- [17] Klimov A.A. Normativno-podushevoe finansirovanie uchrezhdenij vysshogo professional'nogo obrazovaniya. VII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya "Modernizaciya ekonomiki i gosudarstvo", 4-6 aprelya 2006 g., Gosudarstvennyj universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" // *Nacional'nyj institut sistemnyh issledovanij problem predprinimatel'stva*, http://www.nisse.ru/analitics.html?id=meg_klimov.
- [18] Klimov A.A. Normativno-podushevoe finansirovanie uchrezhdenij vysshogo professional'nogo obrazovaniya. VII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya "Modernizaciya ekonomiki i gosudarstvo", 4-6 aprelya 2006 g., Gosudarstvennyj universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" // *Nacional'nyj institut sistemnyh issledovanij problem predprinimatel'stva*, http://www.nisse.ru/analitics.html?id=meg_klimov.
- [19] Cit. po: Byvshih studentov ocenjat po rejtingu // *Finansovye izvestiya*, <http://www.finiz.ru/news/article1044592>, 18.08.2006 g.
- [20] Lemutkina M. Obrazovanie priblizitsya k biznesu // *Internet-gazeta "Gazeta.Ru"*, http://www.gazeta.ru/2006/03/29/oa_193992.shtml, 29.03.2006.

= УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС =

ВОРОБЬЕВА Кристина Владимировна,
студент,
Российский государственный
социальный университет,
Россия, г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

НЕКОТОРЫЕ ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ЖЕНСКОЙ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

◇ **Аннотация.** Автор всесторонне исследует причины и условия женской рецидивной преступности. В работе сделан вывод о том, что к числу основных причин, детерминирующих женский рецидив преступлений следует, в частности, отнести падение уровня жизни в условиях нарастания кризисных явлений в обществе; социальную, личную, бытовую неустроенность; гендерное неравенство на рынке труда, вызванное декретными рисками; миграцию и нарастание урбанизации; проституцию, наркоманию, алкоголизм; девальвацию нравственно-этических ценностей; парадигмальную смену ролевых установок и женского самосознания в направлении устойчивой феминизации, и проч.

◇ **Ключевые слова:** криминология; уголовно-правовое воздействие; рецидив; женская преступность; наркомания; проституция.

VOROBIEVA Kristina Vladimirovna,
Student,
Russian State Social University,
Russia, Moscow

SOME DETERMINANTS OF FEMALE RECURRENT CRIME

◇ **Annotation.** The author comprehensively examines the causes and conditions of female recidivism. The work concludes that the main reasons determining female recidivism include, in particular, a drop in living standards in the context of growing crisis phenomena in society; social, personal, everyday disorder; gender inequality in the labor market caused by maternity risks; migration and increasing urbanization; prostitution, drug addiction, alcoholism; devaluation of moral and ethical values; a paradigmatic change in role settings and women's self-awareness in the direction of sustainable feminization, and so on.

◇ **Key words:** criminology; criminal law impact; relapse; female crime; addiction; prostitution.

Актуальность вопросов, связанных с феноменом именно женской преступности, очевидна и сомнений не вызывает, так как вопросы женской преступности и в научном сообществе, и в глазах общественности неизменно продуцируют широкий резонанс и внимание в силу традиционных преставлений о роли женщины в социальных взаимодействиях как матери, хозяйки, хранительницы очага, и т. п. Такой образ мало ассоциируется с образом преступницы, особенно – рецидивистки.

Ключевые детерминирующие компоненты в рецидивной женской преступности связаны с преобладанием в сознании и поведении женщин-рецидивисток глубоко антиобщественных

установок, обусловленных релевантным массивом причин и условий экономико-материального, общесоциального, культурологического, психологического, семейно-бытового и иного характера.

Курс на радикальные преобразования СССР, реализуемый с конца 80-х гг. прошлого столетия, на первых этапах крупномасштабных трансформаций все сторон жизни социума и государства закономерно вылился в беспрецедентное падение уровня жизни людей, сокращению (а зачастую – и полному прекращению) бюджетного финансирования социально значимых отраслей национальной экономики, безработице, банкротствам и массовым злоупотреблениям при

приватизации, инфляционным скачкам, кризисам неплатежей (включая выплаты зарплаты), и т. д. [1, с. 160].

Весьма негативно названные диспропорции переходной эпохи отразились именно на женской части нашего общества, активно высвобождая их с рынка труда и кардинально изменяя привычные жизненные уклады. В этом контексте первичный фактор, обусловивший рост женской преступности, по обоснованному мнению большинства учёных, был связан именно с катастрофическим падением жизненного уровня российских семей в условиях перехода к рынку. Повсеместное обнищание населения, невозможность получения достойной зарплаты за свой труд, а подчас – и просто найти работу, чтобы обеспечивать насущные потребности себя и детей, волей-неволей стали выталкивать женщин в сферу криминала.

Экономические факторы суть первостепенная предпосылка (и источник) такого негативного проявления, как социально-психологическая напряженность в сообществе, её перманентное нарастание, так как ситуация нищеты, бедности, безработицы, отсутствие достойной жизненной перспективы закономерно продуцируют вслед за собой целый комплекс отрицательных социально-правовых последствий, включая и женскую рецидивную преступность.

В этом контексте отдельные криминологи используют термин «феминизация бедности» [2, с. 203]. Речь идёт о том, что женщины, в сравнении с мужской частью сообщества, все чаще стали попадать в категорию низкооплачиваемых сотрудников, а значит – и в категорию малообеспеченных россиян. Самым острым образом данная проблематика проявляется в условиях неполной семьи, где мать-одиночка помимо себя вынуждена обеспечивать и своих детей, а также – у одиноких пожилых женщин. Необходимость выживания, обеспечения мало-мальски достойных условий жизни своей семье, материнский инстинкт в значительной мере притупляют необходимость следования закону, требуемые текущим правопорядком. Правовой комплаенс, в условиях борьбы за существование, как бы уходит на второй план после жизнеобеспечения себя и своих детей.

Еще один провоцирующий фактор рецидивной женской преступности – безработица, которая среди выпускников вузов в два раза выше у женщин, чем – у мужчин. И дело отнюдь не в уровне женского интеллекта или их профессиональных навыках. В первую очередь, именно декретный потенциал женщин детородного возраста отпугивает работодателей, чем весьма серьёзно ухудшает их конкурентные возможности на рынке труда.

Вполне логично признать, что безработица среди рецидивисток, особенно – только отбывших наказание в виде лишения свободы, много выше, чем у женщин, не связанных с криминалом. Они как правило, в силу своих личностных качеств неспособны (и не хотят) активно искать работу, прилагать усилия к трудоустройству, зачастую не имеют трудовых квалификаций. Также сказывается длительный перерыв в работе, вызванный отбыванием наказания. Не будем забывать и о нежелании многих работодателя-телей устраивать к себе на работу женщин с судимостью.

Итак, весьма значимая причина женской рецидивной преступности касается отсутствия у части женского населения легальных возможностей к зарабатыванию своим трудом или в рамках социального обеспечения необходимых средств к существованию. Данный фактор провоцирует рост общего числа выявляемых женщин-рецидивисток, не имеющих постоянного источника дохода либо – безработных, причем их долевое соотношение в общей структуре женской преступности перманентно растёт.

Важная причина женской рецидивной преступности связана с урбанизацией и миграцией – массовым расселением (и переселением) людей как внутри страны, так и в трансграничных контекстах. Ведь упростившийся порядок переселения людей в различных местностях, пишет автор, объективно коррелирует с уровнем преступности, в том числе – женской. Городская скученность населения, нехватка жизненного пространства, отчуждение людей друг от друга в ситуации «больше не знаю своих соседей», замена личных контактов виртуальным общением, и проч. обусловливает нарастание в обществе агрессивности, нервного напряжения, дезориентации, чему женщины, как существа более эмоциональные, подвержены в большей степени, чем мужчины [3, с. 69-70].

Характерный атрибут женских девиаций – феномен проституции, негативно влияющий на процесс формирования морально-этических установок, потребностей, круга общения, манере поведения женщин. Проституция изначально образом включает в себе угрозу некомплаенса, связанного с агрессией, незаконным оборотом наркотиков, заражением венерическим заболеванием, ВИЧ/СПИД и проч. Занятие проституцией провоцирует совершение преступлений, в т. ч. рецидивных.

Устойчивая криминогенная детерминанта рецидивной преступности женщин, мало зависящая от совокупности остальных факторов, связана с алкоголизмом и наркоманией. Исторически в нашей стране регистрируется большое

количество женщин, совершивших рецидивы именно в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Ухудшение общей ситуации с женской маргинализацией продуцирует нарастание ситуативной, импульсивной, «пьяной» преступности, особенно – насильственных преступлений [1, с. 162]. Активизация женской преступности отчасти обусловлена и изменением ролевых (гендерных) установок в рамках социальных взаимодействий.

Основной причиной развития рецидивной преступности является отсутствие должной ресоциализации после отбытия наказания, и в отсутствии помощи со стороны государства. После отбытия наказания перед женщинами появляется множественное количество труднопреодолимых барьеров, таких как трудоустройство, отсутствие психологической поддержки и т.д. Находясь в местах лишения свободы, женщина попадает под влияние субкультуры, которая негативно сказывается на психическом здоровье женщины. Негативные изменения психоэмоционального состояния женщины, полученные в условиях изоляции, лишают ее возможности вернуться в общество полноценным членом, ибо в результате оказываются полностью искаженными представления о государстве, обществе, социальном окружении [2, с. 206].

В заключение обобщим итоги и констатируем вывод о том, что, к числу основных причин, детерминирующих женский рецидив преступлений следует, в частности, отнести падение уровня жизни в условиях нарастания кризисных явлений в обществе; социальную, личную, бытовую неу-

строенность; гендерное неравенство на рынке труда, вызванное декретными рисками; миграцию и нарастание урбанизации; проституцию, наркоманию, алкоголизм; девальвацию нравственно-этических ценностей; парадигмальную смену ролевых установок и женского самосознания в направлении устойчивой феминизации, и проч.

Список литературы:

[1] Лелеков, В. А. Состояние и причины женской преступности / В.А. Лелеков, Д.В. Морозов // Самоуправление. – 2023. – № 4. – С. 158 – 163.

[2] Мурзаева, М. В. Профилактика рецидивной преступности среди женщин / М. В. Мурзаева, Т. В. Прокудина // Молодой ученый. – 2023. – № 16 (463). – С. 205-207.

[3] Янова, А. С. Некоторые особенности женского рецидива / А. С. Янова, О. Ф. Додуева // В сборнике: Человек: Преступление и наказание. – Рязань, 2020. – С. 67-74.

Spisok literatury:

[1] Lelekov, V. A. Sostoyanie i prichiny zhenskoj prestupnosti / V.A. Lelekov, D.V. Morozov // Samoupravlenie. – 2023. – № 4. – S. 158 – 163.

[2] Murzaeva, M. V. Profilaktika recidivnoj prestupnosti sredi zhenshchin / M. V. Murzaeva, T. V. Prokudina // Molodoj uchenyj. – 2023. – № 16 (463). – S. 205-207.

[3] YAnova, A. S. Nekotorye osobennosti zhenskogo recidiva / A. S. YAnova, O. F. Dodueva // V sbornike: Chelovek: Prestuplenie i nakazanie. – Ryazan', 2020. – S. 67-74.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ГАЗИМАГОМЕДОВ Магомед Аминович,
кандидат юридических наук,
и.о. профессора кафедры
уголовного права и криминологии
Института финансов и права,
член Ассоциации юристов России,
член-корреспондент Российской
академии естественных наук,
Почетный профессор права Институт
адвокатуры, нотариата и
международных отношений,
член Ассоциации юристов России,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРИЯ СТАТИСТИКИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ПРОЦЕССЕ

◇ **Аннотация.** *Что порождает устойчивость советской модели поведения судов? Что поддерживает институциональную инерцию? Эти вопросы, касающиеся устойчивости так называемого обвинительного уклона в правосудии, его происхождения и воспроизводства, являются важнейшими в современной России. Они затрагивают главные и наиболее болезненные вопросы постсоветского правосудия, и через них можно добраться до наиболее важных особенностей устройства и функционирования российской судебной системы.*

◇ **Ключевые слова:** *судейские кадры, статистика, оправдательные приговоры, состязательность в судебном процессе.*

GAZIMAGOMEDOV Magomed Aminovich,
candidate of legal sciences, acting professor
of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Institute of Finance and Law, member of the Association
of Russia Lawyers, corresponding member of the Russian Academy
of Natural Sciences, Honorary Professor of Law of the Institute of Law,
Notary and International Relations, member of the Association of Lawyers Russia

THEORY OF STATISTICS OF COURT DECISIONS IN CRIMINAL LAW AND PROCESS

◇ **Annotation.** *What gives rise to the stability of the Soviet model of court behavior? What supports institutional inertia? These questions regarding the sustainability of the so-called accusatory bias in justice, its origin and reproduction are the most important in modern Russia. They deal with the main and most painful issues of post-Soviet justice, and through them you can get to the most important features of the structure and functioning of the Russian judicial system.*

◇ **Key words:** *judicial personnel, statistics, acquittals, adversarial in the trial.*

Статистика решений судов во многих постсоветских и постсоциалистических странах показывает, что, несмотря на смену государственного строя, судейских кадров, организации судов и процессуальных норм, судьи устойчиво демонстрируют готовность принимать позицию следствия и государственного обвинения, не проявляя самостоятельности. Таким образом, если люди, занимающие должности судей, в системе поменялись, многие аспекты самой системы также изменились; а статистика упрямо показывает, что поведение судей и судебной системы осталось прежним, значит, имеет место

сильная институциональная инерция. Механизмы, побуждающие судей вести себя таким образом и генерирующие такой исход дел, остались без изменений.

Какие это механизмы? Что порождает устойчивость советской модели поведения судов? Что поддерживает институциональную инерцию? Эти вопросы, касающиеся устойчивости так называемого обвинительного уклона в правосудии, его происхождения и воспроизводства, являются важнейшими в современной России. Они затрагивают главные и наиболее болезненные вопросы постсоветского правосудия, и

через них можно добраться до наиболее важных особенностей устройства и функционирования российской судебной системы [7, с. 7].

Уровень консенсуса среди судей высших судов является традиционным предметом в эмпирических исследованиях права. Текст А. Верещагина, посвященный особым мнениям в Конституционном Суде РФ, переносит эту традицию в российский контекст. При этом автор оговаривается, что публикация особых мнений судей Конституционного Суда РФ была ограничена и уровень доступа к ним менялся во времени [3, с. 250–266].

А. Верещагин анализирует изменение числа особых мнений по годам и их авторство, вводя «коэффициент публичного несогласия» как отношение числа особых мнений к количеству судей, участвовавших в принятии решения. Кроме того, А. Верещагин прослеживает изменение во времени численности группы судей, чье мнение отклонялось от позиции большинства. В период с 1993 по 1997 гг. наблюдался высокий уровень открытого несогласия судей с мнением большинства, после 1998 г. уровень несогласия снизился, а публичный консенсус заметно усилился, и автор приводит ряд объяснений упадка института особых мнений в Конституционном Суде в 2000-е гг. Доверие российских граждан к судам остается низким на протяжении всего постсоветского периода, однако это не мешает гражданам использовать судебную систему с растущей интенсивностью (это относится к гражданским и арбитражным процессам) [3, с. 266]. Используем данные массовых опросов российских домохозяйств и предпринимателей для выяснения мотивов обращения в суд, чтобы проверить три основные гипотезы относительно мотивов обращения в суды:

- наличие конфликта (необходимости);
- наличие возможностей и опыта участия в судебном процессе;
- отношение к закону.

Общественное мнение, уровень доверия к судам и отношение к закону не оказывают существенного воздействия на решение граждан и хозяйствующих субъектов обращаться в суды, а наличие предшествующего опыта и необходимость судиться являются достаточными мотивами для использования судебной системы. Выводы могут служить иллюстрацией того, что качество работы арбитражных судов и рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции достаточно для того, чтобы судебная система была востребована гражданами, когда у них возникает такая необходимость. Каковы источники и методы изменения судебной системы?

В Европе нет политических механизмов, которые обязывали бы правительства менять национальные судебные системы и приводить их

к единому образцу. Изменение национальных судебных систем под воздействием европейских правовых стандартов происходило, на наш взгляд, за счет межпрофессионального общения, мониторинга и перманентного внедрения международных стандартов подотчетности – правовой, институциональной, управленческой, профессиональной и общественной [7, с. 7].

Традиционно в постсоветских правовых системах разделяют несколько этапов.

Первый этап – рассмотрение дела в первой инстанции – первое рассмотрение дела по существу. Этим занимаются мировые судьи (если речь идет о незначительных гражданских, административных и уголовных делах), судьи районных судов (для более серьезных уголовных и гражданских дел, а также сложных административных дел), суды субъектов Российской Федерации (для особо тяжких уголовных дел) и арбитражные суды субъектов – для рассмотрения споров в сфере экономической деятельности.

В апелляционной инстанции – на втором этапе – дело повторно и полностью рассматривается, если какая-то сторона пожелала обратиться с жалобой. Однако, как правило, представить новые доказательства, такие, которые отсутствовали в деле на стадии рассмотрения в первой инстанции, в апелляции уже нельзя. В России существует система апелляционного обжалования решений мировых судей в районные суды и решений арбитражных судов – в арбитражные апелляционные суды. Кроме того, существует система кассационного обжалования – на предмет проверки правильности применения закона (т.е. толкования применительно к конкретному случаю). В России такое обжалование осуществляется в арбитражных судах федеральных округов и в верховных судах субъектов РФ. Наконец, возможно надзорное обжалование – в исключительных случаях в Высший Арбитражный Суд, Верховный Суд и верховные суды субъектов РФ.

Перед каждым уровнем судебной системы стоят, по замыслу создателей судебной системы, свои задачи. Однако российский юридический язык не приспособлен к тому, чтобы эти задачи как-то отражать: так, в двух ключевых для арбитражной системы законах [1] нет ни слова о том, каковы цели, задачи или смысл существования той или иной инстанции, того или иного уровня судопроизводства. Предполагается, что «намерение законодателя» или очевидно, или может быть эксплицировано в профессиональной дискуссии.

Предлагаемое эмпирическое исследование состоит в выявлении тех реальных функций, которые выполняет та или иная судебная инстанция, через анализ того, как этот суд функционирует, кто и в каких случаях в него обращается и как суд реагирует на различные внешние раздражители.

Однако эмпирическое исследование правовых институтов делает очевидным тот факт, что функции, которые являются манифестными (явными) для тех или иных судов, очень часто не являются единственными или даже основными. Так, в советской системе уголовные суды более высоких инстанций, которые призваны были защищать права подсудимых, на практике занимались по преимуществу бюрократическим контролем показателей, которые должны были достигаться нижестоящими судами и вылавливанием очевидных огрехов этих судов. Они занимались не рассмотрением вопросов об адекватности решения, но устранением очевидных (как правило, бюрократических же) ошибок, таких, как путаница с фамилиями подсудимых, номерами статей кодексов и т.п. [4]

Иными словами, декларируемая функция защиты прав подсудимых была заменена функцией простого бюрократического контроля. Второй пример трансформации манифестной функции – это история федеральных (окружных) апелляционных судов в США. Они были созданы в конце XIX в. для разгрузки Верховного суда от потока однообразных дел, касающихся нарушения прав граждан, гарантированных Конституцией и федеральными нормативными актами. Однако уже через полвека апелляционные суды стали, по сути, основными творцами законов в США (на внесудебных кейсах эта ситуация описана в [2]). Их решения диктуют правила толкования тех или иных норм Конституции, решений Верховного суда, федеральных актов. С учетом краткости текстов американских законов такие толкования становятся основными прикладными регуляторами в тех сферах, которые подсудны системе апелляционных судов. Таким образом, вместо того, чтобы просто воспроизводить позиции Верховного суда и отвечать на типовые запросы, например, такими решениями: «Как указано в решении Верховного суда по аналогичному делу...», переправляя все остальное «наверх», апелляционные суды сами стали ключевым творцом права, с которым не всегда может «справиться» даже Верховный суд [6]. Они начали принимать самостоятельные решения, спорить с позициями Верховного суда, обходить его решения и т.п.

Перед тем как перейти к содержательному анализу статистики судебных решений, следует сделать несколько методических замечаний по поводу логики и структуры статистического суждения и вывода. Во-первых, любые мнения, высказываемые на основе некоторой статистической закономерности, всегда носят частичный характер. Иначе говоря, когда мы утверждаем, что А есть В, мы всегда подразумеваем, что в значимо большем числе случаев А есть В, а не

что-либо иное, но отнюдь не отрицаем того факта, что в отдельных случаях А может становиться С. Во-вторых, такие суждения всегда носят гипотетический характер.

Это значит, что, когда мы говорим о том, что признак А означает поведение В, мы имеем в виду то, если верны сделанные теоретические допущения и сопоставления, что в значимом большинстве случаев поведение В проявляет себя через признак А. При этом мы нисколько не отрицаем, что в отдельных случаях признак А может возникать вне связи с поведением В, а поведение В никак не проявляет себя через признак А. Таким образом, следует четко разделять приводимые ниже данные и интерпретации, которые мы делаем на основе описанной концепции судебных иерархий.

Начать логичнее всего с вопроса о том, кто и по каким поводам обращается в апелляционные суды. Здесь важно понять, чем ситуация в апелляционном суде отличается от ситуации в суде первой инстанции, так мы поймем, в каких случаях участники стремятся продолжать спор в апелляции, а в каком – удовлетворяются решением арбитражного суда субъекта РФ.

Судьи судов первой инстанции избегают выносить оправдательные приговоры из-за высокого риска отмен в вышестоящих судах: оправдательные приговоры отменяются во много раз чаще обвинительных. А несколько отмененных приговоров могут сильно осложнить карьеру судьи и привести к отставке [7, с. 7]. Другим фактором служит то, что А. Трошев называет «неформальными связями» между судьями и прокурорами, обусловленными тем, что значительная доля районных судей в прошлом работали в прокуратуре. А носителями отрицательного советского отношения к оправдательным приговорам и сторонниками их отмены в апелляции и в кассации являются судьи, вступившие в должность в советское время, среди которых доля выходцев из прокуратуры выше, чем среди районных [5].

Например, К. Титаев и М. Поздняков уточняют смысл термина «обвинительный уклон», приводят выражающие этот уклон статистические показатели и прослеживают его употребление и происхождение в советской правовой доктрине. В советский период обвинительный уклон понимался как нарушение принципа полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Статья К. Титаева и М. Позднякова отличается тем, что в ней делается упор на процессуальное регулирование правоохранительной деятельности, предполагавшей единство принципов, по которым действуют органы предварительного следствия, прокуратура и суд.

Сама модель уголовного процесса, сложившаяся с 1960-х гг., не предполагала отдельной

функции суда, а отводила ему роль последней инстанции по проверке качества следствия, и когда эта модель усваивалась следователями, прокурорами и судьями, то возможности вынесения оправдательного приговора, т.е. дисквалификации работы предшествующих звеньев, были для судей минимальны по определению. Профессионализация судей в СССР, выразившаяся в росте доли судей с высшим юридическим образованием, означала, по мнению автора, также усвоение ими положений правовой доктрины, в рамках которой суд занимал подчиненное положение, а вопросы виновности решались на предварительном следствии. Тогда устойчивость обвинительного уклона, т.е. ничтожно малая доля оправдательных приговоров в современной России, объясняется тем, что базовая архитектура уголовного процесса, логика которого не предполагает оправдания подсудимого, сохранилась до сих пор, несмотря на принятие нового УПК.

В советское время партийный контроль над правоохранительными органами, частью которых был суд, единство правоохранительных органов и архитектура уголовного процесса обеспечивали конформность судей без необходимости какого-либо дополнительного внешнего воздействия. Но после распада СССР и придания судебной власти в России статуса самостоятельного института, введения пожизненного назначения судей и принятия нового УПК, предполагающего состязательность в судебном процессе, обеспечение интересов следствия и прокуратуры стало гораздо более проблематичным. Оно вызвало, с одной стороны, развитие различных формальных и неформальных механизмов влияния прокуратуры на судей, а с другой стороны, адаптацию судей к новым условиям в виде различных компромиссов за счет подсудимого, чтобы и не конфликтовать с гособвинением, но и не наказывать сильно тех, чья вина не доказана [5].

Этому явлению посвящена статья Эллы Панеях. В ней описываются мягкие и жесткие способы давления прокуратуры на суды, а также исследуется реакция судей на это давление. Используя статистику приговоров по статьям с различной тяжестью наказания, Э. Панеях анализирует поведение судей в делах частного обвинения (без прокурора), частного-публичного и публичного обвинения (с прокурором), а также назначение наказаний по статьям различной тяжести, предполагающее и не предполагающее реальные тюремные сроки. Этот анализ выявляет несколько типичных способов принятия судебных решений, носящих компромиссный характер. Признавая подсудимого виновным и тем самым подтверждая правоту следствия и гособвинения, судьи, тем не менее, стремятся не осуждать людей к реальным срокам, побуждать к примирению сто-

рон или приговаривать к условным срокам, причем число таких «суррогатных» оправданий растет с ростом тяжести преступлений. А в более тяжелых составах, где «суррогатные» оправдания недоступны, судьи сдвигают наказание в сторону нижнего предела. Логика принятия судебных решений, которая выработалась в среде постсоветских судей, утверждает Э. Панеях, представляет собой искусство практических компромиссов (в большинстве за счет подсудимых) между интересами государственного обвинения и профессиональным долгом судить по закону и справедливости.

Данные о социально-демографической структуре российских судей, ротации судейского корпуса, предшествующем профессиональном опыте, а также анализ ценностей и норм этой профессиональной группы приводятся в тексте Вадима Волкова и Арины Дмитриевой.

Эти данные получены в результате анкетного опроса судей, проведенного в шести регионах РФ, и экспертных интервью. Обладая высокой степенью нормативного консенсуса, т.е. разделяя основные ценности и нормы профессии, российский судейский корпус, тем не менее, обнаруживает различные субкультуры, связанные с гендерным и возрастным разделением, а также наличием опыта работы в прокуратуре и следствии или в аппарате суда. Более молодое поколение судей, пришедшее после реформ начала 2000-х гг., обладает более четко выраженной ориентацией на бюрократические нормы аккуратности и дисциплины. Со сменой поколения также снижается субъективная важность центральных норм профессии, таких, как независимость и бескорыстность. Преемственность в судебной системе обеспечивается председателями судов, среди которых более высокий процент мужчин и представителей старшего поколения, вступивших в должность в советское время. Институт председателей, как показывает опрос, оказывает сильное влияние на профессиональную деятельность судей.¹

Список литературы:

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ) и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ).

[2] Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине: Пер. с фр. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд- Ельцина, 2008.

¹ Анализ судебной статистики по применению особого порядка показывает, что существенного снижения сроков лишения свобода в особом порядке не происходит.

[3] Верещагин А. Особые мнения в Конституционном суде России // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права. М.: Статут, 2012.

[4] Соломон П. Советская юстиция при Сталине: Пер. с англ. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Б. Ельцина, 2008.

[5] Титаев К., Поздняков М. Порядок особый – приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) в российских судах // Аналитические записки по проблемам правоприменения. Март. СПб.: ИПП ЕУ СПб., 2012.

[6] Cohen J.M. Inside appellate courts: the impact of court organization on judicial decision making in the United States Courts of Appeals. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.

[7] Trochev A. Fabricated Evidence and Fair Jury Trials // Russian Analytical Digest. 2006. June 20.

Spisok literatury:

[1] Arbitrazhny'j processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii (ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ) i Federal'ny'j konstitucionny'j zakon «Ob arbitrazhny'x

sudax v Rossijskoj Federacii» (ot 28 aprelya 1995 g. № 1-FKZ).

[2] Blyum A., Mespule M. Byurokraticheskaya anarxiya: statistika i vlast' pri Staline: Per. s fr. 2-e izd. M.: ROSSPE'N; Fond– El'cina, 2008.

[3] Vereshhagin A. Osoby'e mneniya v Konstitucionnom sude Rossii // Kak sud'i primimayut resheniya: e'mpiricheskie issledovaniya prava. M.: Statut, 2012.

[4] Solomon P. Sovetskaya yusticiya pri Staline: Per. s angl. 2-e izd. M.: ROSSPE'N; Fond B. El'cina, 2008.

[5] Titaev K., Pozdnyakov M. Poryadok osoby'j – prigovor oby'chny'j: praktika primeneniya osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva (gl. 40 UPK RF) v rossijskix sudax // Analiticheskie zapiski po problemam pravoprimeneniya. Mart. SPb.: IPP EU SPb., 2012.

[6] Cohen J.M. Inside appellate courts: the impact of court organization on judicial decision making in the United States Courts of Appeals. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.

[7] Trochev A. Fabricated Evidence and Fair Jury Trials // Russian Analytical Digest. 2006. June 20.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ШОКОТЬКО Майя Алексеевна,
адвокат,
e-mail: yurist.odilak@mail.ru

МЕТОДИКА ВЫСТУПЛЕНИЯ АДВОКАТА В СУДЕ

◇ **Аннотация.** Участие адвоката в судебном разбирательстве является важной формой, действительным способом обеспечения обвиняемому права на защиту согласно Конституции РФ и уголовно-процессуальному законодательству. В уголовном процессе роль защитника-адвоката в разбирательстве дела судом очень важна и значительна. Деятельность защитника в этом смысле представляет собой одну из важных гарантий прав и законных интересов лица, привлеченного к уголовной ответственности.

◇ **Ключевые слова:** адвокат, судебное разбирательство, уголовный процесс, гражданский процесс, уголовная ответственность, защитник, истина, преступление, присяжные заседатели, закон.

SHOKOTKO Maya Alekseevna,
lawyer

METHODOLOGY OF THE LAWYER'S SPEECH IN COURT

◇ **Annotation.** Participation of the lawyer in judicial proceedings is an important form, an effective way of providing to the accused the rights for protection according to the Constitution of the Russian Federation and criminal procedure legislation. In criminal trial the role of the defender lawyer in trial of business by court is very important and considerable. Activity of the defender in this sense represents one of important guarantees of the rights and legitimate interests of the person brought to trial.

◇ **Key words:** lawyer, judicial proceedings, criminal trial, civil process, criminal liability, defender, truth, crime, jurors, law.

В практике защиты по уголовным делам в судах накопилось много весьма интересного и поучительного. Возник определенный стиль судебных прений, глубоко отличный от тех образцов судебного красноречия, которые дала судебная практика прошлого. Это становится особенно ясным, когда сопоставляются опубликованные еще в дореволюционное время судебные речи с речами современных адвокатов. Свообразие стиля речей судебных ораторов отнюдь не означает, что сегодняшние юристы, в частности защитники, не восприняли лучших традиций прошлого. Ведь многое в судебных речах Кони, Спасовича, Урусова, Плевако, Андреевского и других лучших судебных ораторов прошлого ценно для нас и сейчас. Но вместе с тем, должны учитываться те принципы уголовного процесса, требования судопроизводства, которые действуют сегодня и несколько отличаются от принципов того времени. Таким образом, трудно переоценить общественное и воспитательное значение защитительной речи, она служит высоким и благородным целям. Ничто столь глубоко не чуждо нашему правосудию, как осуждение невиновного или назначение наказания, явно не соответствующего по своей тяжести общественной

опасности содеянного или личности совершившего преступление.

Выступление в суде – один из наиболее сложных и ответственных моментов участия прокурора, защитника и других лиц в уголовном судопроизводстве. Пожалуй, никакой другой вид процессуальной деятельности не предъявляет к ним столько многообразных и разносторонних требований, не нуждается в столь тщательной и углубленной подготовке, как произнесение судебной речи. Успешное выступление в суде невозможно без достаточного знания законов логики, психологии, педагогики, права и законодательства. Они дают ключ к раскрытию социальной сути исследуемых событий, к выявлению внутренних причин и побудительных мотивов поступков, к определению наиболее целесообразных средств и методов воспитательного и предупредительного характера. Умение выступать публично не приходит само собой. Ему нужно учиться настойчиво и упорно, постигая и совершенствуя приемы ораторского искусства. Еще Демокрит утверждал: “Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться”. Таким образом, значение защитительной речи в условиях современности очень велико. Значение

ее, прежде всего, в том, что она выступает гарантией прав и свобод личности; более того, защитительная речь адвоката является одним из средств достижения объективной истины по конкретному уголовному делу. Ведь именно состязательный характер в уголовном процессе, а точнее в судопроизводстве дает положительные плоды – вынесение законного и обоснованного приговора. Поэтому нельзя ни в коем случае умалять значение этого института, произнесения защитительной речи в судебном заседании, как это делают отдельные авторы. И это касается не только литературы, на практике дело обстоит еще хуже и плачевнее.

Характеристика судебных прений как одной из частей судебного разбирательства. Из всех, как их тогда называли, “великих реформ”, на которые вынуждено было пойти Царское правительство России в 1860-х гг., едва ли не самой значительной была судебная реформа. Реализация основных положений этой реформы, заложенных в Судебных уставах 1864 г., - отделение суда от администрации, равенство всех перед судом, создание всесословного суда, учреждение института судебных присяжных, выборность мировых судей и присяжных заседателей, несменяемость судей и следователей – наталкивалась на многочисленные трудности.

Все было ново, все приходилось создавать заново. Гласность судебного процесса, устность, состязательность сторон предъявляли новые требования к юристам, ставились новые задачи. И, прежде всего, необходимы были люди, способные осуществлять те принципы, о которых еще несколько лет тому назад нельзя было и заикнуться и которые теперь широко обсуждаются в обществе. Правосудие с тех пор остро нуждалось в новом типе прокурора и адвоката.

Сейчас сфера приложения ораторского искусства непрерывно расширяется, число людей, для которых овладение ораторским искусством есть необходимое условие успешной их общественной деятельности, в огромной степени выросло, но внимание к слову никак не поспевает за ростом его значения.

Если это, к сожалению, верно в отношении ораторского искусства в целом, то это особенно заметно, когда дело идет о судебной речи, в особенности защитительной.

В современной печати едва ли за это десятилетие отмечалось произнесение адвокатом яркой, сильной и убедительной речи как чего-то такого, что заслуживало бы общественного признания.

Итак, после того как завершается судебное следствие, суд переходит к выслушиванию судебных прений, которые состоят из речей обвинителей, гражданского истца, гражданского ответ-

чика и их представителей, защитников и подсудимого. Это вытекает из ст. 304 УПК РСФСР. Не закончив исследования доказательств, суд не вправе открыть прения сторон.

Как известно, в процессе судебного следствия судьи принимают участие в исследовании многих доказательств, подтверждающих или отрицающих наличие определенных фактов, обстоятельств. Для судебного познания недостаточно только установить определенный объект явления. Чтобы у суда сложилась истинная картина совершенного преступления, необходимо между этими явлениями выявить связь, закономерности. В завершении формирования личного убеждения судей значительную роль играют речи прокурора и защитника. Своими речами они оказывают психологическое воздействие на суд, чтобы добиться вынесения желательного для них приговора.

Выслушивая речи прокурора и адвоката, судьи имеют возможность восполнить те пробелы в своих знаниях, которые имелись в начале судебного следствия. Поэтому воздействие прокурора и защитника на процесс формирования личного убеждения судей во время судебных прений является более активным, чем в процессе судебного следствия. Недаром в своей работе Бохан В.Ф. отметил: “Внимательно выслушивая произносимые речи, судьи мысленно всегда за ораторами критически прослеживают пройденный в процессе следствия путь искания истины. Осмысливая факты, их объяснения, выводы прокурора и защитника, они невольно сравнивают их с собственными выводами, в отношении истинности которых у них сложилась соответствующая степень уверенности. Совпадение выводов выступающего с личными выводами судей приводит к формированию у последних еще большей уверенности в их правильности. Расхождение же в выводах заставляет судей критически оценить ту совокупность доказательств, которая приводит к их подтверждению. При этом судьи сосредоточивают внимание и на тех значениях, которые привели их к формированию собственного убеждения. Это приводит к тому, что возникают противоречия между выводами, содержащимися в речах прокурора и защитника, с одной стороны, и сложившимися в сознании судей, с другой стороны, побуждают последних к проверке обоснованности одних и других. Такая мыслительная деятельность судей на этом этапе судебного разбирательства позволяет им пройти еще раз процесс убеждения в истинности или ложности сформировавшихся выводов”.

Таким образом, судебные прения являются самостоятельной частью судебного разбирательства, в которой участвующие в деле стороны в своих выступлениях подводят итог судебному

следствию. Они анализируют и оценивают доказательства, дают юридическую оценку деяния, инкриминируемого подсудимому, излагают суду свои соображения по существу предъявленного обвинения, по поводу меры наказания, гражданского иска и других вопросов, подлежащих решению суда.

Судебные прения имеют важное значение для суда, накладывая определенный отпечаток на мнение судей, участников процесса и аудиторию, они активно способствуют установлению истины по делу. Они являются если не самой важной, то самой видной частью судебного разбирательства. Лицу постороннему нередко покажется более важной та часть судебного заседания, где в стройной речи облеченной в красивую форму, рисуется вся картина дела, по сравнению с судебным следствием, где путем, главным образом, допросов раскрываются и устанавливаются обстоятельства дела. Такое противопоставление одной части другой, попытки возвеличить значение одной по сравнению с другой являются неправильными. Для вынесения правильного приговора имеют значение все части судебного разбирательства. Совокупная и слаженная деятельность на всем протяжении судебного заседания обеспечивает вынесение правильного приговора. Судебные прения подводят итог судебному следствию и содержат в себе обоснование тех выводов, к которым, по убеждению сторон, должен прийти суд в совещательной комнате при решении дела.

Следовательно, прения сторон – это одна из необходимых и важных частей судебного разбирательства. “ Лишение прокурора и адвоката права на судебные прения... - указывает Верховный Суд РСФСР, - является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку лишает суд возможности всесторонне разобрать дело и может повлиять на вынесение законного и обоснованного приговора”.

Конечно, стороны уже в ходе судебного следствия в известной мере выявляют свое отношение к тому или иному доказательству. Но участники судебных прений не только излагают свои выводы по делу, но и стремятся убедить суд в правильности этих выводов. Как и суд, защитник исходит из указания закона, что обвинительный приговор должен быть постановлен не на предположениях, а на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия вытеснены и оценены. Все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу обвиняемого. Это и позволяет защитнику настаивать на оправдании, когда виновность подсудимого не доказана, сомнительна.

Судебные прения, как и все стадии уголовного процесса, как и все части судебного разбирательства имеют свои цели и задачи. Многие авторы-юристы задаются вопросом, достигают ли судебные прения сторон тех задач, которые поставлены перед ними, помогают ли они суду подвести итог материалам судебного следствия? Одни считают, что судебные речи имеют большое значение, что это необходимый и полезный этап, завершающий судебное разбирательство. Другие дают отрицательную оценку прениям сторон, указывая, что судебные речи, лишённые объективности, находящиеся в плену односторонних выводов, которые каждая их сторон отстаивает, не только не приносят пользы, а причиняют вред, затемняя те материалы дела, разъяснение которых должно являться задачей лиц, участвующих в судебных прениях.

В той критике, которой может подвергаться институт судебных прений, следует различать две стороны. Может подвергаться критике сам процессуальный институт, может быть указана неправильность его организации, вследствие чего он не разрешает поставленных перед ним задач и не достигает стоящих пред ним целей. С другой стороны, может подвергаться критике та форма, в которую на практике выливаются судебные прения, то содержание, которое участники прений вкладывают в свои речи. Критика судебных прений, главным образом, относится к критике второго рода: критикуется не процессуальная организация института, а та неправильная форма, в которую он иногда выливается.

Еще до появления уголовно-процессуальных законов прения сторон строились как заключительная часть судебного заседания, завершающая судебное следствие и предшествующая последнему слову подсудимого и приговору. Еще в инструкции Народного Комиссара Юстиции СССР от 23 июля 1918 г. указывалось, что, когда суд находит, что дело судебным следствием достаточно выяснено, он предоставляет последнее слово сторонам с тем, чтобы последним говорил ответчик или обвиняемый. Таким образом, невозможно согласиться с теми процессуалистами, которые умаляют значение судебных прений. На самом же деле судебные прения играют большую роль и имеют важнейшее и воспитательное значение.

Задачей судебных прений является, как уже было отмечено, подведение итогов судебного следствия и, в связи с этим, судебная речь как бы намечает содержание будущего приговора, как его себе представляют стороны. Их задачей соответственно является внесение ясности в те запутанные вопросы, какие имеются в деле. Стороны в судебных прениях излагают все те доводы и соображения, которые должны быть взвешены и

обсуждены при вынесении приговора. Задача судебных прений заключается не только в том, чтобы в них прокурор и адвокат изложили свою точку зрения, свои выводы по делу. Этого мало. Прокурор и адвокат не должны ограничиваться этим, они должны стремиться к тому, чтобы в речах показать правильность своих выводов, доказать их обоснованность, убедить суд, склонить его к принятию своей точки зрения.

Судебные прения имеют целью помочь суду и всем присутствующим на судебном заседании лучше разобраться в фактических и юридических обстоятельствах дела, уяснить их смысл и значение, сделать необходимые выводы. Непосредственное участие в судебных прениях прокурора, защитника и других лиц, освещение ими всех исследуемых по делу фактов с позиций обвинения и защиты способствует установлению объективной истины по делу, служит одной из гарантий предупреждения судебных ошибок. Вот почему суд заинтересован в том, чтобы выслушать мнения участников уголовного процесса, обсудить их. Последние в свою очередь заинтересованы в том, чтобы высказать суду свои соображения, убедить его.

В результате судебных прений, когда весь доказательственный материал, собранный по делу, подвергается юридическому анализу, когда все спорные вопросы дела становятся предметом живой дискуссии, когда каждый из участников процесса обосновывает свои требования и предложения и возражает против требований и предложений другой, противной стороны, суду легче прийти к правильным выводам, постановить законный, обоснованный и справедливый приговор. Безусловно, внутреннее убеждение судей начинает складываться еще до начала судебных прений, во время судебного следствия. Но эти суждения и выводы не являются еще полными и окончательными. После завершения судебного следствия у судей всегда имеется потребность систематизировать полученные данные, осмыслить их, разобраться в том, что оказалось бесспорно установленным, что опровергнуто, какие обнаружены пробелы и упущения.

Судебные прения всегда носят характер открытой дискуссии, борьбы мнений. Здесь непосредственно сталкиваются различные точки зрения, различные оценки, одним доводам противостоят другие. В этих условиях суду легче установить истинность или ложность тех или иных фактов, определить их ценность и доказательственное значение, отбросить все ненужное, недостоверное. Выступая в судебных прениях, прокурор, защитник и другие участники уголовного процесса используют те же факты, оперируют теми же данными, которые были предметом судебного следствия. Но каждый из них привносит в дело

что-то свое, связывает добытые материалы в определенную логическую систему, по-своему осмысливает их, предлагает суду свои соображения. Не зря прения сторон являются формой полемики в суде. «Полемика» – древнегреческое слово; оно означает фактическую конфронтацию речами, диалог, воинственный и непримиримый по характеру. Таким образом, полемика представляет собой спор – словесное состязание, в котором каждый из его участников отстаивает свое мнение. Хорошим может считаться только тот оратор, который овладел приемами полемики и умеет искусно их применять в публичном споре.

Итак, в судебных прениях произносятся только речи. Судебная речь – это единственный способ выражения мнения стороны по тем или иным обстоятельствам дела. Никаких иных процессуальных действий стороны в судебных прениях не совершают. Если в судебном следствии активно участвуют не только стороны, но и суд, в судебных же прениях активно участвуют только стороны. Суд лишь выслушивает речи сторон. Иными словами, судебные речи обращены прежде всего суду. Но, говоря для суда, обосновывая свою позицию, помогая суду глубже познать истину и вынести правосудный приговор, участники судебного процесса не могут забывать о судебной аудитории, не учитывать ее.

В самом начале этого параграфа было упомянуто о том, что в результате судебных реформ 1864 года одним из важнейших принципов уголовного процесса и судопроизводства стал принцип состязательности.

Состязательность судебного разбирательства является важным условием установления объективной истины. Она способствует полному, всестороннему и объективному исследованию доказательств в суде, успешному раскрытию преступлений, изобличению виновных в его совершении и постановлению судом законного и обоснованного приговора. Состязательный характер судебных прений дает возможность с различных позиций, под разным углом зрения осветить спорные вопросы дела, но он таит в себе известные опасности. Существует опасность, что в пылу состязания стороны вольно или невольно перешагнут разумные границы, что спор из метода установления истины превратится в самоцель, где антагонизм, желание одолеть противника окажется на первом плане и под этим углом зрения будут использованы материалы судебного следствия. Итак, судебные прения – не состязание в красноречии прокурора и защитника, не риторический диспут. Они направлены на обеспечение полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, установление по нему истины, вынесение законного и обоснованного приговора.

Но значение судебных прений этим не исчерпывается. Ведя борьбу с преступлениями, применяя меры уголовного наказания, суд не только карает виновных, но и имеет целью их исправление и перевоспитание.

Судебные прения, являясь составной частью судебного разбирательства, содействуют суду в осуществлении его воспитательной функции, служат важным средством идеологического воздействия. Но воспитательное значение судебного процесса не ограничивается лишь воздействием на подсудимого и граждан, присутствующих в зале судебного заседания. Оно значительно шире. Любое уголовное дело порождено жизнью, является ее частицей. Оно не может оставлять безразличным, равнодушным значительный круг людей. Поэтому сам ход судебного разбирательства и его результаты привлекают к себе пристальное внимание, становятся известными многим лицам, получают широкий общественный отклик.

Роль и значение защитительной речи в судебных прениях. Согласно Конституции РФ и уголовно-процессуальному законодательству каждый обвиняемый имеет право на защиту, поэтому участие защитника-адвоката является очень важной и неотъемлемой формой в судопроизводстве, средством обеспечения этого права, важной гарантией прав и законных интересов лица, привлеченного к юридической ответственности (в данном случае к уголовной).

Участие адвоката в судебных прениях также необходимо и важно, как и на судебном следствии. Но нужно оговориться, что защитительная речь только тогда эффективна и успешна, когда опирается на детально и тщательно проведенное судебное следствие, на котором защитник сделал все, что можно было сделать для защиты обвиняемого, выяснил все, что благоприятствует подсудимому. Только в этом случае защитительная речь адвоката будет иметь положительный результат.

Участие в судебных прениях дает защитнику возможность подвергнуть развернутой критике версию обвинения и изложить суду все доводы в пользу подсудимого. При этом не боясь затрагивать острые вопросы, защитнику необходимо помнить, что ценность критики в ее правдивости, в общественной значимости поднимаемых вопросов. Как и вся судебная деятельность защитника, участие в прениях имеет целью убедить судей в правильности позиции защиты, склонить их к благоприятному для подсудимого решению. Участие в судебных прениях – важное право сторон и предпосылка постановления правосудного приговора.

Являются ли прокурор и адвокат они сторонами в судебном разбирательстве, в том числе в

судебных прениях, ведь нам известно, что стороны в процессе должны иметь одинаковое положение и равные права и обязанности? Можно ли утверждать, что и прокурор, и адвокат имеют одинаковые, равноценные возможности повлиять на мнение судей, а, следовательно, на вынесение желаемого приговора. Ведь, по сути дела, прокурору несложно воздействовать на суд: были следствие, обвинение, арест; есть государственный авторитет; имеются материалы уголовного дела и судебного следствия.

Что есть у оппонента – защитника? На самом деле у него нет ни власти, ни обязанности защищать интересы государства, ни своего следствия. Есть лишь немного – долг и обязанность помогать людям, попавшим в беду и нуждающимся в его помощи; ум, знания, опыт и порядочность. Но и этого “малого” оказывается достаточным для того, чтобы находить истину, отстаивать убеждения, бороться с нарушениями законов. Именно так поступают опытные, добропорядочные и добросовестные адвокаты.

Пределы доказывания участников судебных прений не совпадают. Обвинитель должен доказывать вину подсудимого. Что же касается защитника, то его задача уже. Он обязан настаивать на оправдании, хотя невиновность подсудимого и не доказана. Основанием такой просьбы служит то, что виновность подсудимого с несомненностью не подтверждена. Тем более не входит в пределы доказывания защитника выявление другого лица и обоснование его вины по рассматриваемому делу. Таким образом, задачи и цели защитительной речи неразрывно связаны и прямо вытекают из задач и целей защиты в уголовном процессе. Защитник, участвуя в уголовном процессе, служит тем задачам, которые стоят перед правосудием.

Задача защитника, реализуемая им в защитительной речи, находится в полном соответствии с задачами суда. У суда нет и не может быть задачи осуждения невиновного, вынесения обвинительного приговора без полных, исчерпывающих, исключаящих возможность каких-либо сомнений, доказательств. К этому стремится и защитник. У защитника, в свою очередь, не может быть задачи добиваться оправдания изобличающего преступника, в виновности которого нет совершенно никаких сомнений. Не в этом заключается защита прав и законных интересов подсудимого, которые никак нельзя понимать как “право” на безнаказанность, на отсутствие интересов противозаконных.

Суд имеет своей задачей дать правильную юридическую оценку деяния, правильно квалифицировать деяние, точно применить законы. Задача защитника здесь также не расходится с задачей суда, защитник не может видеть свою

задачу в том, чтобы попытаться склонить суд к неправильному применению законов или применению закона, не подлежащего применению только потому, что он “выгоден” для подсудимого.

Осветив роль и значение защитительной речи адвоката в судебных прениях, можно сделать вывод о том, что судебные прения не были бы прениями, не имели бы форму полемики, если бы не было противоположной точки зрения, произнесения иной судебной речи, нежели речь оппонента. Поэтому без защитительной речи адвоката в судопроизводстве никак не обойтись. Только благодаря произнесению судебных речей, в том числе защитительной, можно постичь объективную истину в суде и добиться правосудного приговора.

Общая характеристика защитительной речи адвоката. Согласно уголовно-процессуальному законодательству, защитник в судебных прениях всегда выступает после государственного и общественного обвинителей, гражданского истца. В процессуальной литературе это положение вызывает различные по своей сущности мнения. Одни сводят такое утверждение к преимущественному положению защитника в судебных прениях, другие же встречают это отрицательно. Большинство процессуалистов приходят к выводу, что такой порядок судебных прений благоприятствует установлению истины и обеспечению права на защиту, и отступление от вытекающего из уголовно-процессуального закона порядка судебных прений является нарушением права подсудимого на защиту. “Выступая после государственного обвинителя и гражданского истца, защитник поставлен тем самым в более благоприятные условия, чем эти последние. Он имеет возможность в своей защитительной речи реагировать на те положения, которые содержались в заслушанных им речах”.

На самом деле в таком порядке можно увидеть и преимущества, и недостатки (хотя больше склоняюсь к точке зрения вышеуказанных авторов). В категорическом требовании закона – защитник всегда выступает после обвинителя – есть и привилегия, льгота (защитник может ответить прокурору, может еще раз обдумать все, и, наконец, суд всегда уходит в совещательную комнату под впечатлением последней речи адвоката), и одновременно трудность, которую надо побороть, ведь защитнику надо всегда преодолеть “психологический барьер”, тот накал страстей, что оставил в судебной аудитории прокурор после произнесения своей речи. “Все кажется предельно ясным: вина доказана, остается лишь выслушать суровый приговор. Но раздаются слова защиты в пользу того, кто уже осужден общественным мнением. Аудитория приглашается посмотреть дело “с другой стороны” и “дру-

гими глазами”. Нелегко в этих условиях овладеть вниманием аудитории, преодолеть ее “настроенность” и “настороженность”. Для этого нужно хорошо владеть фактами и точно ими оперировать, давать правильную оценку событиям, не допускать “перегибов”, фальши, говорить искренне и вдохновенно, ярко и убедительно, надо быть принципиальным и мужественным защитником”.

Перейдем к главным вопросам. Что такое защитительная речь? Каковы ее цели и задачи?

Успех защиты во многом определяется защитительной речью адвоката. Это один из вариантов защиты. Характеристика защитительной речи зависит от двух аспектов процессуального положения защитника и его задач:

- 1) отношения защитника к суду, разбирающего дело;
- 2) отношения к подсудимому, которого он защищает.

И та и другая линии должны быть учтены защитником в полной мере. Вопросы процессуального положения защитника, отношения между ним и его подзащитным, наконец, вопрос о позиции защиты в суде были рассмотрены мной в предыдущих работах. Но хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что защитник не всегда и не полностью связан позицией обвиняемого, особенно в выборе тех средств и способов защиты, которыми оперирует адвокат. От этого, в частности, зависит и позиция защиты. Позиция защитника в окончательном виде высказывается в прениях сторон, хотя это не означает, что она не формируется на ранних этапах уголовного судопроизводства [1].

Итак, защитительная речь адвоката – это итог, завершение защиты, а не самодовлеющее действие защитника; итог, который подводится по всем материалам дела, проверенным в судебном заседании. Это кульминационный момент участия защитника в судебном разбирательстве уголовного дела, важное средство осуществления им своей функции. Наконец, защитительная речь по уголовному делу – это серьезный творческий акт, требующий от защитника кропотливой работы над повышением своих знаний. Для правильного построения и произнесения защитником речи требуется высокая квалификация защитника, глубокая культура, всестороннее знание обстоятельств рассматриваемого дела, принципиальность. Все это – итог громадной и трудной работы защитника, плод непрерывного и добросовестного труда, проникнутого искренним стремлением защищать права и законные интересы подсудимого, не допустить возможные ошибки во вред подсудимому, не упустить ничего, что может служить в пользу подсудимого. Способность защитника убеждать должна в суде проявляться

в совершенно особых, ни с чем другим не сходных условиях. Способность эта, тренируемая, развиваемая повседневной работой, накоплением опыта и знаний, должна в суде преодолеть особо тяжелые затруднения.

Закончено судебное следствие. Детально изучены материалы дела, допрошены свидетели, эксперты, дали объяснения подсудимые. Исследованы их жизненные обстоятельства, их личные качества и недостатки. В защитительной речи внимание суда обращается прежде всего на обстоятельства, оправдывающие, исключаящие или смягчающие ответственность подсудимого. Но при этом адвокат должен подвергнуть критическому разбору доводы и доказательства, на которые ссылается обвинение. Свою речь защитник строит так, чтобы полемика не переросла в личные выпады против процессуального противника.

В защитительной речи дается анализ и оценка исследованных доказательств с позиции защиты и вносятся предложения по вопросам применения уголовного закона, избрания меры наказания или освобождения от него, оправдания и т. д. Защищать обвиняемого нередко труднее, чем обвинять. Обвинение лица, о котором есть основание думать, что оно совершило преступление, кажется естественным, защиты такого лица – противоестественным. Общественность обычно осуждает преступление и лицо, его совершившее. Поэтому гневные слова обвинителя, произнесенные в судебном зале, как правило, ложатся на благоприятную почву, они как бы выражают думы и чаяния судебной аудитории, воспринимаются как обращенное выражение мыслей каждого сидящего в зале. Особенно большое сочувствие вызывает обвинение у потерпевших, его близких и знакомых, составляющих нередко значительную часть судебной аудитории. Суждения прокурора, представляющего на суде государственное обвинение, вызывает, по вполне понятным причинам, в большинстве своем доверие и одобрение. Поэтому часто заключительные слова государственного обвинителя, требующего от суда строгого наказания подсудимого, встречаются горячими аплодисментами [2].

Иное происходит с защитой. К ней проявляется настороженность, а иногда и прямо выраженное недоверие. Защита воспринимается нередко как попытка выгородить преступника, увести его из-под заслуженного удара судебной репрессии. Часто приходится слышать: “Кого защищает: убийцу, насильника, хулигана?!” Надо ли доказывать, что нередко защита воспринимается как противопоставление личных интересов – общественным, государственным. Поэтому умение сочетать защиту законных интересов

обвиняемого с интересами общества и государства, не переоценивать путем умаления значения второго и вместе с тем мужественно защищать человека – в этом основная трудность защиты. Интересы личности и интересы общества – эта проблема всегда в центре защиты. Не противопоставлять одно другому, не возвышать одно путем принижения другого. Не допустить малейшего нарушения соотношения защиты законных интересов личности и интересов общества, умно, тактично, с большим профессиональным мастерством и мужеством донести до сознания судебной аудитории простую и ясную идею, что в условиях общества нет и не может быть противоречий между законными интересами личности и интересами общества. В этом – нелегкая задача защиты и защитника. Защитник не должен забывать, что он выполняет в уголовном процессе, а значит и в судебных прениях, важную общественную функцию, имеющую большое государственное значение. Он не может защищать преступление, и, защищая подсудимого, он не имеет права умалять общественную опасность совершенного им преступного деяния. Отсюда вытекает обязанность защитника дать в защитительной речи правильную общественную оценку разбираемого дела. Конечно, это не всегда легко сделать, ибо осуждая преступление, защитник должен защищать подсудимого [5].

Таким образом, защитительная речь завершает ту большую и сложную работу защитника, которая направлена на охрану прав и законных интересов подсудимого, на обеспечение правильного применения закона, с тем чтобы не допустить возможные ошибки во вред подсудимому, исключить привлечение к уголовной ответственности и осуждение невиновного.

Суд, призванный вести активную и решительную борьбу с преступлениями, глубоко заинтересован в том, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Интересы защиты не только не противоречат этим стремлениям суда, но полностью с ними совпадают. Поэтому выступление защитника, искренне и убедительно требующего оправдания невиновного или осуждения виновного только в меру его вины с учетом всех установленных по делу смягчающих обстоятельств, находит понимание и поддержку со стороны судей. Они прислушиваются к доводам и аргументам защитника, взвешивают их, учитывают при постановлении приговора. И чем деловитее, содержательнее речь адвоката, чем глубже и полнее в ней проанализированы обстоятельства дела, тем больше влияние оказывает она на выносимое судом решение. Облегчается задача защитника в слу-

чае отказа прокурора от обвинения, но защитнику не следует просто присоединяться к прокурору, а произнести развернутую защитительную речь и обстоятельно проанализировать все доводы и доказательства, указанные в обвинительном заключении. При этом защитник может многое сказать в пользу подсудимого, чего не сделает отказавшийся от обвинения прокурор. Кроме того, они могут расходиться в мотивах и основаниях, по которым должен быть постановлен оправдательный приговор, и эти расхождения необходимо осветить и аргументировать в защитительной речи.

В этой речи не должно быть места тому, что ухудшает положение подсудимого. Отрицательные качества подсудимого и другие обстоятельства, отягчающие его ответственность, могут освещаться участниками судебных прений, но далеко не всеми. Аморальные качества подсудимого вряд ли может рассматриваться судом как обстоятельство, смягчающее ответственность, а поэтому вскрывать их в защитительной речи адвокату не следует. Представляется неправильной позиция адвоката и в тех случаях, когда он просит вынести мягкий обвинительный приговор, а подзащитный виновным себя не считает.

Известно, что защитительная речь в первую очередь произносится для суда, но адвокату не следует забывать и о других слушателях, присутствующих в зале. Поэтому речь адвоката преследует не только цель обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, но и является действенным средством пропаганды права и морали. Защитительная речь должна быть нравственно правильной и соответствовать требованиям этики. Каждое из таких требований столь настоятельно необходимо, что невыполнение любого из них лишает речь идейной и нравственной значимости. Речь адвоката должна быть проявлением подлинного гуманизма, означающего в таком слове “глубоко человеческий индивидуальный подход, заботу о человеке и уважительное к нему отношение, ... стремление видеть в каждом деле не безликий судебный “случай”, а живого человека, стоящего за этим делом, с его сложными переживаниями”. В защитительной речи, как и на протяжении всего судопроизводства, адвокат должен проявить внимательное, бережное и уважительное отношение к своему подзащитному. Сидящий на скамье подсудимых – еще не осужденный. И в судебном заседании к нему следует относиться с позиции презумпции невиновности, всемерно оберегать и щадить не только его самолюбие и достоинство, но и его человеческие чувства, избегая всего, что может принести ему боль и страдание. Но это относится не только к подсудимому, но и ко всем участникам процесса. Хотя

судебные прения, состоящие из судебных речей, могут доставить тягостные переживания независимо от воли оратора. Не случайно судебные прения были названы “операцией без наркоза”, боль причиняется, а анестезии нет.

Этические требования, соблюдение которых обязательно и в самой острой полемике, отнюдь не исчерпывается корректностью и проявлением должного уважения к процессуальному противнику. Нравственным критерием в полемике служит отношение к доводам противника [8].

Помимо этого, адвокат должен уметь слушать, а это редкий дар. Для адвоката этот дар – профессиональная обязанность. Адвокат – участник судебных прений – не выполнит своего долга, если он не умеет с подлинным и добросовестным вниманием, искренней заинтересованностью и уважением воспринимать мысль противника, если попытается возможную ошибку в ее изложении выдать за изъян ее сути. Умение слушать и услышать – не только гарантия действенности защиты, но и нравственная обязанность защитника.

Чтобы речь максимально отвечала нравственным требованиям, в ней должна быть дана верная фактическая, правовая и общественная оценка дела. Таким образом, исходя из всего вышеуказанного, можно сделать вывод о том, что тщательно продуманная защитительная речь имеет не только общественное, но и воспитательное значение.

Подготовка и составление защитительной речи. Для того чтобы успешно выступить в судебном заседании, необходима хорошая подготовка к процессу. Как же следует готовиться к произнесению защитительной речи и какова методика ее подготовки? Следует или не следует писать защитительную речь, по каждому ли делу надо составлять конспект или схему защитительной речи, следует ли пользоваться записями при произнесении речи, в каком порядке использовать примеры из практики, прибегать ли к использованию художественной литературы.

Подготовка защитительной речи – исключительно важный и сложный момент участия защитника-адвоката в уголовном процессе. Вопрос этот давно является предметом обсуждения в юридической литературе и по нему высказаны самые различные точки зрения и многочисленные рекомендации. Одни утверждают, что предварительное составление речи, в особенности по сложным делам, требует значительного труда для ее написания и больших усилий для ее запоминания, что ход судебного следствия и речь прокурора можно свести на нет всю предварительную работу, что адвокат должен уметь говорить экс-

промтом, что написанная речь безжизненна, не производит должного впечатления – “яркий цветок с запахом бумаги и клея”.

Исходя из этих соображений многие теоретики судебного ораторского искусства и практические деятели категорически высказывались против того, чтобы речь была заранее написана. Так, М. Ажам в своей работе “Искусство говорить публично” утверждал: “Да будет известно раз и навсегда, что нет вещи, более противоречащей ораторскому развитию, чем письменная подготовка. Если величайшие ораторы достигали высшего красноречия, то это происходило без ее помощи или, лучше, помимо нее”. Этого же мнения придерживался известный юрист А.Ф.Кони: “Я, никогда не писавший своих речей предварительно, позволяю себе, в качестве старого судебного деятеля, сказать молодым деятелям... не пишите речей заранее, не тратьте время, не полагайтесь на помощь этих сочиненных в тиши кабинета строк, медленно ложившихся на бумагу, а изучайте внимательно материал, запоминайте его, вдумайтесь в него...”.

Этой же точки зрения придерживался выдающийся юрист Г.П. Саркисянц. “Даже по самому сложному делу невозможно заранее составить защитительную речь. Составление защитительной речи по материалам предварительного следствия ни при каких условиях не может быть правильным и противоречит процессуальному закону, требующему обоснования приговора на данных судебного следствия. Разумеется, в ходе судебного следствия может совершенно измениться перспектива дела, отпасть те или иные доказательства и, появиться новые, гораздо более убедительные и ценные, чем те, которые имелись в предварительных материалах дела. Наконец, еще совершенно не ясна точка зрения представителя государственного обвинения в отношении значения имеющих в деле доказательств, его позиция по существу доказательных, процессуальных и материально-правовых вопросов дела. Как же можно составлять текст защитительной речи, которая фактически может быть подготовлена лишь после судебного следствия, когда будут ясны важнейшие и принципиальные вопросы дела”.

Другие же напротив рекомендуют уже в ходе предварительного ознакомления с делом составлять текст защитительной речи. Так, один из авторов книги “Защитник в советском суде” П.А. Огнев утверждает, что “полный текст речи или ее план, или ее схема должны быть составлены еще до начала судебного заседания. Такой текст, план или схема послужит и планом защиты. После окончания судебного следствия план, схема, текст речи может быть соответствующим образом пересмотрен, дополнен”.

Еще Цицерон в свое время писал: “Перо – лучший учитель, написанная речь лучше только продуманной”. Совершенно такого же мнения был П.Н. Обнинский. В статье “Судебная речь” он говорил: “Подготовка речи не должна ограничиваться одним так называемым изучением дела, т.е. беглым просмотром пробелов следственного производства с наскоку наброшенными отметками в контексте; подготовка должна выработать систему изложения и систему аргументации; судебная речь не может быть импровизацией, – совершенно напротив, чем она ближе стоит к предмету, тем вернее и шире отражает в себе все его стороны, тем скорее она достигает своей конечной цели – желаемого воздействия на вердикт... Подготовка дела должна предупредить возможные сомнения и неожиданности – группировать части так, чтобы целое развивалось в стройной последовательности, чтобы внимание слушателя не разбросалось по сторонам, не устремлялась то назад, то вперед, не раздражалась повторениями и ненужностями и т.д. В состоянии ли со всем этим разобраться экспромт, как бы велика не была талантливость оратора? Никогда!...”.

Нельзя дать раз и навсегда исчерпывающий перечень рекомендаций относительно методики подготовки защитительной речи, ибо она в значительной мере определяется индивидуальными особенностями интеллекта, памяти. Огромное значение имеют характер и особенности данного уголовного дела. Если по несложному делу нет необходимости составлять обширные записи и пользоваться ими при произнесении защитительной речи, то большому, сложному многотомному делу такая подготовка совершенно необходима. Но при всех условиях защитник обязан хорошо продумать и составить текст защитительной речи [10].

Все зависит от личных качеств, умения, навыков адвоката в каждом конкретном случае. Но есть такие адвокаты, которым предварительно написанная речь не принесет пользы, может быть даже свяжет их, не даст возможности свободно формулировать свои мысли. Это – особо одаренные люди, имеющие значительный судебный опыт, большую эрудицию. Такому оратору для произнесения яркой и убедительной речи достаточно сделать короткие заметки, отдельные наброски, выписать некоторые цитаты и т.д. Люди этой категории обычно не подготавливают всех деталей того, что они будут говорить, но в нужный момент для них открывается какой-то “таинственный” источник вдохновения, мыслей, цитат, сравнений, ярких образов и т.д.

Опытные адвокаты, знакомясь с материалами дела и делая выписки, одновременно делают заметки для речи: о чем сказать, на что обратить

внимание и т.д. Эти заметки к концу изучения дела дают основу для плана или тезисов речи. Работа над речью продолжается и в судебном заседании. Без тезисов или плана выступать нельзя. План или тезисы речи дают возможность привести в логический порядок разрозненные мысли оратора, систематизировать защитительные доводы. К концу судебного следствия адвокат, прочтя составленный заранее план речи, видит пробелы и упущения в анализе доказательств, что не выяснено в ходе следствия, что выяснено неполно, как восполнить эти пробелы в дополнениях к следствию. Изложение на бумаге проекта предстоящей защитительной речи, особенно начинающими адвокатами, бесспорно, содействует более последующему освещению материала, углубленному анализу доказательств, более четкой формулировке мыслей [8].

Поэтому те адвокаты, которые даже с гордостью утверждают, что они никогда не готовятся к защитительной речи, что произносят речь “по вдохновению”, как и положено делать “истинному” защитнику, не правы и, на мой взгляд, недобросовестны, поскольку защитительная речь – дело трудное и сложное, она имеет целью повлиять на суд, привести его к выводам, предлагаемым защитником для разрешения дела. От защитительной речи в известной степени зависит жизнь, судьба подсудимого.

Таким образом, необходимо, чтобы адвокат заранее обдумал и написал план речи, содержащий перечень вопросов, которые адвокат должен осветить в своей речи, причем каждый из этих вопросов должен быть максимально детально разработан в плане с указанием доказательств, на которые адвокат имеет в виду сослаться, и доводов, которые он должен привести. Полный текст речи или план должны быть составлены еще до судебного заседания. Но если по каким-либо причинам адвокат лишен возможности предварительно составить текст своей защитительной речи, то настоятельно рекомендуется в таких случаях иметь хотя бы подробный конспект, т.е. изложить по пунктам, в строго логической последовательности основные мысли и важнейший доказательственный материал, подкрепляющий эти мысли, не ограничиваясь составлением плана, т.е. одного только перечня вопросов, которые подлежат освещению в речи. Готовясь к речи, адвокат должен правильно, объективно оценивать свои способности, подготовить защитительную речь, исходя из своих индивидуальных возможностей, т.е. не ставить перед собой явно непосильных задач. Наряду с этим адвокат должен строить свою речь с учетом состава суда, культуры аудитории [9].

Итак, подготовка к защитительной речи начинается с изучения материалов дела. Каким

бы ясным и неясным не казалось дело, с ним следует внимательно ознакомиться. Только отличное знание дела дает возможность защитнику произнести хорошую речь. С годами приходят опыт и навыки быстрой ориентировки в материалах дела, умение увидеть в нем главное, но, не зная дело досконально, нельзя рассчитывать на успех выступления в суде. Изучение материалов каждого уголовного дела необходимо для того, чтобы уяснить:

- что будет проверяться в суде; соответствуют ли выводы обвинительного заключения материалам дела;
- учтены ли следователем все обстоятельства и доказательства по делу;
- есть ли необходимость восполнения пробелов предварительного следствия в суде.

Знание дела позволяет хорошо ориентироваться в его материалах, не пойти на поводу и других участников процесса, разработать методику и тактику своего участия в судебном следствии, определить позицию и содержание речи, составить ее план. Следовательно, чем глубже и лучше адвокат изучил дело, чем свободнее он владеет фактическими данными во всех их деталях, тем лучше он подготовлен к речи, тем больше он себя застраховал от всяких возможных неожиданностей в процессе. Другим очень важным условием хорошей подготовки к речи является заблаговременное собирание материалов для нее, начиная с момента изучения дела. При изучении дела адвокат отмечает некоторые наиболее важные доказательства, у него всегда возникают мысли, складываются доводы, он отмечает отдельные штрихи, которые должны быть использованы в речи. Эта работа по собиранию материалов дела к речи должна продолжаться и по ходу судебного разбирательства дела [7].

Все материалы дела должны стать объектом изучения. Нельзя выделять только факты, бросающиеся в глаза, и оставлять в стороне обстоятельства, кажущиеся незначительными, ибо трудно заранее определить, что окажется важным, а что не будет иметь никакого значения. Следует не только прочитать показания участвующих в деле лиц, но и тщательно ознакомиться с документами и вещественными доказательствами. Например, по делу об изнасиловании на одежде потерпевшей, приобщенной в качестве вещественного доказательства, не видно следов сопротивления, т.е. одежда находится в полном порядке. Значит необходимо в судебном заседании проверить, действительно ли имело место насилие, и при наличии иных доказательств поставить вопрос об отсутствии состава преступления [5].

Готовясь к защитительной речи, адвокат должен в обязательном порядке тщательно изу-

чать законодательство, а также материалы судебной практики и юридической литературы по нужным вопросам, и, наконец, работать над языком и стилем выступления. Работа над делом протекает не только за столом и не только в рабочее время. О деле нужно думать много и постоянно. Только тогда появятся нужные мысли, только тогда наступит “озарение”, и оратор увидит главное в деле. Те речи, которые кажутся произнесенными легко, просто, без всякого труда, на самом деле являются результатом широкого общего образования, опыта, постоянной работы над собой, над повышением своих знаний и, кроме всего этого, большой напряженной работы над делом.

Адвокат должен готовиться к защитительной речи не только до начала судебного заседания, на предварительном и судебном следствиях, но и непосредственно в стадии судебного разбирательства. Например, во время речи прокурора может возникнуть необходимость внести исправления и дополнения в план речи. Как правило, речь прокурора вызывает у адвоката новые мысли, а иногда требует дополнительной аргументации, диктует необходимость уделить внимание анализу некоторых доказательств. Если прокурор отказывается от обвинения или просит изменить квалификацию – это влечет, как правило, изменения в речи адвоката. Хотя предложение прокурора, как и предложение защиты, не обязательно для суда, структура защитительной речи, ее аргументация в известной степени зависят от речи прокурора [6].

Если в деле выступают другие адвокаты и они выступают раньше, защитник должен быть готов к изменению плана речи в зависимости от их выступлений. При солидарной защите, когда предыдущий адвокат подробно и убедительно проанализировал доказательства, нет необходимости столь подробно говорить об этих же доказательствах. Надо суметь быстро изменить план или тезисы, повторив только основное и подчеркнув упущенное. Если интересы защиты не совпадают, адвокату надо по ходу речи другого защитника записать его доводы и суметь в случае необходимости оценить их в своей речи. Таким образом, процесс подготовки к защитительной речи охватывает весь период работы адвоката в суде I инстанции, начиная от изучения дела перед судебным заседанием и заканчивая моментом, когда адвокату предоставляется слово [10].

Содержание защитительной речи. Содержание защитительной речи зависит от выбранной процессуальной позиции и его взаимоотношения с подзащитным. Судебное заседание, проведенное по делу, имеет целью проверить, в какой степени правильны выводы, сделанные составителем обвинительного заключения из материалов предварительного расследования. Суд при вынесении приговора ставит на свое обсуждение вопросы о том, имело ли место деяние, приписываемое подсудимому, содержит ли в себе это деяние состав преступления, совершил ли его подсудимый, подлежит ли он наказанию и какому именно. На этих основных вопросах сосредоточивает внимание защитительная речь, ими определяется ее содержание [2].

Настоящим украшением речи защитника, показателем его мастерства является простота, доступность, аргументированность и содержательность, за которыми скрывается глубокая и серьезная работа, высокая квалификация и опыт. Необходимо, чтобы защитительная речь по существу содержала в себе в последующем порядке сначала то, что понимается под тезисом, затем то, что понимается под аргументами, и, наконец, то, что понимается под демонстрацией, независимо от того, будут или не будут названы эти термины в речи, – в этом случае речь будет максимально убедительной и доходчивой.

Речь защитника всегда должна иметь отправной, исходный пункт, главную идею. От этого зависит и содержание речи, и построение ее, и удельный вес отдельных ее частей. Вокруг главной идеи должны концентрироваться весь материал, он должен быть ей подчинен. Определив исходную позицию по рассматриваемому делу, защитник должен наметить круг вопросов, которые он намерен осветить в своей речи, определить их соотношение и удельный вес, поставить их в определенной логической последовательности. Отсутствие логической стройности в изложении материала, бессистемность и диспропорция его частей неизбежно затрудняют восприятие речи, уменьшают ее убедительность и доказательность, снижают воспитательное значение. Значит, строя свою защитительную речь, адвокат должен руководствоваться законами и правилами логики, характеризующими форму процесса мышления с такими его элементами, как понятия, суждения, умозаключения. Следование законам логики придает речи защитника такие качества, как последовательность, обоснованность и отсутствие противоречий, органическая связь определенных положений, убедительность излагаемых доводов. Знание и применение правил логики позволяет защитнику избежать логических ошибок и вскрыть таковые в речах своих оппонентов [3].

Прежде чем приступить к изложению речи, защитник должен быть полностью убежден в истинности своей позиции и выводов. Ведь убедить или переубедить судей сможет только тот, кто сам твердо убежден. Следовательно, прокурор и адвокат оказывают воздействие на судей двумя методами: логической доказательностью речей и их эмоционально-психологической убе-

дительностью. И так, защитительная речь должна характеризоваться единством содержания и формы, иметь стройную цельную композицию, обеспечивающую последующее развертывание защитником тезисов. В ней не должно быть скороговорок, всякого рода повторов, неясных положений, уклонения от существа дела. Каждому вопросу следует отводить такое место, которое он заслуживает в комплексе исследуемых по делу обстоятельств. Второстепенные обстоятельства не должны затемнять, вытеснять главные моменты, важные защитительные доводы [4].

Вообще, общепринятых правил построения защитительной речи не существуют. Попытки дать какую-то единую систему речи заранее обречены на неудачу. Выступление в судебном заседании – дело живое, творческое.¹ Содержание и структура защитительной речи строго индивидуальны и зависят от результатов судебного следствия, избранной позиции, характера предъявленного обвинения, особенностей доказательственного материала и других обстоятельств рассматриваемого дела. Защитник выступает в суде после прокурора и поэтому не может не учитывать тех доводов и аргументов, которые приведены прокурором. Он обязан представить на рассмотрение суда свои доводы и соображения, привести свои аргументы. Вряд ли поможет правильному разрешению уголовного дела и своему подзащитному такой защитник, который, игнорируя результаты судебного следствия и доводы прокурора, будет строить свою речь, упрямо следуя заранее принятой схеме [12].

Из сказанного следует, что защитительная речь, как правило, должна носить полемический характер, быть органически связана с развернувшимися судебными прениями. Возражая против необоснованных утверждений прокурора, подвергая критическому анализу приведенные им доказательства, адвокат отстаивает свою точку зрения, приводит контрдоказательства в подтверждение правильности своих суждений [11].

Конечно, это не означает, что речь адвоката сводится лишь к ответу на обвинительную речь, что содержание последней обуславливает и содержание второй. Защитительная речь носит самостоятельный характер. В ней адвокат должен подвергнуть детальному анализу все обстоятельства дела под углом зрения защиты подсудимого, привести все данные, говорящие в его пользу. В тех случаях, когда защитник выступает по групповому делу, он должен соотносить свою речь с речами своих коллег, чтобы исключить повторения, разграничить обязанность и т.д. [1]

¹ Для защитительной речи еще в большей степени, чем для обвинительной, противопоказан шаблон, однообразие, заранее установленный трафарет.

Однако то положение, что в построении защитительной речи недопустим какой-либо стандарт, вовсе не означает, что не существует никаких общих требований, которым должна отвечать защитительная речь. Ее содержание и структура не могут быть произвольными. Они находятся в зависимости от тех задач, которые возложены на адвоката в процессе, и тех конкретных особенностей дела, по которому он выступает. Поэтому нельзя соглашаться с авторами кн. “Защитник в советском суде”, которые пишут: “Для содержания речей, их направленности, способов их построения никаких правил не установлено. Защитник может произносить речи и по содержанию и по форме так, как он находит это нужным”. Здесь авторы явно впадают в крайность и рекомендуемая ими полная свобода выбора формы и содержания речи некоторыми авторами понимается как возможность говорить во время судебных прений о чем угодно и как угодно, не заботясь о качестве защитительной речи и его соответствии требованиям закона.

Исходя из конкретных обстоятельств дела, адвокат может:

1) оспаривать обвинение в целом, доказывая невиновность подсудимого за отсутствием в его действиях состава преступления, за отсутствием самого события преступления или за непричастностью к нему подсудимого;

2) оспаривать обвинение в отношении отдельных его частей;

3) оспаривать правильность квалификации, доказывая необходимость изменения предъявленного обвинения на статью УК РФ, влекущую более мягкое наказание;

4) обосновывать меньшую степень виновности и ответственности подсудимого, приводя смягчающие его вину обстоятельства;

5) доказывать невменяемость подсудимого, исключая наступление уголовной ответственности. При всем этом защитник не только должен констатировать факты, утверждать те или иные положения или просто говорить о том, что доказательства являются сомнительными, все это адвокат должен подкреплять конкретными аргументами, приводить конкретные обстоятельства дела.

Список литературы:

[1] Албогачиев А.А. Аномия в ингушском обществе: социальная и политическая характеристика / В сборнике: Вузское образование и наука / Материалы региональной научно-практической конференции. 2007. С. 221-225.

[2] Албогачиев А.А. Возраст грандиозных планов // Аккредитация в образовании. 2014. № 8 (76). С. 49.

- [3] Галузо В.Н., Афанасьев В.С., Батюк В.И., Беседин А.В., Олимпиев А.Ю., Шелагин А.Б. Доказывание в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах Российской Федерации / Теория и правоприменительная практика / Москва, 2016.
- [4] Гандалоев Р.Б. Права и обязанности сторон и третьих лиц // Государственная служба и кадры. 2020. № 3. С. 54-57.
- [5] Дикарев В.Г., Олимпиев А.Ю. К вопросу о противодействии бесконтактному способу сбыта наркотиков через сеть интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 147-152.
- [6] Ильгова Е.В., Вершинина Г.И., Ермолаева Т.А., Стародубов А.А. К вопросу о должностных и уполномоченных лицах комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 98-105.
- [7] Ильгова Е.В., Сметанникова А.И. К вопросу о снижении возраста административной ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5 (124). С. 58-61.
- [8] Каллагов Т.Э. История формирования муниципальной службы в условиях реформирования местного самоуправления // Новый юридический журнал. 2014. № 3. С. 148-159.
- [9] Каллагов Т.Э. К вопросу о совершении правонарушений в сфере государственной гражданской и муниципальной службы // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4 (35). С. 93-96.
- [10] Олимпиев А.Ю., Галузо В.Н. О некоторых аспектах определения понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 4 (136). С. 130-134.
- [11] Саламов А.Х., Султыгова З.Х., Арчакова Р.Д. Особенности подготовки магистров-химиков / В сборнике: Вузовское образование и наука. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 214-216.
- [12] Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю. Войны на большом Ближнем Востоке 1960-е – 2016. - Москва, 2016.
- Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2007. S. 221-225.
- [2] Albogachiev A.A. Vozrast grandioznyh planov // Akkreditaciya v obrazovanii. 2014. № 8 (76). S. 49.
- [3] Galuzo V.N., Afanas'ev V.S., Batyuk V.I., Besedin A.V., Olimpiyev A.Yu., Shelagin A.B. Dokazyvanie v ugovolnom, grazhdanskom, arbitrazhnom i administrativnom processah Rossijskoj Federacii / Teoriya i pravoprimeritel'naya praktika / Moskva, 2016.
- [4] Gandaloev R.B. Prava i obyazannosti storon i tret'ih lic // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2020. № 3. S. 54-57.
- [5] Dikarev V.G., Olimpiyev A.Yu. K voprosu o protivodejstvii beskontaktnomu sposobu sbyta narkotikov cherez set' internet // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 8. S. 147-152.
- [6] Il'gova E.V., Vershinina G.I., Ermolaeva T.A., Starodubov A.A. K voprosu o dolzhnostnyh i upolnomochennyh licah komissij po delam nesovershennoletnih i zashchite ih prav // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2018. № 6 (125). S. 98-105.
- [7] Il'gova E.V., Smetannikova A.I. K voprosu o snizhenii vozrasta administrativnoj otvetstvennosti // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2018. № 5 (124). S. 58-61.
- [8] Kallagov T.E. Istoriya formirovaniya municipal'noj sluzhby v usloviyah reformirovaniya mestnogo samoupravleniya // Novyj yuridicheskij zhurnal. 2014. № 3. S. 148-159.
- [9] Kallagov T.E. K voprosu o sovershenii pravnaruszenij v sfere gosudarstvennoj grazhdanskoj i municipal'noj sluzhby // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 4 (35). S. 93-96.
- [10] Olimpiyev A.Yu., Galuzo V.N. O nekotoryh aspektah opredeleniya ponyatiya "rezul'taty operativno-rozysknoj deyatel'nosti" v Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2016. № 4 (136). S. 130-134.
- [11] Salamov A.H., Sultygova Z.H., Archakova R.D. Osobennosti podgotovki magistrov-himikov / V sbornike: Vuzovskoe obrazovanie i nauka. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2015. S. 214-216.
- [12] Hazanov A.M., Olimpiyev A.Yu. Vojny na bol'shom Blizhnem Vostoke 1960-e – 2016. - Moskva, 2016.

Spisok literatury:

[1] Albogachiev A.A. Anomiya v ingushskom obshchestve: social'naya i politicheskaya harakteristika / V sbornike: Vuzovskoe obrazovanie i nauka /